

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG 3227

.S27

v.2

I

~~680 RT~~
740

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

Х 740

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПб. Невскій, 92).

~~167~~
II.

СБОРНИКЪ

Sbornik *Tovarishestva Znanie*

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1903 ГОДЪ.

v. 2

КНИГА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

~~А. Купринъ. Мирное житіе.~~

~~Синдальскъ. Струотвореніе.~~

А. Чеховъ. Вишневы садъ.

~~Б. Чириковъ. На порукъ.~~

С. Юшкевичъ. Евреи.

Цѣна 1 рубль.

Р

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

PG 3227
. S 27
v. 2

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

Тип. Исыдора Гольдберга, Спб., Екатерин. кан. 94.

1-11-71

Изъ прибыли съ настоящаго сборника отчисляется: тысяча рублей—въ распоряженіе Литературнаго Фонда, тысяча рублей — въ распоряженіе Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, тысяча рублей—въ распоряженіе Общества для усиленія средствъ Женскаго Медицинскаго Института, тысяча рублей—въ распоряженіе Общества Взаимопомощи учителей и учительницъ Нижегородской губерніи на устройство общежитія для дѣтей, тысяча рублей—въ распоряженіе Нижегородскаго Отдѣла Общества Охраненія Народнаго здравія, секціи гигиены, воспитанія и образованія, на постройку Дѣтскаго Дома и пятьсотъ рублей—на Кемецкую народную читальню.

Товарищество «ЗНАНИЕ».

СКИТАЛЕЦЪ.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

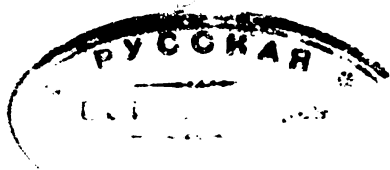
Волнами мощными я выброшенъ впередъ...
На твердомъ берегу лежу я одиноко.
А море, какъ органъ, побѣдный гимнъ поеть,
И грудь его опять вздымается высоко.
Но въ мертвой глубинѣ, гдѣ тихо и темно,
Гдѣ властно мракъ простеръ тяжелыя объятъ,
Гдѣ все придавлено и въ сонъ погружено—
Мои остались братья!

И снится мнѣ, что сквозь прозрачную струю
Я вижу, какъ они стремятся къ свѣту, къ жизни,
И вижу гибель ихъ въ отчаянномъ бою,
И плачу я, и рвусь къ покинутой отчизнѣ.
Гремучій валъ морской, примчавъ меня сюда,
Мнѣ душу расколелъ и вызвалъ стонъ проклятыя:
Мой умъ на высотѣ, но сердце тамъ всегда—
Гдѣ братья!

II.

Я чувствую—во мнѣ растеть и зрѣеть сила;
Чѣмъ больше я терплю, тѣмъ хуже будетъ вамъ!
Пусть свѣта я лишень, но праздникъ вашъ—могила:
На васъ и на себя я опрокину храмъ,

Гдѣ къ богу тьмы вы всѣ сберетесь для моленій,
И разомъ отомщу за долгій путь лишеній!

III.

Тамъ, впереди—лежитъ страна млека и меда.
Пустыня кончена, и ночь уже прошла!
Идите же впереди! Впередъ, сыны народа!
Я вижу блескъ зари, дорога вдаль—свѣтла!

А я—печаль мою изъ сердца исторгаю:
Она—копье враговъ, разсѣянныхъ въ борьбѣ.
Обѣтованному я улыбаюсь краю:
Священная земля! Я шлю привѣтъ тебѣ...

Я умираю здѣсь... А вась, сыны народа,
Ждетъ впереди побѣда и свобода!

IV.

На могучемъ конѣ кто-то гнался за мной,
Кто-то темный, по скаламъ, стуча о гранитъ,
Кто-то гнался, грозя мнѣ костлявой рукой,
И огонь вылеталъ изъ-подъ конскихъ копытъ.

И настигъ снѣ меня у могильной плиты,
А кругомъ были скользкія спины камней...
Крѣпко въ пальцахъ зажалъ я сухіе цвѣты,
Пряча ихъ на груди изболѣвшей моей.

— „Кто ты?“—я прошепталъ:— „отчего ты всегда
Вѣчно слѣдовалъ всюду за мной вдалькѣ?
Все ты отнял, но я не отдамъ никогда
Это счастье, что крѣпко держу я въ рукѣ!“

— „Не довольно-ли счастья?“—мнѣ всадникъ сказалъ,
Осадивъ на цѣпяхъ великана-коня:—
„Не довольно-ль цвѣтовъ? талисманъ твой завялъ;
Такъ иди-же все дальше, впередъ—отъ меня!“

V.

Мнѣ снилось, что мы пировали
Всѣ вмѣстѣ у берега моря.
Мы пѣли, а волны звучали,
Какъ струны, намъ вѣсело вторя.

Но кто-то изъ нашего круга
Отсутствовалъ въ этомъ собраньи...
Спросилъ я: „дождемся-ли друга?“
Тогда наступило молчанье.

И всѣ указали согласно
На волны со вздохомъ печальнымъ:
Лежалъ подъ водой онъ такъ ясно,
Какъ будто подъ сводомъ хрустальнымъ.

„Спасайте! Спасти еще можно!“
Вскричалъ я товарищамъ грозно.
И мнѣ отвѣчали тревожно,
Чуть слышно и жалобно: „поздно!“

.

Мнѣ снилось, что онъ уже съ нами,
Но въ лица взглянуть намъ не смѣть:
Онъ мертвыми смотреть очами,
И жалость въ сердцахъ нашихъ зрѣть.

Въ томъ другъ, какого мы знали,
И въ этомъ—все было такъ розно!
„Будь прежнимъ!“—всѣ хоромъ сказали,
И тихо онъ вымолвилъ: „поздно!“

А. ЧЕХОВЪ.

ВИШНЕВЫЙ САДЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РАНЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА, помѣщица.

АНЯ, ея дочь, 17 лѣтъ.

ВАРЯ, ея пріемная дочь, 24 лѣтъ.

ГАЕВЪ, ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВИЧЪ, братъ Раневской.

ЛОПАХИНЪ, ЕРМОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, кушечъ.

ТРОФИМОВЪ, ПЕТРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ, студентъ.

СИМЕОНОВЪ-ПИЩИКЪ, БОРИСЪ ВОРИСОВИЧЪ, помѣщикъ.

ШАРЛОТТА ИВАНОВНА, гувернантка.

ЕПИХОДОВЪ, СЕМЕНЪ ПАНТЕЛЕЕВИЧЪ, конторщикъ.

ДУНЯША, горничная.

ФИРСЪ, лакей, старикъ 87 лѣтъ.

ЯША, молодой лакей.

ПРОХОЖІЙ.

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ.

ПОЧТОВЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

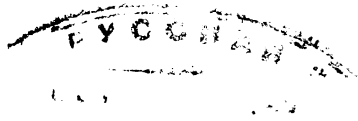
ГОСТИ, ПРИСЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Л. А. Раневской.

А. Чеховъ.

Вишневый садъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната, которая до сихъ поръ называется дѣтскою. Одна изъ дверей ведетъ въ комнату Ани. Разсвѣтъ, скоро взойдетъ солнце. Уже май, цвѣтутъ вишневья деревья, но въ саду холодно, утренникъ. Окна въ комнатѣ закрыты. Входятъ Дуняша со свѣчей и Лопахинъ съ книгой въ рукѣ.

ЛОПАХИНЪ. Пришелъ поѣздъ, слава Богу. Который часъ?

ДУНЯША. Скоро два. (Тушитъ свѣчу) Уже свѣтло.

ЛОПАХИНЪ. На сколько же опоздалъ поѣздъ? Часа на два, по крайней мѣрѣ. (Зѣваетъ и потягивается) Я-то хорошъ, какого дурака сваялялъ! Нарочно прѣѣхалъ сюда, чтобы на станціи встрѣтить и вдругъ проспалъ... Сидя уснулъ. Досада... Хоть бы ты меня разбудила.

ДУНЯША. Я думала, что вы уѣхали. (Прислушивается) Вотъ, кажется, уже ѣдутъ.

ЛОПАХИНЪ. (Прислушивается) Нѣтъ... Багажъ получить, то да се... (Пауза) Любовь Андреевна прожила за границей пять лѣтъ, не знаю, какая она теперь стала... Хорошій она человекъ. Легкій, простой человекъ. Помню, когда я былъ мальчонкомъ лѣтъ пятнадцати, отецъ мой покойный,—онъ тогда здѣсь на деревнѣ въ лавкѣ торговалъ,—ударилъ меня по лицу кулакомъ, кровь пошла изъ носу... Мы тогда вмѣстѣ пришли зачѣмъ-то во дворъ и онъ выпивши былъ. Любовь Андреевна, какъ сейчасъ помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня къ рукомоиннику, вотъ въ этой самой комнатѣ, въ

дѣтской. „Не плачь, — говорить, — мужичокъ, до свадьбы заживетъ“... (Пауза) Мужичокъ... Отецъ мой, правда, мужикъ былъ, а я вотъ въ бѣлой жилеткѣ, желтыхъ башмакахъ. Со свинымъ рыломъ въ калачный рядъ... Только что вотъ богатый, денегъ много, а ежели подумать и разобраться, то мужикъ мужикомъ... (Перелистываетъ книгу) Читалъ вотъ книгу и ничего не понималъ. Читалъ и заснулъ. (Пауза)

ДУНЯША. А собаки всю ночь не спали, чуютъ, что хозяйева ѣдутъ.

ЛОПАХИНЪ. Что ты, Дуняша, такая...

ДУНЯША. Руки трясутся. Я въ обморокъ упаду.

ЛОПАХИНЪ. Очень ужъ ты нѣжная, Дуняша. И одѣваешься, какъ барышня, и прическа тоже. Такъ нельзя. Надо себя помнить.

Входитъ Епиходовъ съ букетомъ; онъ въ пиджакъ и въ ярко вычищенныхъ сапогахъ, которые сильно скрипятъ; войдя, онъ роняетъ букетъ.

ЕПИХОДОВЪ. (Поднимаетъ букетъ) Вотъ садовникъ прислалъ, говорить, въ столовой поставить. (Отдаетъ Дуняшѣ букетъ)

ЛОПАХИНЪ. И квасу мнѣ принесешь.

ДУНЯША. Слушаю. (Уходитъ)

ЕПИХОДОВЪ. Сейчасъ утренникъ, морозъ въ три градуса, а вишня вся въ цвѣту. Не могу одобрить нашего климата. (Вздыхаетъ) Не могу. Нашъ климатъ не можетъ способствовать въ самый разъ. Вотъ, Ермолай Алексѣевичъ, позвольте вамъ присовокупить, купилъ я себѣ третьяго дня сапоги, а они, смѣю васъ увѣрить, скрипятъ такъ, что нѣтъ никакой возможности. Чѣмъ бы смазать?

ЛОПАХИНЪ. Отстанъ. Надоѣлъ.

ЕПИХОДОВЪ. Каждый день случается со мной какое-

нибудь несчастье. И я не ропщу, привыкъ и даже улыбаюсь.

Дуняша входитъ, подаетъ Лопахину квась.

Епиходовъ. Я пойду. (Натыкается на стулъ, который падаетъ) Вотъ... (Какъ бы торжествуя) Вотъ видите, извините за выраженіе, какое обстоятельство, между прочимъ... Это просто даже замѣчательно! (Уходитъ)

дуняша. А мнѣ, Ермолай Алексѣичъ, признаться, Епиходовъ предложеніе сдѣлалъ.

лопахинъ. А!

дуняша. Не знаю ужъ какъ... Человѣкъ онъ смиренный, а только иной разъ какъ начнетъ говорить, ничего не поймешь. И хорошо, и чувствительно, только не понятно. Мнѣ онъ какъ будто и нравится. Онъ меня любить безумно. Человѣкъ онъ несчастливый, каждый день что-нибудь. Его такъ и дразнить у насъ: двадцать два несчастья...

лопахинъ. (Прислушивается) Вотъ, кажется, ѣдутъ...

дуняша. Ёдутъ! Что-жъ это, со мной... похолодѣла вся.

лопахинъ. Ёдутъ, въ самомъ дѣлѣ. Пойдемъ встрѣчать. Узнаетъ ли она меня? Пять лѣтъ не видались.

дуняша. (Въ волненіи) Я сейчасъ упаду... Ахъ, упаду!

Слышно, какъ къ дому подъѣзжаютъ два экипажа. Лопахинъ и Дуняша быстро уходятъ. Сцена пуста. Въ сосѣднихъ комнатахъ начинается шумъ. Черезъ сцену, опираясь на палочку, торопливо проходитъ Фирсъ, вѣдившій встрѣчать Любовь Андреевну; онъ въ старинной ливреѣ и въ высокой шляпѣ; онъ что-то говоритъ самъ съ собой, но нельзя разобрать ни одного слова. Шумъ за сценой все усиливается. Голосъ:— „Вотъ пройдемте здѣсь“... Любовь Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна съ

собачкой на цѣпочкѣ, одѣтыя по дорожному, Варя въ пальто и платкѣ, Гаевъ, Симоновъ-Пищикъ, Лопахинъ, Дуняша съ узломъ и зонтикомъ, прислуга съ вещами—всѣ идутъ черезъ комнату.

аня. Пройдемте здѣсь. Ты, мама, помнишь, какая это комната?

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Радостно, сквозь слезы) Дѣтская!

ВАРЯ. Какъ холодно, у меня руки заоченѣли. (Любови Андреевнѣ) Ваши комнаты, бѣлая и фіолетовая, такими же и остались, мамочка.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Дѣтская, милая моя, прекрасная комната... Я тутъ спала, когда была маленькой... (Плачетъ) И теперь я какъ маленькая... (Цѣлуетъ брата, Варю, потомъ опять брата) А Варя по прежнему все такая же, на монашку похожа. И Дуняшу я узнала... (Цѣлуетъ Дуняшу).

ГАЕВЪ. Поѣздъ опоздалъ на два часа. Каково? Каковы порядки?

ШАРЛОТТА. (Пищику) Моя собака и орѣхи кушаетъ. пищикъ. (Удивленно) Вы подумайте!

Уходить всѣ, кромѣ Ани и Дуняши.

ДУНЯША. Заждались мы... (Снимаетъ съ Ани пальто, шляпу)

аня. Я не спала въ дорогѣ четыре ночи... теперь озябла очень.

ДУНЯША. Вы уѣхали въ великомъ посту, тогда былъ снѣгъ, былъ морозъ, а теперь? Милая моя! (Смѣется, цѣлуетъ ее) Заждалась васъ, радость моя, свѣтикъ... Я скажу вамъ сейчасъ, одной минутки не могу утерпѣть...

аня. (Вяло) Опять что-нибудь...

ДУНЯША. Конторщикъ Епиходовъ послѣ святой мнѣ предложеніе сдѣлалъ.

аня. Ты все объ одномъ... (Поправляя волосы) Я расте-
ряла всѣ шпильки... (Она очень утомлена, даже пошатывается)
дуняша. Ужъ я не знаю, что и думать. Онъ меня
любить, такъ любить!

аня. (Глядитъ въ свою дверь, нѣжно) Моя комната, мои окна,
какъ будто я не уѣзжала. Я дома! Завтра утромъ встану,
побѣгу въ садъ... О, если бы я могла уснуть! Я не
спала всю дорогу, томило меня безпокойство.

дуняша. Третьяго дня Петръ Сергѣичъ пріѣхали.

аня. (Радостно) Петя!

дуняша. Въ банѣ спать, тамъ и жить. Боюсь, го-
ворять, стѣснить. (Взглянувъ на свои карманные часы) Надо
бы ихъ разбудить, да Варвара Михайловна не велѣла.
Ты, говорить, его не буди.

Входитъ Варя, на поясъ у нея вязка
ключей.

варя. Дуняша, кофе поскорѣй... Мамочка кофе про-
сить.

дуняша. Сю минуточку. (Уходитъ)

варя. Ну, слава Богу, пріѣхали. Опять ты дома. (Ла-
скаясь) Душечка моя пріѣхала! Красавица пріѣхала!

аня. Натерпѣлась я.

варя. Воображаю!

аня. Выѣхала я на страстной недѣлѣ, тогда было
холодно. Шарлотта всю дорогу говорить, представляетъ
фокусъ. И зачѣмъ ты навязала мнѣ Шарлотту...

варя. Нельзя же тебѣ одной ѣхать, душечка. Въ
семнадцать лѣтъ!

аня. Пріѣзжаемъ въ Парижъ, тамъ холодно, снѣгъ.
По французски говорю я ужасно. Мама живетъ на пятомъ
этажѣ, прихожу къ ней, у нея какіе-то французы, дамы,
старый патеръ съ книжкой, и накурено, неуютно. Мнѣ
вдругъ стало жаль мамы, такъ жаль, я обняла ея го-

лову, сжала руками и не могу выпустить. Мама потомъ все ласкалась, плакала...

ВАРЯ. (Сквозь слезы) Не говори, не говори...

АНЯ. Дачу свою около Ментоны она уже продала, у нея ничего не осталось, ничего. У меня тоже не осталось ни копѣйки, едва доѣхали. И мама не понимаетъ! Сядемъ на вокзалѣ обѣдать, и она требуетъ самое дорогое и на чай лакеямъ даетъ по рублю. Шарлотта тоже. Яша тоже требуетъ себѣ порцію, просто ужасно. Вѣдь у мамы лакей Яша, мы привезли его сюда...

ВАРЯ. Видѣла подлеца.

АНЯ. Ну что, какъ? Заплатили проценты?

ВАРЯ. Гдѣ тамъ.

АНЯ. Боже мой, Боже мой...

ВАРЯ. Въ Августѣ будутъ продавать имѣніе...

АНЯ. Боже мой...

ЛОПАХИНЪ. (Заглядываетъ въ дверь и мычить) Ме-е-е... (Уходитъ)

ВАРЯ. (Сквозь слезы) Вотъ такъ бы и дала ему... (Грозитъ кулакомъ).

АНЯ. (Обнимаетъ Варю, тихо) Варя, онъ сдѣлалъ предложеніе? (Варя отрицательно качаетъ головой) Вѣдь онъ же тебя любить... Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете!

ВАРЯ. Я такъ думаю, ничего у насъ не выйдетъ. У него дѣла много, ему не до меня...и вниманія не обращаетъ. Богъ съ нимъ совѣмъ, тяжело мнѣ его видѣть... Всѣ говорятъ о нашей свадьбѣ, всѣ поздравляютъ, а на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ, все какъ сонъ... (Другимъ тономъ) У тебя брошка въ родѣ какъ пчелка.

АНЯ. (Печально) Это мама купила. (Идетъ въ свою комнату, говоритъ весело, по дѣтски) А въ Парижѣ я на воздушномъ шарѣ летала!

ВАРЯ. Душечка моя пріѣхала! Красавица пріѣхала!

Дуняша уже вернулась съ кофейникомъ и варитъ кофе.

ВАРЯ. (Стоитъ около двери) Хожу я, душечка, цѣльный день по хозяйству и все мечтаю. Выдать бы тебя за богатаго человѣка, и я бы тогда была покойнѣй, пошла бы себѣ въ пустынь, потомъ въ Кіевъ... въ Москву, и такъ бы все ходила по святымъ мѣстамъ... Ходила бы и ходила. Благолѣпіе!...

АНЯ. Птицы поютъ въ саду. Какой теперь часъ?

ВАРЯ. Должно, третій. Тебѣ пора спать, душечка. (Входя въ комнату къ Анѣ) Благолѣпіе!

Входитъ Яша съ пледомъ, дорожной сумочкой.

ЯША. (Идетъ черезъ сцену, деликатно) Тутъ можно! пройти-съ?

ДУНЯША. И не узнаешь васъ, Яша. Какой вы стали заграницей.

ЯША. Гм... А вы кто?

ДУНЯША. Когда вы уѣзжали отсюда, я была этакой... (Показываетъ полъ) Дуняша, Федора Козоѣдова дочь. Вы не помните!

ЯША. Гм... Огурчикъ! (Оглядывается и обнимаетъ ее; она вскрикиваетъ и роняетъ блюдечко. Яша быстро уходитъ)

ВАРЯ. (Въ дверяхъ, недовольнымъ голосомъ) Что еще тутъ?

ДУНЯША. (Сквозь слезы) Блюдечко разбила...

ВАРЯ. Это къ добру.

АНЯ. (Выйдя изъ своей комнаты) Надо бы маму предупредить: Петя здѣсь...

ВАРЯ. Я приказала его не будить.

АНЯ. (Задумчиво) Шестъ лѣтъ тому назадъ умеръ отецъ, черезъ мѣсяць утонулъ въ рѣкѣ братъ Гриша, хорошенькій семилѣтній мальчикъ. Мама не перенесла, ушла, ушла безъ оглядки... (Вдрагиваетъ) Какъ я ее понимаю, если бы она знала! (Пауза) А Петя Трофимовъ былъ учителемъ Гриши, онъ можетъ напомнить...

Входитъ Фирсъ; онъ въ пиджакѣ и бѣломъ жилетѣ.

ФИРСЪ. (Идетъ къ кофейнику, озабоченно) Барыня здѣсь будутъ кушать... (Надѣваетъ бѣлыя перчатки) Готовъ кофій? (Строго Дуняшѣ) Ты! А сливки?

ДУНЯША. Ахъ, Боже мой... (Быстро уходитъ)

ФИРСЪ. (Хлопочетъ около кофейника) Эхъ, ты, недотепа... (Ворочетъ про себя) Приѣхали изъ Парижа... И баринъ когда-то ѣздилъ въ Парижъ... на лошадахъ... (Смѣется)

ВАР'Я. Фирсѣ, ты о чемъ?

ФИРСЪ. Чего изволите? (Радостно) Барыня моя приѣхала! Дождался! Теперь хоть и помереть... (Плачетъ отъ радости)

Входятъ Любовь Андреевна, Гаевъ и Симеоновъ-Пищикъ; Симеоновъ-Пищикъ въ поддевкѣ изъ тонкаго сукна и шароварахъ. Гаевъ, входя, руками и туловищемъ дѣлаетъ движенія, какъ будто играетъ на биллиардѣ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Какъ это? Дай-ка вспомнить... Желтаго въ уголь! Дуплетъ въ середину!

ГАЕВЪ. Рѣжу въ уголь! Когда-то мы съ тобой, сестра, спали вотъ въ этой самой комнатѣ, а теперь мнѣ уже 51 годъ, какъ это ни странно...

ЛОПАХИНЪ. Да, время идетъ.

ГАЕВЪ. Кого?

ЛОПАХИНЪ. Время, говорю, идетъ.

ГАЕВЪ. А здѣсь пачулями пахнетъ.

АНЯ. Я спъ ть пойду. Спокойной ночи, мама. (Цѣлуетъ мать)

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Ненаглядная дитюся моя. (Цѣлуетъ ей руки) Ты рада, что ты дома? Я никакъ въ себя не приду.

АНЯ. Прощай, дядя.

ГАЕВЪ. (Цѣлуетъ ей лицо, руки) Господь съ тобой. Какъ ты похожа на свою мать! (Сестрѣ) Ты, Люба, въ ея годы была точно такая.

Аня подаетъ руку Лопахину и Пищику, ухлотивъ и затворяетъ за собой дверь.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Она утомилась очень.

ПИЩИКЪ. Дорога, небось, длинная.

ВАРЯ. (Лопахину и Пищику) Что-жь, господа? Третий часъ, пора и честь знать.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Смѣется) Ты все такая же, Варя. (Привлекаетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ) Вотъ выпью кофе, тогда всѣ уйдемъ. (Фирсъ кладетъ ей подъ ноги подушечку) Спасибо, родной. Я привыкла къ кофе. Пью его и днемъ, и ночью. Спасибо, мой старичокъ. (Цѣлуетъ Фирса)

ВАРЯ. Поглядѣть, всѣ ли вещи привезли... (Уходитъ)

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Неужели это я сижу? (Смѣется) Мнѣ хочется прыгать, размахивать руками. (Закрываетъ лицо руками) А вдругъ я сплю! Видитъ Богъ, я люблю родину, люблю нѣжно, я не могла смотрѣть изъ вагона, все плакала. (Сквозь слезы) Однако же, надо пить кофе. Спасибо тебѣ, Фирсъ, спасибо, мой старичокъ. Я такъ рада, что ты еще живъ.

ФИРСЪ. Позавчера.

ГАЕВЪ. Онъ плохо слышитъ.

ЛОПАХИНЪ. Мнѣ сейчасъ, въ пятомъ часу утра, въ Харьковъ ѣхать. Такая досада! Хотѣлось поглядѣть на васъ, поговорить... Вы все такая же великолѣпная.

ПИЩИКЪ. (Тяжело дышетъ) Даже похорошѣла... Одѣта по парижскому... пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса...

ЛОПАХИНЪ. Вашъ братъ, вотъ Леонидъ Андреичъ, говоритъ про меня, что я хамъ, я кулакъ, но это мнѣ рѣшительно все равно. Пускай говоритъ. Хотѣлось бы только, чтобы вы мнѣ вѣрили по прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядѣли на меня, какъ прежде. Боже милосердный! Мой отецъ былъ крѣпостнымъ у вашего дѣда и отца, но вы, собственно вы, сдѣлали для меня когда-то такъ много, что я забылъ все и люблю васъ, какъ родную... больше, чѣмъ родную.

любовь андреевна. Я не могу усидѣть, не въ состояннн... (Вскакиваетъ и ходитъ въ сильномъ волненнн) Я не переживу этой радости... Смѣйтесь надо мной, я глупая... Шкафнкъ мой родной... (Цѣлуетъ шкафъ) Столкъ мой... гавъ. А безъ тебя тутъ няня умерла.

любовь андреевна. (Садится и пьетъ кофе) Да, царство небесное. Мнѣ писали.

гавъ. И Анастаснн умеръ. Петрушка Косой отъ меня ушелъ и теперь въ городѣ у пристава живетъ. (Вынимаетъ изъ кармана коробку съ леденцами, сосетъ)

пицнкъ. Дочка моя, Дашенька... вамъ кланяется...

лопахнн. Мнѣ хочется сказать вамъ что-нибудь очень прнятное, веселое. (Взглянувъ на часы) Сейчасъ уѣду, некогда разговаривать... ну, да я въ двухъ-трехъ словахъ. Вамъ уже извѣстно, вишневый садъ вашъ продается за долги, на 22 августа назначены торги, но вы не беспокойтесь, моя дорогая, спите себѣ спокойно, выходъ есть... Вотъ мой проектъ. Прошу вниманн! Ваше имѣнн находится только въ двадцати верстахъ отъ города, возлѣ прошла желѣзная дорога, и если вишневый садъ и землю по рѣкѣ разбить на дачные участки и отдавать потомъ въ аренду подъ дачи, то вы будете имѣть самое малое 25 тысячъ въ годъ дохода.

гавъ. Извините, какая чепуха!

любовь андреевна. Я васъ не совѣмъ понимаю, Ермолай Алексѣичъ.

лопахнн. Вы будете брать съ дачниковъ самое малое по 25 рублей въ годъ за десятину, и если теперь же объявите, то я ручаюсь, чѣмъ угодно, у васъ до осени не останется ни одного свободнаго клочка, все разберутъ. Однимъ словомъ, поздравляю, вы спасены. Мѣстоположенн чудесное, рѣка глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить... напрымѣрь, скажемъ, снести всѣ старыя постройки, вотъ этотъ домъ,

который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый садъ...

любовь андреевна. Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если во всей губерніи есть что-нибудь интересное, даже замѣчательное, такъ это только нашъ вишневый садъ.

лопахинъ. Замѣчательнаго въ этомъ саду только то, что онъ очень большой. Вишня родится разъ въ два года, да и ту дѣвать некуда, никто не покупаетъ.

гаевъ. И въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ упоминается про этотъ садъ.

лопахинъ. (Взглянувъ на часы) Если ничего не придумаемъ и ни къ чему не придемъ, то 22 Августа и вишневый садъ, и все имѣніе будутъ продавать съ аукціона. Рѣшайтесь же! Другого выхода нѣтъ, клянусь вамъ. Нѣтъ и нѣтъ.

фирсъ. Въ прежнее время, лѣтъ 40—50 назадъ, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили и, бывало...

гаевъ. Помолчи, Фирсъ...

фирсъ. И бывало, сушеную вишню возами отправляли въ Москву и въ Харьковъ. Денегъ было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способъ тогда знали...

любовь андреевна. А гдѣ же теперь этотъ способъ?

фирсъ. Забыли. Никто не помнить.

пищикъ. (Любовь Андреевнѣ) Что въ Парижѣ? Какъ? Вли лягушекъ?

любовь андреевна. Крокодиловъ ѣла.

пищикъ. Вы подумайте...

лопахинъ. До сихъ поръ въ деревнѣ были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Всѣ города, даже самые небольшіе, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачникъ лѣтъ черезъ двад-

цать размножится и начнетъ работать во всю. Теперь онъ только чай пьетъ на балконѣ, но вѣдь, можетъ случиться, что на своей одной десятинѣ онъ займется хозяйствомъ, и тогда вашъ вишневыи садъ сталъ бы счастливымъ, богатымъ, и вы бы не узнали его.

ГАЕВЪ. (Возмущаясь) Какая чепуха.

Входятъ Варя и Яша.

ВАРЯ. Тутъ, мамочка, вамъ двѣ телеграммы. (Выбираетъ ключъ и со звономъ отпираетъ старинный шкафъ) Вотъ онѣ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Это изъ Парижа. (Рветъ телеграммы, не прочитавъ) Съ Парижемъ кончено...

ГАЕВЪ. А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лѣтъ? Недѣлю назадъ я выдвинулъ нижній ящикъ, гляжу, а тамъ выжжены цифры. Шкафъ сдѣланъ ровно сто лѣтъ тому назадъ. Каково? А? Можно было бы юбилей отпраздновать. Предметъ неодушевленный, а все-таки, какъ ни какъ, книжный шкафъ.

ПИЩИКЪ. (Удивленно) Сто лѣтъ... Вы подумайте!..

ГАЕВЪ. Да... Это вещь... (Ощупавъ шкафъ) Дорогой, многоуважаемый шкафъ! Привѣтствую твое существованіе, которое вотъ уже больше ста лѣтъ было направлено къ свѣтлымъ идеаламъ добра и справедливости; твой молчаливый призывъ къ плодотворной работѣ не ослабѣвалъ въ теченіи ста лѣтъ, поддерживая (сквозь слезы) въ поколѣніяхъ нашего рода бодрость, вѣру въ лучшее будущее и воспитывая въ насъ идеалы добра и общественнаго самосознанія. (Пауза)

ЛОПАХИНЪ. Да...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Ты все такой же, Леня.

ГАЕВЪ. (Немного сконфуженный) Отъ шара направо въ уголъ! Рѣжу въ среднюю!

ЛОПАХИНЪ. (Поглядѣвъ на часы) Ну, мнѣ пора.

ЯША. (Подаетъ Любови Андреевнѣ лѣкарства) Можетъ, примете сейчасъ пилюли...

пищикъ. Не надо принимать медикаменты, мнѣйшая... отъ нихъ ни вреда, ни пользы... Дайте ка сюда... многоуважаемая. (Беретъ пилюли, высыпаетъ ихъ себѣ на ладонь, дуеетъ на нихъ, кладетъ въ ротъ и запиваетъ квасомъ) Вотъ!

любовь андреевна. (Испуганно) Да вы съ ума сошли! пищикъ. Всѣ пилюли принять.

лопахинъ. Экая прорва. (Всѣ смѣются)

фирсъ. Они были у насъ на святой, потъ ведра огурцовъ скушали... (Бормочетъ)

любовь андреевна. О чемъ это онъ?

варя. Ужъ три года такъ бормочетъ. Мы привыкли. яша. Преклонный возрастъ.

Шарлотта Ивановна въ блонмъ платьѣ, очень худая, стянутая, съ лорнеткой на поясъ проходитъ черезъ сцену.

лопахинъ. Простите, Шарлотта Ивановна, я не успѣлъ еще поздороваться съ вами. (Хочетъ поцѣловать у нея руку).

шарлотта. (Отнимая руку) Если позволить вамъ поцѣловать руку, то вы потомъ пожелаете въ локоть, потомъ въ плечо...

лопахинъ. Не везетъ мнѣ сегодня. (Всѣ смѣются) Шарлотта Ивановна, покажите фокусъ!

любовь андреевна. Шарлотта, покажите фокусъ!

шарлотта. Не надо. Я спать хочу. (Уходитъ)

лопахинъ. Черезъ три недѣли увидимся. (Цѣлуетъ Любви Андреевнѣ руку) Пока прощайте. Пора. (Гаеву) До свиданця. (Цѣлуется съ Пищикомъ) До свиданця. (Подаетъ руку Варѣ, потомъ Фирсу и Яшѣ) Не хочется уѣзжать. (Любви Андреевнѣ) Ежели надумаете насчетъ дачъ и рѣшите, тогда дайте знать, я займы тысячъ пятьдесятъ достану. Серьезно подумайте.

варя. (Сердито) Уходите же, наконецъ.

ЛАПАХИНЪ. Ухожу, ухожу... (Уходитъ)

ГАЕВЪ. Хамъ. Впрочемъ, пардонъ... Варя выходитъ за него замужъ, это Варинъ женишокъ.

ВАРЯ. Не говорите, дядечка, лишняго.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Что-жь, Варя, я буду очень рада. Онъ хороший человѣкъ.

ПИЩИКЪ. Человѣкъ, надо правду говорить... достойнѣйшій... И моя Дашенька... тоже говорить, что... разныя слова говорить. (Храпитъ, но тотчасъ же просыпается) А все таки, многоуважаемая, одолжите мнѣ... займы 240 рублей... завтра по закладной проценты платить...

ВАРЯ. (Испуганно) Нѣту, нѣту.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. У меня въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего.

ПИЩИКЪ. Найдутся. (Смѣется) Не теряю никогда надежды. Вотъ, думаю, ужъ все пропало, погибъ, анъ глядь, — желѣзная дорога по моей землѣ прошла и... мнѣ заплатили. А тамъ, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня, завтра... Двѣсти тысячъ выиграетъ Дашенька... у нея билетъ есть...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Кофе выпить, можно на покой.

ФИРСЪ. (Чиститъ щеткой Гаева, наставительно) Опять не тѣ брючки надѣли. И что мнѣ съ вами дѣлать!

ВАРЯ. (Тихо) Аня спитъ. (Тихо отворяетъ окно) Уже взошло солнце, не холодно. Взгляните, мамочка: какія чудесныя деревья! Боже мой, воздухъ! Скворцы поютъ!

ГАЕВЪ. (Отворяетъ другое окно) Садъ весь бѣлый. Ты не забыла, Люба? Вотъ эта длинная аллея идетъ прямо, прямо, точно протянутый ремень, она блеститъ въ лунныя ночи. Ты помнишь? Не забыла?

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Глядитъ въ окно на садъ) О мое дѣтство, чистота моя! Въ этой дѣтской я спала, глядѣла отсюда на садъ, счастье просыпалось вмѣстѣ со мной каждое утро, и тогда онъ былъ точно такимъ, ничто

не измѣнилось. (Смѣется отъ радости) Весь, весь бѣлый! О садъ мой! Послѣ темной ненастной осени и холодной зимы, опять ты молодѣ, полночь счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять съ груди и съ плечъ моихъ тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!

ГАЕВЪ. Да, и садъ продадутъ за долги, какъ это ни странно...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Посмотрите, покойная мама идетъ по саду... въ бѣломъ платьѣ! (Смѣется отъ радости) Это она!

ГАЕВЪ. Гдѣ?

ВАРЯ. Господь съ вами, мамочка.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Никого нѣтъ, мнѣ показалось. Направо на поворотѣ къ бесѣдкѣ бѣлое деревцо склонилось, похоже на женщину...

Входитъ Трофимовъ, въ поношенномъ студенческомъ мундирѣ, въ очкахъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Какой изумительный садъ! Бѣлыя массы цвѣтовъ, голубое небо...

ТРОФИМОВЪ. Любовь Андреевна! (Она оглянулась на него) Я только поклонюсь вамъ и тотчасъ же уйду. (Горячо цѣлуетъ руку) Мнѣ приказано было ждать до утра, но у меня не хватило терпѣнія...

Любовь Андреевна глядитъ съ недоумѣниемъ.

ВАРЯ. (Сквозь слезы) Это Петя Трофимовъ...

ТРОФИМОВЪ. Петя Трофимовъ, бывший учитель вашего Гриши... Неужели я такъ измѣнился?

Любовь Андреевна обнимаетъ его и тихо плачетъ.

ГАЕВЪ. (Смущенно) Полно, полно, Люба.

ВАРЯ. (Плачетъ) Говорила вѣдь, Петя, чтобы погодили до завтра.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Гриша мой... мой мальчикъ...
Гриша... сынъ...

ВАРЯ. Что же дѣлать, мамочка. Воля Божья.

ТРОФИМОВЪ. (Мягко, сквозь слезы) Будеть, будетъ...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Тихо плачетъ) Мальчикъ погибъ,
утонулъ... Для чего? Для чего, мой другъ? (Тихе) Тамъ
Аня спитъ, а я громко говорю... поднимаю шумъ... Что
же, Петя? Отчего вы такъ подурнѣли? Отчего постарѣли?

ТРОФИМОВЪ. Меня въ вагонѣ одна баба назвала такъ:
облѣзлый баринъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Вы были тогда совѣтъ маль-
чикомъ, милымъ студентикомъ, а теперь волосы не
густые, очки. Неужели вы все еще студентъ? (Идетъ
къ двери).

ТРОФИМОВЪ. Должно быть, я буду вѣчнымъ студен-
томъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Цѣлуетъ брата, потомъ Варю). Ну,
идите спать... Постарѣлъ и ты, Леонидъ.

ПИЩИКЪ. (Идетъ за ней) Значить, теперь спать... Охъ,
подагра моя. Я у васъ останусь... Мнѣ бы, Любовь Ан-
дреевна, душа моя, завтра утречкомъ... 240 рублей...

ГАЕВЪ. А этотъ все свое.

ПИЩИКЪ. 240 рублей... проценты по закладной
платить.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Нѣтъ у меня денегъ, голубчикъ.

ПИЩИКЪ. Отдамъ, милая... Сумма пустяшная...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Ну, хорошо, Леонидъ дасть...

Ты дай, Леонидъ.

ГАЕВЪ. Дамъ я ему, держи карманъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Что же дѣлать, дай... Ему
нужно... Онъ отдастъ.

Любовь Андреевна, Трофимовъ, Пи-
щикъ и Фирсъ уходятъ. Остаются Гаевъ,
Варя и Яша.

ГАЕВЪ. Сестра не отвыкла еще сорить деньгами. (Яшѣ) Отойди, любезный, отъ тебя курицей пахнетъ.

ЯША. (Съ усмѣшкой) А вы, Леонидъ Андреичъ, все такой же, какъ были.

ГАЕВЪ. Кого? (Варѣ) Что онъ сказалъ?

ВАРЯ. (Яшѣ) Твоя мать пришла изъ деревни, со вчерашняго дня сидитъ въ людской, хочетъ повидаться...

ЯША. Богъ съ ней совѣмъ!

ВАРЯ. Ахъ, безстыдникъ.

ЯША. Очень нужно. Могла бы и завтра придти. (Уходитъ)

ВАРЯ. Мамочка такая же, какъ была, нисколько не измѣнилась. Если-бъ ей волю, она бы все раздала.

ГАЕВЪ. Да... (Пауза) Если противъ какой-нибудь болѣзни предлагается очень много средствъ, то это значитъ, что болѣзнь неизлѣчима. Я думаю, напрягаю мозги, у меня много средствъ, очень много и, значитъ, въ сущности, ни одного. Хорошо бы получить отъ кого-нибудь наслѣдство, хорошо бы выдать нашу Аню за очень богатаго человѣка, хорошо бы поѣхать въ Ярославль и попытаться счастья у тетюшки-графини. Тетка вѣдь очень, очень богата.

ВАРЯ. (Плачетъ) Если бы Богъ помогъ.

ГАЕВЪ. Не реви. Тетка очень богата, но насъ она не любитъ. Сестра, во первыхъ, вышла замужъ за присяжнаго повѣреннаго, не дворянина...

Аня показывается въ дверяхъ.

ГАЕВЪ. Вышла за не дворянина и вела себя, нельзя сказать, чтобы очень добродѣтельно. Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю, но, какъ тамъ не придумывай смягчающія обстоятельства, все же надо сознаться, она порочна. Это чувствуется въ ея малѣйшемъ движеніи.

ВАРЯ. (Шопотомъ) Аня стоитъ въ дверяхъ.

ГАЕВЪ. Кого? (Пауза) Удивительно, мнѣ что-то въ правый глазъ попало... плохо сталъ видѣть. И въ четвергъ, когда я былъ въ окружномъ судѣ...

Входитъ Аня.

ВАРЯ. Что же ты не спишь, Аня?

АНЯ. Не спится. Не могу.

ГАЕВЪ. Крошка моя. (Цѣлуетъ Анѣ лицо, руки) Дитя мое... (Сквозь слезы) Ты не племянница, ты мой ангелъ, ты для меня все. Вѣрь мнѣ, вѣрь...

АНЯ. Я вѣрю тебѣ, дядя. Тебя всѣ любятъ, уважаютъ... но, милый дядя, тебѣ надо молчать, только молчать. Что ты говорилъ только-что про мою маму, про свою сестру? Для чего ты это говорилъ?

ГАЕВЪ. Да, да... (Ея рукой закрываетъ себѣ лицо) Въ самомъ дѣлѣ, это ужасно! Боже мой! Боже, спаси меня! И сегодня я рѣчь говорилъ передъ шкафомъ... такъ глупо! И только когда кончилъ, понялъ, что глупо.

ВАРЯ. Правда, дядечка, вамъ надо бы молчать. Молчите себѣ и все.

АНЯ. Если будешь молчать, то тебѣ же самому будетъ покойнѣе.

ГАЕВЪ. Молчу. (Цѣлуетъ Анѣ и Варѣ руки) Молчу. Только вотъ о дѣлѣ. Въ четвергъ я былъ въ окружномъ судѣ, ну, сошлась компанія, начался разговоръ о томъ, о семь, пятое-десятое и, кажется, вотъ можно будетъ устроить заемъ подъ векселя, чтобы заплатить проценты въ банкъ.

ВАРЯ. Если бы Господь помогъ!

ГАЕВЪ. Во вторникъ поѣду, еще разъ поговорю. (Варѣ) Не реви. (Анѣ) Твоя мама поговорить съ Лопахинымъ, онъ, конечно, ей не откажетъ... А ты, какъ отдохнешь, поѣдешь въ Ярославль къ графинѣ, твоей бабушкѣ. Вотъ такъ и будемъ дѣйствовать съ трехъ концовъ—и дѣло наше въ шляпѣ. Проценты мы заплатимъ, я убѣж-

дЕнь... (Кладетъ въ ротъ леденецъ) Честью моею, чѣмъ хочешь, клянусь, имѣніе не будетъ продано! (Возбужденно) Счастьемъ моимъ клянусь! Вотъ тебѣ моя рука, назови меня тогда дряннымъ, безчестнымъ человѣкомъ, если я допущу до аукціона! Всѣмъ существомъ моимъ клянусь!

АНЯ. (Спокойное настроеніе вернулось къ ней, она счастлива) Какой ты хорошій, дядя, какой умный! (Обнимаетъ дядю) Я теперь покойна! Я покойна! Я счастлива!

Входитъ Фирсъ.

ФИРСЪ. (Укоризненно) Леонидъ Андреичъ, Бога вы не боитесь! Когда же спать?

ГАЕВЪ. Сейчасъ, сейчасъ. Ты уходи, Фирсъ. Я ужъ, такъ и быть, самъ раздѣнусь. Ну, дѣтки, бай бай... Подробности завтра, а теперь идите спать. (Цѣлуетъ Аню и Варю) Я человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ... не хвалятъ это время, но все же могу сказать, за убѣжденія мнѣ доставалось не мало въ жизни. Не даромъ меня мужикъ любить. Мужика надо знать! Надо знать, съ какой...

АНЯ. Опять ты, дядя!

ВАРЯ. Вы, дядечка, молчите.

ФИРСЪ. (Сердито) Леонидъ Андреичъ!

ГАЕВЪ. Иду, иду... Ложитесь. Отъ двухъ бортовъ въ середину! Кладу чистаго... (Уходитъ, за нимъ сѣменить Фирсъ)

АНЯ. Я теперь покойна. Въ Ярославль ѣхать не хочется, я не люблю бабушку, но все же я покойна. Спасибо дядѣ. (Садится)

ВАРЯ. Надо спать. Пойду. А тутъ безъ тебя было неудовольствіе. Въ старой людской, какъ тебѣ извѣстно, живутъ одни старые слуги: Ефимьюшка, Поля, Евстигнѣй, ну и Карпъ. Стали они пускать къ себѣ ночевать какихъ-то проходимцевъ—я промолчала. Только вотъ, слышу, распустили слухъ, будто я велѣла кормить ихъ

однимъ только горохомъ. Отъ скупости, видишь ли... И это все Евстигнѣй... Хорошо, думаю. Коли такъ, думаю, то погоди^т же. Зову я Евстигнѣя... (Звѣяетъ) Приходить... Какъ же ты, говорю, Евстигнѣй... дуракъ ты этакой... (Поглядѣвъ на Аню) Аничка!.. (Пауза) Заснула!.. (Беретъ Аню подъ руку) Пойдемъ въ постельку... Пойдемъ!.. (Ведетъ ее) Душечка моя уснула! Пойдемъ... (Идутъ)

Далеко за садомъ пастухъ играетъ на свирѣли.

Трофимовъ идетъ черезъ сцену и, увидѣвъ Варю и Аню, останавливается.

ВАРЯ. Тсс... Она спитъ... спитъ... Пойдемъ, родная.

АНЯ. (Тихо, въ полуснѣ) Я такъ устала... всѣ колокольчики... Дядя... милый... и мама и дядя...

ВАРЯ. Пойдемъ, родная, пойдемъ... (Уходятъ въ комнату Ани).

ТРОФИМОВЪ. (Въ умиленіи) Солнышко мое! Весна моя!

Занавѣсъ.

А. Чеховъ.

Вишневый садъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возлѣ нея колодезь, большіе камни, когда-то бывшіе, повидимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога въ усадьбу Гаева. Въ сторонѣ, возвышаясь, темнѣютъ тополи: тамъ начинается вишневы садъ. Вдали рядъ телеграфныхъ столбовъ и далеко-далеко на горизонтѣ, неясно обозначается большой городъ, который бываетъ виденъ только въ очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядетъ солнце. Шарлотта, Яша и Дуныша сидятъ на скамьѣ, Епиходовъ стоитъ возлѣ и играетъ на гитарѣ что-то грустное; всѣ сидятъ задумавшись. Шарлотта въ старой фуражкѣ; она сняла съ плечъ ружье и поправляетъ пряжку на ремнѣ.

ШАРЛОТТА. (Въ раздумьи) У меня нѣтъ настоящаго паспорта, я не знаю, сколько мнѣ лѣтъ, и мнѣ все кажется, что я молоденькая. Когда я была маленькой дѣвочкой, то мой отецъ и мамаша ѣздили по ярмаркамъ и давали представленія, очень хорошія. А я прыгала salto-mortale и разныя штучки. И когда папаша и мамаша умерли, меня взяла къ себѣ одна нѣмецкая госпожа и стала меня учить. Хорошо. Я выросла, потомъ пошла въ гувернантки. А откуда я и кто я,—не знаю... Кто мои родители, можетъ, они не вѣнчались... не знаю. (Достаеъ изъ кармана огурецъ и ѣсть) Ничего не знаю. (Пауза) Такъ хочется поговорить, а не съ кѣмъ... Никого у меня нѣтъ.

ЕПИХОДОВЪ. (Играетъ на гитарѣ и поетъ) „Что мнѣ до шумнаго свѣта, что мнѣ друзья и враги“... Какъ пріятно играть на мандолинѣ!

ДУНЯША. Это гитара, а не мандолина. (Глядится въ зеркальце и пудрится)

ЕПИХОДОВЪ. Для безумца, который влюбленъ, это мандолина... (Надъваетъ) „Было бы сердце согрѣто жаромъ взаимной любви“...

Яша поддѣваетъ

ШАРЛОТТА. Ужасно поютъ эти люди... фуй! Какъ шакалы.

ДУНЯША. (Яшѣ) Все-таки какое счастье побывать за границей.

ЯША. Да, конечно. Не могу съ вами не согласиться. (Звѣаетъ, потомъ закуриваетъ сигару)

ЕПИХОДОВЪ. Понятное дѣло. За границей все давно ужъ въ полной комплекціи.

ЯША. Само собой...

ЕПИХОДОВЪ. Я развитой человѣкъ, читаю разныя замѣчательныя книги, но никакъ не могу понять направленія, чего мнѣ собственно хочется, жить мнѣ, или застрѣлиться, собственно говоря, но тѣмъ не менѣе я всегда ношу при себѣ револьверъ. Вотъ онъ... (Показываетъ револьверъ)

ШАРЛОТТА. Кончила. Теперь пойду. (Надѣваетъ ружье) Ты, Епиходовъ, очень умный человѣкъ и очень страшный, тебя должны безумно любить женщины. Бррр! (Идетъ) Эти умники всѣ такіе глупые, не съ кѣмъ мнѣ поговорить... Все одна, одна, никого у меня нѣтъ и... и кто я, зачѣмъ я, неизвѣстно... (Уходитъ не слыша)

ЕПИХОДОВЪ. Собственно говоря, не касаясь другихъ предметовъ, я долженъ выразиться о себѣ, между прочимъ, что судьба относится ко мнѣ безъ сожалѣнія, какъ буря къ небольшому кораблю. Если, допустимъ, я ошибаюсь, тогда зачѣмъ же сегодня утромъ я просыпаюсь, къ примѣру сказать, гляжу, а у меня на груди страшной величины паукъ... вотъ такой. (Показываетъ обѣими руками) И

тоже квасу возьмешь, чтобы напиться, а тамъ, глядишь, что-нибудь въ высшей степени неприличное, въ родѣ таракана. (Пауза) Вы читали Бокля? (Пауза) Я желаю по-безпокоить васъ, Авдотья Федоровна, на пару словъ.

дуняша. Говорите.

епиходовъ. Мнѣ бы желательно съ вами наединѣ... (Вздыхаетъ)

дуняша. (Смущенно) Хорошо... только сначала принесите мнѣ мою тальмочку... Она около шкафа... тутъ немножко сыро...

епиходовъ. Хорошо-съ... принесу-съ... Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать съ моимъ револьверомъ... (Беретъ гитару и уходитъ наигрывая)

яша. Двадцать два несчастья! Глупый человекъ, между нами говоря. (Зѣваетъ)

дуняша. Не дай Богъ, застрѣлится. (Пауза) Я стала тревожная, все безпокоюсь. Меня еще дѣвочкой взяли къ господамъ, я теперь отвыкла отъ простой жизни и вотъ руки бѣлыя, бѣлыя, какъ у барышни. Нѣжная стала, такая деликатная, благородная, всего боюсь... Страшно такъ. И если вы, Яша, обманете меня, то я не знаю, что будетъ съ моими нервами.

яша. (Цѣлуетъ ее) Огурчикъ! Конечно, каждая дѣвушка должна себя помнить и я больше всего не люблю, ежели дѣвушка дурного поведенія.

дуняша. Я страстно полюбила васъ, вы образованный, можете обо всемъ разсуждать. (Пауза)

яша. (Зѣваетъ) Да-съ... По моему такъ: ежели дѣвушка кого любить, то она, значить, безнравственная. (Пауза) Приятно выкурить сигару на чистомъ воздухѣ... (Прислушивается) Сюда идутъ... Это господа...

Дуняша порывисто обнимаетъ его.

яша. Идите домой, будто ходили на рѣку купаться, идите этой дорожкой, а то встрѣтятся и подумаютъ про

меня, будто я съ вами на свиданіи. Терпѣть этого не могу.

ДУНЯША. (Тихо кашляетъ) У меня отъ сигары голова разболѣлась... (Уходитъ)

Яша остается, сидитъ возлѣ часовни.
Входятъ Любовь Андреевна, Гаевъ и
Лопахинъ.

ЛОПАХИНЪ. Надо окончательно рѣшить,—время не ждетъ. Вопросъ вѣдь совсѣмъ пустой. Согласны вы отдать землю подъ дачи, или нѣтъ? Отвѣтите одно слово: да или нѣтъ? Только одно слово!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Кто это здѣсь курить отвратительныя сигары... (Садится)

ГАЕВЪ. Вотъ желѣзную дорогу построили и стало удобно. (Садится) Съѣздили въ городъ и позавтракали... желтаго въ середину! Мнѣ бы сначала пойти въ домъ, сыграть одну партію...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Успѣешь.

ЛОПАХИНЪ. Только одно слово! (Умоляюще) Дайте же мнѣ отвѣтъ!

ГАЕВЪ. (Зѣвая) Кого?

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Глядитъ въ свое портмонэ) Вчера было много денегъ, а сегодня совсѣмъ мало. Бѣдная моя Варя изъ экономіи кормитъ всѣхъ молочнымъ супомъ, на кухнѣ старикамъ даютъ одинъ горохъ, а я трачу какъ-то бессмысленно... (Уронила портмонэ, рассыпала золотые) Ну, посыпались... (Ей досадно)

ЯША. Позвольте, я сейчасъ подберу. (Собираетъ монеты)

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Будьте добры, Яша. И зачѣмъ я поѣхала завтракать... Дрянной вашъ ресторанъ съ музыкой, скатерти пахнутъ мыломъ... Зачѣмъ такъ много пить, Леня? Зачѣмъ такъ много ѣсть? Зачѣмъ такъ много говорить? Сегодня въ ресторанѣ ты говорилъ

опять много и все не кстати. О семидесятихъ годахъ. о декадентахъ. И кому? Половымъ говорить о декадентахъ!

ЛОПАХИНЪ. Да.

ГАЕВЪ. (Машетъ рукой) Я неисправимъ, это очевидно... (Раздраженно Яшѣ) Что такое, постоянно вертишься передъ глазами...

ЯША. (Смѣется) Я не могу безъ смѣха вашего голоса слышать.

ГАЕВЪ. (Сестрѣ) Или я, или онъ...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Уходите, Яша, ступайте...

ЯША. (Отдаетъ Любови Андреевнѣ кошелекъ) Сейчасъ уйду. (Едва удерживается отъ смѣха) Сію минуту... (Уходитъ)

ЛОПАХИНЪ. Ваше имѣніе собирается купить богачъ Деригановъ. На торги, говорятъ, пріѣдетъ самъ лично.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. А вы откуда слышали?

ЛОПАХИНЪ. Въ городъ говорятъ.

ГАЕВЪ. Ярославская тетушка обѣщала прислать, а когда и сколько пришлетъ, неизвѣстно...

ЛОПАХИНЪ. Сколько она пришлетъ? Тысячъ сто? Двѣсти?

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Ну... Тысячъ десять-пятнадцать и на томъ спасибо.

ЛОПАХИНЪ. Простите, такихъ легкомысленныхъ людей, какъ вы, господа, такихъ недѣловыхъ, странныхъ, я еще не встрѣчалъ. Вамъ говорятъ русскимъ языкомъ, имѣніе ваше продается, а вы точно не понимаете.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Что же намъ дѣлать? Научите, что?

ЛОПАХИНЪ. Я васъ каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и тоже. И вишневый садъ, и землю необходимо отдать въ аренду подъ дачи, сдѣлать это теперь же, поскорѣе,—аукціонъ на носу! Поймите! Разъ окончательно рѣшите, чтобъ были дачи, такъ денегъ вамъ дадутъ сколько угодно, и вы тогда спасены.

любовь андреевна. Дачи и дачники — это такъ пошло, простите.

гаевъ. Совершенно съ тобой согласенъ.

лопахинъ. Я или зарыдаю, или закричу, или въ обморокъ упаду. Не могу! Вы меня замучили! (Гаеву) Баба вы!

гаевъ. Кого?

лопахинъ. Баба! (Хочетъ уйти)

любовь андреевна. (Испуганно) Нѣтъ, не уходите, останьтесь, голубчикъ. Прошу васъ. Можетъ быть, надумаемъ что-нибудь!

лопахинъ. О чемъ тутъ думать!

любовь андреевна. Не уходите, прошу васъ. Съ вами все-таки веселѣе... (Пауза) Я все жду чего-то, какъ будто надъ нами долженъ обвалиться домъ.

гаевъ. (Въ глубокомъ раздумьи) Дуплетъ въ уголъ... Круазе въ середину...

любовь андреевна. Ужъ очень много мы грѣшили...

лопахинъ. Какіе у васъ грѣхи...

гаевъ. (Кладетъ въ ротъ леденецъ) Говорятъ, что я все свое состояніе проѣлъ на леденцахъ... (Смѣется)

любовь андреевна. О мои грѣхи... Я всегда сорила деньгами безъ удержа, какъ сумасшедшая, и вышла замужъ за человѣка, который дѣлалъ одни только долги. Мужъ мой умеръ отъ шампанскаго, — онъ страшно пилъ — и на несчастье я полюбила другого, сошлась и какъ разъ въ это время, — это было первое наказаніе, ударъ прямо въ голову, вотъ тутъ на рѣкъ... утоную мой мальчикъ, и я уѣхала за границу, совсѣмъ уѣхала, чтобы никогда не возвращаться, не видѣть этой рѣки... Я закрыла глаза, бѣжала, себя не помня, а онъ за мной... безжалостно, грубо. Купила я дачу возлѣ Ментоны, такъ какъ онъ заболѣлъ тамъ, и три года я не знала отдыха ни днемъ, ни ночью; больной измучилъ меня, душа моя вы-

сохла. А въ прошломъ году, когда дачу продали за долги, я уѣхала въ Парижъ, и тамъ онъ обобралъ меня, бросилъ, сошелся съ другой, я пробовала отравиться... Такъ глупо, такъ стыдно... И потянуло вдругъ въ Россію, на родину, къ дѣвчкѣ моей... (Утираетъ слезы) Господи, Господи, будь милостивъ, прости мнѣ грѣхи мои! Не наказывай меня больше! (Достаётъ изъ кармана телеграмму) Получила сегодня изъ Парижа... Просить прощенія, умоляетъ вернуться... (Рветъ телеграмму) Словно гдѣ-то музыка. (Прислушивается)

ГАЕВЪ. Это нашъ знаменитый еврейскій оркестръ. Помнишь, четыре скрипки, флейта и контрабасъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Онъ еще существуетъ? Его бы къ намъ звать какъ-нибудь, устроить вечерокъ.

ЛОПАХИНЪ. (Прислушивается) Не слышать... (Тихо напѣваетъ) „И за деньги русака нѣмцы офранцузятъ“. (Смѣется) Какую я вчера пьесу смотрѣлъ въ театрѣ, очень смѣшно.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. И навѣрное, ничего нѣтъ смѣшного. Вамъ не пьесы смотрѣть, а смотрѣть бы почаще на самихъ себя. Какъ вы всѣ сѣро живете, какъ много говорите ненужнаго.

ЛОПАХИНЪ. Это правда. Надо прямо говорить, жизнь у насъ дурацкая... (Пауза) Мой папаша былъ мужикъ, идиотъ, ничего не понималъ, меня не училъ, а только билъ спяна и все палкой. Въ сущности, и я такой же болванъ и идиотъ. Ничему не обучался, почеркъ у меня скверный, пишу я такъ, что отъ людей совѣстно, какъ свинья.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Жениться вамъ нужно, мой другъ.

ЛОПАХИНЪ. Да... Это правда...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. На нашей бы Варѣ. Она хорошая дѣвушка.

ЛОПАХИНЪ. Да.

любовь андреевна. Она у меня изъ простыхъ, работаетъ цѣлый день, а главное, васъ любитъ. Да и вамъ то давно нравится.

лопахинъ. Что же? Я не прочь... Она хорошая дѣвушка. (Пауза)

гаевъ. Мнѣ предлагаютъ мѣсто въ банкѣ. Шестъ тысячъ въ годъ... Слыхала?

любовь андреевна. Гдѣ тебѣ! Сиди ужъ...

Фирсѣ входитъ съ пальто.

фирсѣ. (Гаеву) Извольте, сударь, надѣть, а то сыро.

гаевъ. (Надѣваетъ пальто) Надоѣлъ ты, братъ.

фирсѣ. Нечего тамъ... Утромъ уфхали, не сказавшись. (Оглядываетъ его)

любовь андреевна. Какъ ты постарѣлъ, Фирсѣ!

фирсѣ. Чего изволите?

лопахинъ. Говорять, ты постарѣлъ очень!

фирсѣ. Живу давно. Меня женить собирались, а вашего папаши еще на свѣтѣ не было... (Смѣется) А воля вышла, я уже старшимъ камердинеромъ былъ. Тогда я не согласился на волю, остался при господахъ... (Пауза) И помню, всѣ рады, а чему рады и сами не знаютъ.

лопахинъ. Прежде очень хорошо было. По крайней мѣрѣ, драли.

фирсѣ. (Не разслышавъ) А еще бы. Мужики при господахъ, господа при мужикахъ, а теперь всѣ враздробь, не поймешь ничего.

гаевъ. Помолчи, Фирсѣ. Завтра мнѣ нужно въ городъ. Обѣщали познакомить съ однимъ генераломъ, который можетъ дать подъ вексель.

лопахинъ. Ничего у васъ не выйдетъ. И не заплатите вы процентовъ, будьте покойны.

любовь андреевна. Это онъ бредитъ. Никакихъ генераловъ нѣтъ.

. Входятъ Трофимовъ, Аня и Варя.

гаевъ. А вотъ и наши идутъ.

аня. Мама сидитъ.

любовь андреевна. (Нѣжно) Иди, иди... Родныя мои... (Обнимая Аню и Варю) Если бы вы обѣ знали, какъ я васъ люблю. Садитесь рядомъ, вотъ такъ. (Всѣ усаживаются)

лопахинъ. Нашъ вѣчный студентъ все съ барышнями ходить.

трофимовъ. Не ваше дѣло.

лопахинъ. Ему 50 лѣтъ скоро, а онъ все еще студентъ.

трофимовъ. Оставьте ваши дурацкія шутки.

лопахинъ. Что же ты, чудакъ, сердился?

трофимовъ. А ты не приставай.

лопахинъ. (Смѣется) Позвольте васъ спросить, какъ вы обо мнѣ понимаете?

трофимовъ. Я, Ермолай Алексѣичъ, такъ понимаю: вы богатый человѣкъ, будете скоро миллионеромъ. Вотъ какъ въ смыслѣ обмена веществъ нуженъ хищный звѣрь, который съѣдаетъ все, что попадаетъ ему на пути, такъ и ты нуженъ. (Всѣ смѣются)

вѣра. Вы, Петя, расскажите лучше о планетахъ.

любовь андреевна. Нѣтъ, давайте продолжимъ вчерашній разговоръ.

трофимовъ. О чемъ это?

гаевъ. О гордомъ человѣкѣ.

трофимовъ. Мы вчера говорили долго, но ни къ чему не пришли. Въ гордомъ человѣкѣ, въ нашемъ смыслѣ, есть что-то мистическое. Быть можетъ, вы и правы по своему, но если разсуждать по просту, безъ затѣй, то какая тамъ гордость, есть ли въ ней смыслъ, если человѣкъ физиологически устроенъ неважно, если въ своемъ громадномъ большинствѣ онъ грубъ, немень, глубоко несчастливъ. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать.

гаевъ. Все равно умрешь.

трофимовъ. Кто знаетъ? И что значить—умрешь? Быть можетъ, у человѣка сто чувствъ и со смертью погибають только пять, извѣстныхъ намъ, а остальные девяносто пять остаются живы.

лювовъ андреевна. Какой вы умный, Петя!..

лопахинъ. (Иронически) Страсть!

трофимовъ. Человѣчество идетъ впередъ, совершенствуя свои силы. Все, что недосыгаемо для него теперь, когда-нибудь станетъ близкимъ, понятнымъ, только вотъ надо работать, помогать всѣми силами тѣмъ, кто ищетъ истину. У насъ, въ Россіи, работаютъ пока очень немногіе. Громадное большинство той интеллигенціи, какую я знаю, ничего не ищетъ, ничего не дѣлаетъ и къ труду пока не способно. Называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ ты, съ мужиками обращаются, какъ съ животными, учатся плохо, серьезно ничего не читають, ровно ничего не дѣлають, о наукахъ только говорятъ, въ искусствѣ понимаютъ мало. Всѣ серьезны, у всѣхъ строгія лица, всѣ говорятъ только о важномъ, философствуютъ, а между тѣмъ громадное большинство изъ насъ, девяносто девять изъ ста живутъ, какъ дикари, чуть что — сейчасъ зуботычина, брань, ѣдятъ отвратительно, спятъ въ грязи, въ духотѣ, вездѣ клопы, смрадъ, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, всѣ хорошіе разговоры у насъ для того только, чтобы отвести глаза себѣ и другимъ. Укажите мнѣ, гдѣ у насъ ясли, о которыхъ говорятъ такъ много и часто, гдѣ читальни? О нихъ только въ романахъ пишутъ, на дѣлѣ же ихъ нѣтъ совсѣмъ. Есть только грязь, пошлость, азіатчина... Я боюсь и не люблю очень серьезныхъ фізіономій, боюсь серьезныхъ разговоровъ. Лучше помолчимъ!

лопахинъ. Знаете, я встаю въ пятомъ часу утра,

работаю съ утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужія, и я вижу, какіе кругомъ люди. Надо только начать дѣлать что-нибудь, чтобы понять, какъ мало честныхъ, порядочныхъ людей. Иной разъ, когда не спится, я думаю: Господи, ты далъ намъ громадныя лѣса, необъятныя поля, глубочайшіе горизонты, и, живя тутъ, мы сами должны бы по настоящему быть великанами...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Вамъ понадобились великаны... Они только въ сказкахъ хороши, а такъ они пугаютъ.

Въ глубинѣ сцены проходитъ Епиходовъ и тихо, грустно играетъ на гитарѣ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Задумчиво). Епиходовъ идетъ...

АНЯ. (Задумчиво). Епиходовъ идетъ...

ГАЕВЪ. Солнце сѣло, господа.

ТРОФИМОВЪ. Да.

ГАЕВЪ. (Негромко, какъ бы декламируя) О природа, дивная, ты блещешь вѣчнымъ сіяніемъ, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называемъ матерью, сочетаешь въ себѣ бытіе и смерть, ты живешь и разрушаешь...

ВАРЯ. (Умоляюще) Дядечка!

АНЯ. Дядя, ты опять!

ТРОФИМОВЪ. Вы лучше желтаго въ середину дуплетомъ.

ГАЕВЪ. Я молчу, молчу.

Всѣ сидятъ, задумались. Тишина. Слышно только, какъ тихо бормочетъ Фирсъ. Вдругъ раздается отдаленный звукъ, точно съ неба, звукъ лопнувшей струны, замирающей, печальный.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Это что?

ЛОПАХИНЪ. Не знаю. Гдѣ-нибудь далеко въ шахтахъ сорвалась бадня. Но гдѣ-нибудь очень далеко.

гаевъ. А можетъ быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

трофимовъ. Или филинъ...

любовь андреевна. (Вздрагиваетъ) Неприятно почему-то. (Пауза)

фирсъ. Передъ несчастьемъ тоже было: и сова кричала, и самоваръ гудѣлъ безперечь.

гаевъ. Передъ какимъ несчастьемъ?

фирсъ. Передъ волей. (Пауза)

любовь андреевна. Знаете, друзья, пойдемте, уже вечерѣть. (Анѣ) У тебя на глазахъ слезы... Что ты, дѣвочка? (Обнимаетъ ее)

аня. Это такъ, мама. Ничего.

трофимовъ. Кто-то идетъ.

Показывается Прохожій въ бѣлой потасканной фуражкѣ, въ пальто; онъ слегка пьанъ.

прохожій. Позвольте васъ спросить, могу ли я пройти здѣсь прямо на станцію?

гаевъ. Можете. Идите по этой дорогѣ.

прохожій. Чувствительно вамъ благодаренъ. (Кашлянувъ) Погода превосходная... (Декламируетъ) Братъ мой, страдающій братъ... выдь на Волгу, чей стонъ... (Варѣ) Мадемазель, позвольте голодному россіянину копѣекъ тридцать...

Варя испугалась, вскрикиваетъ.

лопахинъ. (Сердито) Всякому безобразію есть свое приличіе!

любовь андреевна. (Оторопѣвъ) Возьмите... вотъ вамъ... (Ищетъ въ портмонѣ) Серебра нѣтъ... Все равно, вотъ вамъ золотой...

прохожій. Чувствительно вамъ благодаренъ! (Уходитъ)

Смѣхъ.

ВАРЯ. (Испуганная) Я уйду... я уйду... Ахъ, мамочка, дома людямъ ѣсть нечего, а вы ему отдали золотой.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Что-жъ со мной, глупой, дѣлать! Я тебѣ дома отдамъ все, что у меня есть. Ермолай Алексѣичъ, дадите мнѣ еще въ займы...

ЛОПАХИНЪ. Слушаю.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Пойдемте, господа, ѣпора. А тутъ, Варя, мы тебя совсѣмъ просватали, поздравляю.

ВАРЯ. (Сквозь слезы) Этимъ, мама, шутить нельзя.

ЛОПАХИНЪ. Охмелія, иди въ монастырь...

ГАЕВЪ. А у меня дрожать руки: давно не игралъ на биллиардѣ.

ЛОПАХИНЪ. Охмелія, о нимфа, помяни меня въ твоихъ молитвахъ!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Идемте, господа. Скоро ужинать.

ВАРЯ. Напугалъ онъ меня. Сердце такъ и стучить.

ЛОПАХИНЪ. Напоминаю вамъ, господа: 22 Августа будетъ продаваться вишневый садъ. Думайте объ этомъ!.. Думайте!..

Уходятъ всѣ, кромѣ Трофимова и Ани.

АНЯ. (Смѣясь) Спасибо прохожему, напугалъ Варю, теперь мы одни.

ТРОФИМОВЪ. Варя боится, а вдругъ мы полюбимъ другъ друга, и цѣлые дни не отходить отъ насъ. Она своей узкой головой не можетъ понять, что мы выше любви. Обойти то мелкое и призрачное, что мѣшаетъ быть свободнымъ и счастливымъ, вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ! Мы идемъ неудержимо къ яркой звѣздѣ, которая горитъ тамъ вдали! Впередъ! Не отставай, друзья!

АНЯ. (Всплескивая руками) Какъ хорошо вы говорите! (Пауза) Сегодня здѣсь дивно!

трофимовъ. Да, погода удивительная.

аня. Что вы со мной сдѣлали, Петя, отчего я уже не люблю вишневаго сада, какъ прежде. Я любила его такъ нѣжно, мнѣ казалось, на землѣ нѣтъ лучше мѣста, какъ нашъ садъ.

трофимовъ. Вся Россія нашъ садъ. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесныхъ мѣстъ. (Пауза) Подумайте, Аня: вашъ дѣдъ, прадѣдъ и всѣ ваши предки были крѣпостники, владѣвшіе живыми душами, и неужели съ каждой вишни въ саду, съ cadaго листка, съ cadaго ствола не глядятъ на васъ человѣческія существа, неужели вы не слышите голосовъ... О, это ужасно, садъ вашъ страшень, и когда вечеромъ, или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьяхъ отсвѣчиваетъ тускло и, кажется, вишневья деревья видятъ во снѣ то, что было сто-двѣсти лѣтъ назадъ, и тяжелыя видѣнія томятъ ихъ. Что говорить! Мы отстали, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двѣсти, у насъ нѣтъ еще ровно ничего, нѣтъ опредѣленнаго отношенія къ прошлому, мы только философствуемъ, жалуемся на тоску, или пьемъ водку. Вѣдь такъ ясно, чтобы начать жить въ настоящемъ, надо сначала искупить наше прошлое, покончить съ нимъ, а искупить его можно только страданіемъ, только необычнымъ, непрерывнымъ трудомъ. Поймите это, Аня.

аня. Домъ, въ которомъ мы живемъ, давно уже не нашъ домъ, и я уйду, даю вамъ слово.

трофимовъ. Если у васъ есть ключи отъ хозяйства, то бросьте ихъ въ колодезь и уходите. Будьте свободны, какъ вѣтеръ.

аня. (Въ восторгѣ) Какъ хорошо вы сказали!

трофимовъ. Вѣрьте мнѣ, Аня, вѣрьте! Мнѣ еще нѣтъ тридцати, я молодецъ, я еще студентъ, но я уже столько вынесъ! Какъ зима, такъ я голоденъ, боленъ, встревоженъ, бѣденъ, какъ нищій, и — куда только

судьба не гоняла меня, гдѣ я только не былъ! И все же душа моя всегда во всякую минуту, и днемъ и ночью, была полна неизъяснимыхъ предчувствій. Я предчувствую счастье, Аня, я уже вижу его...

аня. (Задумчиво) Восходить луна.

Слышно, какъ Епиходовъ играетъ на гитарѣ все ту же грустную пѣсню. Восходить луна. Гдѣ-то около тополей Варя ищетъ Аню и зоветъ: „Аня! Гдѣ ты?“

трофимовъ. Да, восходить луна. (Пауза) Вотъ оно счастье, вотъ оно идетъ, подходитъ все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидимъ, не узнаемъ его, то что за бѣда? Его увидятъ другіе!

голосъ вари. Аня! Гдѣ ты?

трофимовъ. Опять эта Варя! (Сердито) Возмутительно!

аня. Что-жъ? Пойдемте къ рѣкѣ. Тамъ хорошо.

трофимовъ. Пойдемте. (Идутъ).

голосъ вари. Аня! Аня!

Занавѣсъ.

А. Чеховъ.

Вишневый садъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная, отдѣленная аркой отъ залы. Горитъ люстра. Слышно, какъ въ передней играетъ еврейскій оркестръ, тотъ самый, о которомъ упоминается во II актѣ. Вечеръ. Въ залѣ танцуютъ grand rond. Голосъ Симеонова-Пищика: — „Promenade à une paire!“ . Выходятъ въ гостиную: въ первой парѣ Пищикъ и Шарлотта Ивановна, во второй Трофимовъ и Любовь Андреевна, въ третьей Аня съ почтовымъ чиновникомъ, въ четвертой Варя съ начальникомъ станціи и т. д. Варя тихо плачетъ и, танцуя, утираетъ слезы. Въ послѣдней парѣ Дуняша. Идутъ по гостиной, Пищикъ кричитъ: — „Grand rond, balancez!“ и „Les cavaliers à genou et remerciez vos dames!“ Фирсъ во фракъ проноситъ на подносѣ сельтерскую воду.

Входятъ въ гостиную Пищикъ и Трофимовъ.

пищикъ. Я полнокровный, со мной уже два раза ударъ былъ, танцовать трудно, но, какъ говорится, попалъ въ стаю, лай не лай, а хвостомъ виляй. Здоровье то у меня лошадиное. Мой покойный родитель, шутникъ, царство небесное, насчетъ нашего происхожденія, говорилъ такъ, будто древній родъ нашъ Симеоновыхъ-Пищиковъ происходитъ будто бы отъ той самой лошади, которую Калигула посадилъ въ сенатъ... (Садится) Но вотъ бѣда: денегъ нѣтъ! Голодная собака вѣруетъ только въ мясо... (Храпитъ и тотчасъ же просыпается) Такъ и я... могу только про деньги...

трофимовъ. А у васъ въ фигурѣ въ самомъ дѣлѣ есть что-то лошадиное.

пищикъ. Что-жь... лошадь хорошій звѣрь... лошадь продать можно...

Слышно, какъ въ сосѣдней комнатѣ играютъ на билліардѣ. Въ залѣ подъ аркой показывается Варя.

ТРОФИМОВЪ. (Дразнить) Мадамъ Лопахина! Мадамъ Лопахина!..

ВАРЯ. (Сердито) Облѣзлый баринъ!

ТРОФИМОВЪ. Да, я облѣзлый баринъ и горжусь этимъ!

ВАРЯ. (Въ горькомъ раздумьѣ) Вотъ наняли музыкантовъ, а чѣмъ платить? (Уходитъ)

ТРОФИМОВЪ. (Пищику) Если бы энергія, которую вы въ теченіе всей вашей жизни затратили на поиски денегъ для уплаты процентовъ, пошла у васъ на что-нибудь другое, то, вѣроятно, въ концѣ 'концовъ, вы могли бы перевернуть землю.

пищикъ. Ницше... философъ... величайшій, знаменитѣйшій... громаднаго ума человекъ, говорить въ своихъ сочиненіяхъ, будто фальшивыя бумажки дѣлать можно.

ТРОФИМОВЪ. А вы читали Ницше?

пищикъ. Ну... Мнѣ Дашенька говорила. А я теперь въ такомъ положеніи, что хоть фальшивыя бумажки дѣлай... Послѣ завтра 310 рублей платить... 130 уже досталь... (Ощупываетъ карманы, встревоженно) Деньги пропали! Потерялъ деньги! (Сквозь слезы) Гдѣ деньги? (Радостно) Вотъ онѣ, за подкладкой... Даже въ потъ ударило...

Входятъ Любовь Андреевна и Шарлотта Ивановна.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Напѣваетъ лезгинку) Отчего такъ долго нѣтъ Леонида? Что онъ дѣлаетъ въ городѣ? (Дунашѣ) Дуняша, предложите музыкантамъ чаю...

ТРОФИМОВЪ. Торги не состоялись, по всей вѣроятности.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. И музыканты пришли не к стати, и балъ мы затѣяли не к стати... Ну, ничего... (Садится и тихо напѣваетъ)

ШАРЛОТТА. (Подаетъ Пицику колоду картъ) Вотъ вамъ колода картъ, задумайте какую-нибудь одну карту.

ПИЩИКЪ. Задумалъ.

ШАРЛОТТА. Тасуйте теперь колоду. Очень хорошо. Дайте сюда, о мой милый господинъ Пищикъ. Ein, zwei, drei! Теперь поищите, она у васъ въ боковомъ карманѣ...

ПИЩИКЪ. (Достаетъ изъ бокового кармана карту) Восьмерка пикъ, совершенно вѣрно! (Удивляясь) Вы подумайте!

ШАРЛОТТА. (Держитъ на ладони колоду картъ, Трофимову) Говорите скорѣе, какая карта сверху?

ТРОФИМОВЪ. Что-жь? Ну, дама пикъ.

ШАРЛОТТА. Есть! (Пицику) Ну? Какая карта сверху-пищикъ. Тузъ червовый.

ШАРЛОТТА. Есть!.. (Бьетъ по ладони, колода картъ исчезаетъ) А какая сегодня хорошая погода! (Ей отвѣчаетъ таинственный женскій голосъ, точно изъ-подъ пола: „О да, погода великолѣпная, сударыня“) Вы такой хорошій мой идеаль... (Голосъ: „Вы, сударыня, мнѣ тоже очень понравился“)

НАЧАЛЬНИКЪ СТАНЦІИ. (Аплодируетъ) Госпожа чрезвычайщица, bravo!

ПИЩИКЪ. (Удивляясь) Вы подумайте! Очаровательнѣйшая Шарлотта Ивановна... я просто влюбленъ...

ШАРЛОТТА. Влюбленъ? (Пожавъ плечами) Развѣ вы можете любить? Guter Mensch, aber schlechter Musikant.

ТРОФИМОВЪ. (Хлопаетъ Пищика по плечу) Лошадь вы этакая...

ШАРЛОТТА. Прошу вниманія, еще одинъ фокусъ. (Беретъ со стула пледъ) Вотъ очень хорошій пледъ, я желаю продавать... (Встряхиваетъ) Не желаетъ ли кто покупать?

ПИЩИКЪ. (Удивляясь) Вы подумайте!

ШАРЛОТТА. Ein, zwei, drei!

Быстро поднимаетъ опущенный пледъ; за пледомъ стоитъ Аня; она дѣлаетъ реверансъ, бѣжитъ къ матери, обнимаетъ ее и убѣгаетъ назадъ въ залу при общемъ восторгѣ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Аплодируетъ) Bravo, bravo!..

ШАРЛОТТА. Теперь еще! Ein, zwei, drei! (Поднимаетъ пледъ; за пледомъ стоитъ Варя и кланяется)

ПИЩИКЪ. (Удивляясь) Вы подумайте!

ШАРЛОТТА. Конечъ!

Бросаетъ пледъ на Пищика, дѣлаетъ реверансъ и убѣгаетъ въ залу.

ПИЩИКЪ. (Сгѣштитъ за ней) Злодѣйка... какова? Какова? (Уходитъ)

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. А Леонида все нѣтъ. Что онъ дѣлаетъ въ городѣ, такъ долго, не понимаю! Вѣдь все уже кончено тамъ, имѣнiе продано, или торги не состоялись, зачѣмъ же такъ долго держать въ невѣдѣнiи!

ВАРЯ. (Стараясь ее утѣшить) Дядечка купить, я въ этомъ увѣрена.

ТРОФИМОВЪ. (Насмѣшливо) Да.

ВАРЯ. Бабушка прислала ему довѣренность, чтобы онъ купилъ на ея имя съ переводомъ долга. Это она для Ани. И я увѣрена, Богъ поможетъ, дядечка купить.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Ярославская бабушка прислала пятнадцать тысячъ, чтобы купить имѣнiе на ея имя,— намъ она не вѣритъ,—а этихъ денегъ не хватило бы даже проценты заплатить. (Закрываетъ лицо руками) Сегодня судьба моя рѣшается, судьба...

ТРОФИМОВЪ. (Дразнить Варю) Мадамъ Лопахина!

ВАРЯ. (Сердито) Вѣчный студентъ! Уже два раза уволяли изъ университета.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Что же ты сердишься, Варя? Онъ дразнитъ тебя Лопахинымъ, ну что-жъ? хочешь—вы-

ходи за Лопахина, онъ хорошій, интересный человекъ, не хочешь—не выходи; тебя, дуся, никто не неволить...

ВАРЯ. Я смотрю на это дѣло серьезно, мамочка, надо прямо говорить. Онъ хорошій человекъ, мнѣ нравится.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. И выходи. Что же ждать, не понимаю!

ВАРЯ. Мамочка, не могу же я сама дѣлать ему предложение. Вотъ уже два года всѣ мнѣ говорятъ про него, всѣ говорятъ, а онъ или молчитъ, или шутить. Я понимаю. Онъ богатѣетъ, занять дѣломъ, ему не до меня. Если бы были деньги, хоть немного, хоть бы сто рублей, бросила бы я все, ушла бы подальше. Въ монастырь бы ушла.

ТРОФИМОВЪ. Благолѣпіе!

ВАРЯ. (Трофимову) Студенту надо быть умнымъ! (Мягкимъ тономъ, со слезами) Какой вы стали некрасивый, Петя, какъ постарѣли! (Любови Андреевнѣ, уже не плача) Только вотъ безъ дѣла не могу, мамочка. Мнѣ каждую минуту надо что-нибудь дѣлать.

Входитъ Яша.

ЯША. (Едва удерживаясь отъ смѣха) Епиходовъ биллиардный кій сломалъ!.. (Уходитъ)

ВАРЯ. Зачѣмъ же Епиходовъ здѣсь? Кто ему позволилъ на биллиардѣ играть? Не понимаю этихъ людей!.. (Уходитъ)

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Не дразните ее, Петя, вы видите, она и безъ того въ горѣ.

ТРОФИМОВЪ. Ужъ очень она усердная, не въ свое дѣло суется. Все лѣто не давала покоя ни мнѣ, ни Анѣ, боялась, какъ бы у насъ романа не вышло. Какое ей дѣло? И къ тому же я вида не подавалъ, я такъ далекъ отъ пошлости. Мы выше любви!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. А я вотъ, должно быть, ниже любви. (Въ сильномъ безпокойствѣ) Отчего нѣтъ Леонида

Только бы знать: продано имѣніе или нѣтъ? Несчастье представляется мнѣ до такой степени невѣроятнымъ, что даже какъ-то не знаю, что думать, теряюсь... Я могу сейчасъ крикнуть... могу глупость сдѣлать. Спасите меня, Петя. Говорите же что-нибудь, говорите...

трофимовъ. Продано ли сегодня имѣніе, или не продано—не все ли равно? Съ нимъ давно уже покончено, нѣтъ поворота назадъ, заросла дорожка. Успокойтесь, дорогая. Не надо обманывать себя, надо хоть разъ въ жизни взглянуть правдѣ прямо въ глаза.

любовь андреевна. Какой правдѣ? Вы видите, гдѣ правда, и гдѣ неправда, а я точно потеряла зрѣніе, ничего не вижу. Вы смѣло рѣшаете всѣ важные вопросы, но скажите, голубчикъ, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успѣли перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смѣло смотрите впередъ, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшнаго, такъ какъ жизнь еще скрыта отъ вашихъ молодыхъ глазъ? Вы смѣлѣе, честнѣе, глубже насъ, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончикѣ пальца, пощадите меня. Вѣдь я родилась здѣсь, здѣсь жили мои отецъ и мать, мой дѣдъ, я люблю этотъ домъ, безъ вишневаго сада я не понимаю своей жизни, и, если ужъ такъ нужно продавать, то продавайте и меня вмѣстѣ съ садомъ... (Обнимаетъ Трофимова, цѣлуетъ его въ лобъ) Вѣдь мой сынъ утонулъ здѣсь... (Плачетъ) Пожалѣйте меня, хорошій, добрый человекъ.

трофимовъ. Вы знаете, я сочувствую всей душѣ.

любовь андреевна. Но надо иначе, иначе это сказать... (Вынимаетъ платокъ, на полъ падаетъ телеграмма) У меня сегодня тяжело на душѣ, вы не можете себя представить. Здѣсь мнѣ шумно, дрожить душа отъ каждаго звука, я вся дрожу, а уйти къ себѣ не могу, мнѣ одной въ тишинѣ страшно. Не осуждайте меня, Петя... Я

вась люблю, какъ родного. Я охотно бы отдала за вась Аню, клянусь вамъ, только, голубчикъ, надо же учиться, надо курсъ кончить. Вы ничего не дѣлаете, только судьба бросаетъ вась съ мѣста на мѣсто, такъ это странно... Не правда ли? Да? И надо же что-нибудь съ бородой сдѣлать, чтобы она росла какъ-нибудь... (Смѣется) Смѣшной вы!

ТРОФИМОВЪ. (Поднимаетъ телеграмму) Я не желаю быть красавцемъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Это изъ Парижа телеграмма. Каждый день получаю. И вчера, и сегодня. Этотъ дикій человекъ опять заболѣть, опять съ нимъ нехорошо... Онъ проситъ прощенія, умоляетъ пріѣхать и по настоящему мнѣ слѣдовало бы съѣздить въ Парижъ, побыть возлѣ него. У вась, Петя, строгое лицо, но что же дѣлать, голубчикъ мой, что мнѣ дѣлать, онъ боленъ, онъ одинокъ, несчастливъ, а кто тамъ поглядитъ за нимъ, кто удержитъ его отъ ошибокъ, кто дастъ ему во время лекарство? И что-жъ тутъ скрывать или молчать, я люблю его, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шеѣ, я иду съ нимъ на дно, но я люблю этотъ камень и жить безъ него не могу. (Жметъ Трофимову руку) Не думайте дурно, Петя, не говорите мнѣ ничего, не говорите...

ТРОФИМОВЪ. (Сквозь слезы) Простите за откровенность Бога ради: вѣдь онъ обобралъ вась!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не надо говорить такъ... (Закрываетъ уши)

ТРОФИМОВЪ. Вѣдь онъ негодяй, только вы одна не знаете этого! Онъ мелкій негодяй, ничтожество...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Разсердившись, но сдержанно) Вамъ 26 лѣтъ или 27, а вы все еще гимназистъ второго класса!

ТРОФИМОВЪ. Пусть!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Надо быть мужчиной, въ ваши годы надо понимать тѣхъ, кто любить. И надо самому любить... надо влюбляться! (Сердито) Да, да! И у васъ нѣтъ чистоты, а вы просто чистюлька, смѣшной чудакъ, уродъ...

ТРОФИМОВЪ. (Въ ужасѣ) Что она говорить!!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. „Я выше любви!“ Вы не выше любви, а просто, какъ вотъ говорить нашъ Фирсъ, вы недотѣпа. Въ ваши годы не имѣтъ любовницы!..

ТРОФИМОВЪ. (Въ ужасѣ) Это ужасно! Что она говорить?! (Идетъ быстро въ залъ, схвативъ себя за голову) Это ужасно! Не могу, я уйду... (Уходитъ, но тотчасъ же возвращается) Между нами все кончено! (Уходитъ въ переднюю)

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Кричитъ вслѣдъ) Петя, погодите! Смѣшной человѣкъ, я пошутила! Петя!

Слышно, какъ въ передней кто-то быстро идетъ по лѣстницѣ и вдругъ съ грохотомъ падаетъ внизъ. Аня и Варя вскрикиваютъ, но тотчасъ же слышится смѣхъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Что тамъ такое?

Вбѣгаетъ Аня.

АНЯ. (Смѣясь) Петя съ лѣстницы упалъ! (Убѣгаетъ)

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Какой чудакъ этотъ Петя...

Начальникъ станціи останавливается среди залы и читаетъ „Грѣшницу“ А. Толстого. Его слушаютъ, но едва онъ прочелъ нѣсколько строкъ, какъ изъ передней доносятся звуки вальса, и чтеніе обрывается. Всѣ танцуютъ. Проходятъ изъ передней Трофимовъ, Аня, Варя и Любовь Андреевна.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Ну, Петя... ну, чистая душа... я прощенія прошу... Пойдемте танцовать... (Танцуетъ съ Петей)

Аня и Варя танцуютъ.

Фирсъ входитъ, ставитъ свою палку около боковой двери. Яша тоже вошелъ изъ гостиной, смотритъ на танцы.

яша. Что, дѣдушка?

фирсѣ. Нездоровится. Прежде у насъ на балáхъ танцовали генералы, адмиралы, а теперь посылаемъ за почтовымъ чиновникомъ и начальникомъ станціи, да и тѣ не въ охотку идутъ. Что-то ослабѣлъ я. Баринъ покойный, дѣдушка, всѣхъ сургучомъ пользовалъ, отъ всѣхъ болѣзней. Я сургучъ принимаю каждый день уже лѣтъ двадцать, а то и больше; можетъ, я отъ него и живъ.

яша. Надоѣлъ ты, дѣдъ. (Зѣваетъ) Хоть бы ты поскорѣе подохъ.

фирсѣ. Эхъ ты... недотѣпа! (Бормочетъ)

Трофимовъ и Любовь Андреевна танцуютъ въ залѣ, потомъ въ гостиной.

любовь андреевна. Мерсі. Я посижу... (Садится)
Устала.

Входитъ Аня.

аня. (Взволнованно) А сейчасъ на кухнѣ какой-то чеповѣкъ говорилъ, что вишневый садъ уже проданъ сегодня.

любовь андреевна. Кому проданъ?

аня. Не сказалъ кому. Ушелъ. (Танцуетъ съ Трофимовымъ, оба уходятъ въ залу)

яша. Это тамъ какой-то старикъ болталъ. Чужой.

фирсѣ. А Леонида Андреича еще нѣтъ, не пріѣхалъ. Пальто на немъ легкое, деми-сезонъ, того гляди, простудится. Эхъ, молодо-зелено.

любовь андреевна. Я сейчасъ умру. Подите, Яша, узнайте, кому продано.

яша. Да онъ давно ушелъ, старикъ-то. (Смѣется)

любовь андреевна. (Съ легкой досадой) Ну, чему вы смѣетесь? Чему рады?

яша. Очень ужъ Епиходовъ смѣшной. Пустой чеповѣкъ. Двадцать два несчастья.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Фирсъ, если продадутъ имѣніе, то куда ты пойдешь?

ФИРСЪ. Куда прикажете, туда и пойду.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Отчего у тебя лицо такое? Ты нездоровъ? Шель бы, знаешь, спать...

ФИРСЪ. Да... (Съ усмѣшкой) Я уйду спать, а безъ меня тутъ кто подастъ, кто распорядится? Одинъ на весь домъ.

ЯША. (Любови Андреевнѣ) Любовь Андреевна! Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбой, будьте такъ добры! Если опять поѣдете въ Парижъ, то возьмите меня съ собой, сдѣлайте милость. Здѣсь мнѣ оставаться положительно невозможно. (Оглядываясь, вполголоса) Что-жъ тамъ говорить, вы сами видите, страна необразованная, народъ безнравственный, при томъ скука, на кухнѣ кормятъ безобразно, а тутъ еще Фирсъ этотъ ходитъ, бормочетъ разныя неподходящія слова. Возьмите меня съ собой, будьте такъ добры!

Входитъ Пищикъ.

ПИЩИКЪ. Позвольте просить васъ... на вальсишку, прекраснѣйшая... (Любовь Андреевна идетъ съ нимъ) Очаровательная, все-таки 180 рубликовъ я возьму у васъ... Возьму... (Танцуетъ) 180 рубликовъ... (Перешли въ залъ)

ЯША. (Тихо папѣваетъ) „Поймешь ли ты души моей волненье“...

Въ залѣ фигура въ сѣромъ цилиндрѣ и въ клѣтчатыхъ панталонахъ машетъ руками и прыгаетъ; крики: „Браво, Шарлотта Ивановна!“

ДУНЯША. (Остановилась, чтобы попудриться) Барышня велитъ мнѣ танцовать—кавалеровъ много, а дамъ мало,—а у меня отъ танцевъ кружится голова, сердце бьется, Фирсъ Николаевичъ, а сейчасъ чиновникъ съ почты такое мнѣ сказалъ, что у меня дыханіе захватило.

Музыка стихаетъ.

фирсь. Что же онъ тебѣ сказалъ?

дуняша. Вы, говорить, какъ цвѣтокъ.

яша. (Зѣваетъ) Невѣжество... (Уходитъ)

дуняша. Какъ цвѣтокъ... Я такая деликатная дѣ-
вушка, ужасно люблю нѣжныя слова.

фирсь. Закрутишься ты.

Входитъ Епиходовъ.

епиходовъ. Вы, Авдотья Федоровна, не желаете
меня видѣть... какъ будто я какое насѣкомое. (Вдыхаетъ)
Эхъ, жизнь!

дуняша. Что вамъ угодно?

епиходовъ. Несомнѣнно, можетъ, вы и правы.
(Вдыхаетъ) Но, конечно, если взглянуть съ точки зрѣнія,
то вы, позволю себѣ такъ выразиться, извините за от-
кровенность, совершенно привели меня въ состояніе
духа. Я знаю свою фортуна, каждый день со мной слу-
чается какое-нибудь несчастье и къ этому я давно уже
привыкъ, такъ что съ улыбкой гляжу на свою судьбу.
Вы дали мнѣ слово и, хотя я...

дуняша. Прошу васъ, послѣ поговоримъ, а теперь
оставьте меня въ покоѣ. Теперь я мечтаю... (Играетъ
въеромъ)

епиходовъ. У меня несчастье каждый день и я, поз-
волю себѣ такъ выразиться, только улыбаюсь, даже
смѣюсь.

Входитъ изъ залы Варя.

варя. Ты все еще не ушелъ, Семень? Какой же ты,
право, неуважительный человѣкъ. (Дуняшѣ) Ступай, от-
сюда, Дуняша. (Епиходову) То на биллиардѣ играешь и
кѣй сломалъ, то по гостинной расхаживаешь, какъ гость.

епиходовъ. Съ меня взыскивать, позвольте вамъ вы-
разиться, вы не можете.

варя. Я не взыскиваю съ тебя, а говорю. Только и
знаешь, что ходишь съ мѣста на мѣсто, а дѣломъ не

занимаешься. Конторщика держимъ, а неизвѣстно для чего.

ЕПИХОДОВЪ. (Обиженно) Работаю ли я, хожу ли, кушаю ли, играю ли на биллиардѣ, про то могутъ разсуждать только люди понимающіе и старшіе.

ВАРЯ. Ты смѣешь мнѣ говорить это! (Вспыливъ) Ты смѣешь? Значить, я ничего не понимаю? Убирайся же вонъ отсюда! Сію минуту!

ЕПИХОДОВЪ. (Струсивъ) Прошу васъ выражаться деликатнымъ способомъ.

ВАРЯ. (Выйдя изъ себя) Сію же минуту вонъ отсюда! Вонъ! (Онъ идетъ къ двери, она за нимъ) Двадцать два несчастья! Чтобы духу твоего здѣсь не было! Чтобы глаза мои тебя не видѣли! (Епиходовъ вышелъ; за дверью его голосъ: „Я на васъ буду жаловаться“) А, ты назадъ идешь? (Хватаетъ палку, поставленную около двери Фирсомъ) Иди... иди... Иди, я тебѣ покажу... А, ты идешь? Идешь? Такъ вотъ же тебѣ... (Замахивается, въ это время входитъ Лопахинъ)

ЛОПАХИНЪ. Покорнѣйше благодарю.

ВАРЯ. (Сердито и насмѣшливо) Виновата!

ЛОПАХИНЪ. Ничего-съ. Покорно благодарю за пріятное угощеніе.

ВАРЯ. Не стоитъ благодарности. (Отходить, потомъ оглядывается и спрашиваетъ мягко) Я васъ не ушибла?

ЛОПАХИНЪ. Нѣтъ, ничего. Шишка, однако, вскопчить огромная.

ГОЛОСА ВЪ ЗАЛѢ. Лопахинъ пріѣхалъ! Ермолай Алексѣичъ!

ПИЩИКЪ. Видомъ видать, слыхомъ слышать... (Цѣлуется съ Лопахинимъ) Коньячкомъ отъ тебя попахиваетъ, милый мой, душа моя. А мы тутъ тоже веселимся.

Входитъ Любовь Андреевна.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Это вы, Ермолай Алексѣвичъ? Отчего такъ долго? Гдѣ Леонидъ?

ЛОПАХИНЪ. Леонидъ Андреичъ со мной приѣхалъ, онъ идетъ...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Волнуясь) Ну, что? Были торги? Говорите же!

ЛОПАХИНЪ. (Сконфуженно, боясь обнаружить свою радость) Торги кончились къ четыремъ часамъ... Мы къ поѣзду опоздали, пришлось ждать до половины десятаго. (Тяжело вздохнувъ) Уфъ! У меня немножко голова кружится...

Входитъ Гаевъ; въ правой рукѣ у него покупки, лѣвой онъ утираетъ слезы.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Леня, что? Леня, ну? (Нетерпѣливо, со слезами) Скорѣй же; Бога ради...

ГАЕВЪ. (Ничего ей не отвѣчаетъ, только машетъ рукой; Фирсу плача) Вотъ возьми... тутъ анчоусы, керченскія сельди... Я сегодня ничего не ѣлъ... Столько я выстрадалъ! (Дверь въ билліардную открыта; слышенъ стукъ шаровъ и голосъ Яши: „Семь и восемнадцать!“ У Гаева мѣняется выраженіе, онъ уже не плачетъ) Усталъ я ужасно. Дашь мнѣ, Фирсъ, переодѣться. (Уходитъ къ себѣ черезъ залу, за нимъ Фирсъ)

ПИЩИКЪ. Что на торгахъ? Рассказывай же!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Проданъ вишневый садъ?

ЛОПАХИНЪ. Проданъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Кто купилъ?

ЛОПАХИНЪ. Я купилъ. (Пауза)

Любовь Андреевна утнетена; она упала бы, если бы не стояла возлѣ кресла и стола. Варя снимаетъ съ пояса ключи, бросаетъ ихъ на полъ, посреди гостиной и уходитъ.

ЛОПАХИНЪ. Я купилъ! Погодите, господа, сдѣлайте милость, у меня въ головѣ помутилось, говорить не могу... (Смѣется) Пришли мы на торги, тамъ уже Дери-

гановъ. У Леонида Андрейча было только пятнадцать тысячъ, а Деригановъ сверхъ долга сразу надавалъ тридцать. Вижу, дѣло такое, я схватился съ нимъ, надавалъ сорокъ. Онъ сорокъ пять. Я пятьдесятъ пять. Онъ, значить, по пяти надбавляетъ, я по десяти... Ну, кончилось. Сверхъ долга я надавалъ девяносто, осталось за мной. Вишневый садъ теперь мой! Мой! (Хочочеть) Боже мой, Господи, вишневый садъ мой! Скажите мнѣ, что я пьянъ, не въ своемъ умѣ, что все это мнѣ представляется... (Топочеть ногами) Не смѣйтесь надо мной! Если бы отецъ мой и дѣдъ встали изъ гробовъ и посмотрѣли на все происшествіе, какъ ихъ Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босикомъ бѣгалъ, какъ этотъ самый Ермолай купилъ имѣніе, прекраснѣй котораго ничего нѣтъ на свѣтѣ. Я купилъ имѣніе, гдѣ дѣдъ и отецъ были рабами, гдѣ ихъ не пускали даже въ кухню. Я сплю, это только мерещится мнѣ, это только кажется... это плодъ вашего воображенія, покрытый мракомъ неизвѣстности... (Поднимаетъ ключи, ласково улыбаясь) Бросила ключи, хочеть показать, что она ужъ не хозяйка здѣсь... (Звенить ключами) Ну, да все равно. (Слышно, какъ настраиается оркестръ) Эй, музыканты, играйте, я желаю васъ слушать! Приходите всѣ смотрѣть, какъ Ермолай Лопахинъ хватить топоромъ по вишневому саду, какъ упадутъ на землю деревья! Настроимъ мы дачь, и наши внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнь... Музыка, играй!

Играетъ музыка. Любовь Андреевна опустилась на стулъ и горько плачетъ.

ЛОПАХИНЪ. (Съ укоромъ) Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бѣдная моя, хорошая, не вернешь теперь. (Со слезами) О, скорѣ бы все это прошло, скорѣ бы измѣнилась какъ-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь.

ПИЩИКЪ. (Беретъ его подъ руку, вполголоса) Она плачетъ. Пойдемъ въ залу, пусть она одна... Пойдемъ... (Беретъ его подъ руку и уводитъ въ залу)

ЛОПАХИНЪ. Что-жъ такое? Музыка, играй отчетливо! Пускай все, какъ я желаю! (Съ ироніей) Идетъ новый помѣщикъ, владѣлецъ вишневаго сада! (Толкнувъ нечаянно столикъ, едва не опрокинулъ канделябры) За все могу заплатить!

Уходитъ съ Пищикомъ.

Въ залѣ и гостиной нѣтъ никого, кромѣ Любови Андреевны, которая сидитъ, ждалась вся и горько плачетъ. Тихо играетъ музыка. Быстро входятъ Аня и Трофимовъ. Аня подходитъ къ матери и становится передъ ней на колѣни. Трофимовъ остается у входа въ залу.

АНЯ. Мама!.. Мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... я благословляю тебя. Вишневый садъ проданъ, его уже нѣтъ, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа... Пойдемъ со мной, пойдемъ, милая, отсюда, пойдемъ!.. Мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе этого, ты увидишь его. поймешь, и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ, и ты улыбнешься, мама! Пойдемъ, милая! Пойдемъ!..

Занавѣсъ.

А. Чеховъ.

Вишневый садъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорация первого акта. Нѣтъ ни занавѣсей на окнахъ, ни картинъ, осталось немного мебели, которая сложена въ одинъ уголь, точно для продажи. Чувствуется пустота. Около выходной двери и въ глубинѣ сцены сложены чемоданы, дорожные узлы и т. п. Налѣво дверь открыта, оттуда слышны голоса Вари и Ани. Лопахинъ стоитъ, ждетъ. Яша держитъ подносъ со стаканчиками, налитыми шампанскимъ. Въ передней Епиходовъ увязываетъ ящикъ. За сценой въ глубинѣ гуль. Это пришли прощаться мужики. Голосъ Гаева: „Спасибо, братцы, спасибо вамъ“.

Яша. Простой народъ прощаться пришелъ. Я такого мнѣнія, Ермолай Алексѣичъ, народъ добрый, но мало понимаетъ.

Гуль стихаетъ. Входятъ черезъ переднюю Любовь Андреевна и Гаевъ; она не плачетъ, но блѣдна, лицо ея дрожитъ, она не можетъ говорить.

Гаевъ. Ты отдала имъ свой кошелекъ, Люба. Такъ нельзя! Такъ нельзя!

Любовь Андреевна. Я не смогла! Я не смогла! (Оба уходятъ)

Лопахинъ. (Въ дверь, имъ вслѣдъ) Пожалуйста, покорнѣйше прошу! По стаканчику на прощанье. Изъ города не догадался привезть, а на станціи нашелъ только одну бутылку. Пожалуйста! (Пауза) Что-жь, господа! Не желаете? (Отходить отъ двери) Зналъ бы—не покупалъ. Ну, и я пить не стану. (Яша осторожно ставитъ подносъ на стулъ) Выпей, Яша, хоть ты.

яша. Съ отъѣзжающими! Счастливо оставаться!
(Пьетъ) Это шампанское не настоящее, могу васъ увѣрить.

лопахинъ. Восемь рублей бутылка. (Пауза) Холодно здѣсь чертовски.

яша. Не топили сегодня, все равно уѣзжаемъ.
(Смѣется)

лопахинъ. Что ты?

яша. Отъ удовольствія.

лопахинъ. На дворъ октябрь, а солнечно и тихо, какъ лѣтомъ. Строиться хорошо. (Поглядѣвъ на часы, въ дверь) Господа, имѣйте въ виду, до поѣзда осталось всего 46 минутъ! Значить, черезъ 20 минутъ на станцію ѣхать. Поторапливайтесь.

Трофимовъ въ пальто входитъ со двора.

трофимовъ. Мнѣ кажется, ѣхать уже пора. Лошади поданы. Чортъ его знаетъ, гдѣ мои калоши. Пропали. (Въ дверь) Аня, нѣтъ моихъ калошъ! Не напелтъ!

лопахинъ. А мнѣ въ Харьковъ надо. Поѣду съ вами въ одномъ поѣздѣ. Въ Харьковѣ проживу всю зиму. Я все болтался съ вами, замучился безъ дѣла. Не могу безъ работы, не знаю, что вотъ дѣлать съ руками; болтаются какъ-то странно, точно чужія.

трофимовъ. Сейчасъ уѣдемъ, и вы опять примитесь за свой полезный трудъ.

лопахинъ. Выпей-ка стаканчикъ.

трофимовъ. Не стану.

лопахинъ. Значить, въ Москву теперь?

трофимовъ. Да, провожу ихъ въ городъ, а завтра въ Москву.

лопахинъ. Да... Что-жъ, профессора не читають лекцій, небось, все ждуть, когда пріѣдешь!

трофимовъ. Не твое дѣло.

лопахинъ. Сколько лѣтъ, какъ ты въ университетѣ

трофимовъ. Придумай что-нибудь поновѣе. Это старо и плоско. (Ищетъ калоши) Знаешь, мы, пожалуй, не увидимся больше, такъ вотъ позволь мнѣ дать тебѣ на прощанье одинъ совѣтъ: не размахивай руками! Отвыкни отъ этой привычки—размахивать. И тоже вотъ строить дачи, рассчитывать, что изъ дачниковъ со временемъ выйдутъ отдѣльные хозяева, рассчитывать такъ—это тоже значить размахивать... Какъ ни какъ, все-таки я тебя люблю. У тебя тонкіе, нѣжные пальцы, какъ у артиста, у тебя тонкая, нѣжная душа...

лопахинъ. (Обнимаетъ его) Прощай, голубчикъ. Спасибо за все. Ежели нужно, возьми у меня денегъ на дорогу.

трофимовъ. Для чего мнѣ? Не нужно.

лопахинъ. Вѣдь у васъ нѣтъ!

трофимовъ. Есть. Благодарю васъ. Я за переводъ получилъ. Вотъ онѣ тутъ, въ карманѣ. (Тревожно) А калошъ моихъ нѣтъ!

варя. (Изъ другой комнаты) Возьмите вашу гадость! (Выбрасываетъ на сцену пару резиновыхъ калошъ)

трофимовъ. Что же вы сердитесь, Варя? Гм... Да это не мои калоши!

лопахинъ. Я весной посѣялъ макъ тысячу десятинъ, и теперь заработалъ сорокъ тысячъ чистаго. А когда мой макъ цвѣлъ, что это была за картина! Такъ вотъ я, говорю, заработалъ сорокъ тысячъ и, значить, предлагаю тебѣ взаймы, потому что могу. Зачѣмъ же носъ драть? Я мужикъ... по-просту.

трофимовъ. Твой отецъ былъ мужикъ, мой—аптекарь и изъ этого не слѣдуетъ рѣшительно ничего. (Лопехинъ вынимаетъ бумажникъ) Оставь, оставь... Дай мнѣ хоть двѣсти тысячъ, не возьму. Я свободный человѣкъ. И все, что такъ высоко и дорого цѣните вы всѣ, богатые и нищіе, не имѣетъ надо мной ни малѣй-

шей власти, вотъ какъ пухъ, который носится по воздуху. Я могу обходиться безъ васъ, я могу проходить мимо васъ, я силенъ и гордъ. Человѣчество идетъ къ высшей правдѣ, къ высшему счастью, какое только возможно на землѣ, и я въ первыхъ рядахъ!

ЛОПАХИНЪ. Дойдешь?

ТРОФИМОВЪ. Дойду. (Пауза) Дойду, или укажу другимъ путь, какъ дойти.

Слышно, какъ вдали стучать топоромъ по дереву.

ЛОПАХИНЪ. Ну, прощай, голубчикъ. Пора ѣхать. Мы другъ передъ другомъ носъ деремъ, а жизнь знай себѣ проходить. Когда я работаю подолгу, безъ усталости, тогда мысли полегче и кажется, будто мнѣ тоже извѣстно, для чего я существую. А сколько, братъ, въ Россіи людей, которые существуютъ неизвѣстно для чего. Ну, все равно, циркулирующія дѣла не въ этомъ. Леонидъ Андреевичъ, говорятъ, принялъ мѣсто, будетъ въ банкѣ, шесть тысячъ въ годъ... Только вѣдь не усидитъ, лѣнивнѣе очень...

АНЯ. (Въ дверяхъ) Мама васъ проситъ: пока она не уѣхала, чтобъ не рубили сада.

ТРОФИМОВЪ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели не хватаетъ такта... (Уходитъ черезъ переднюю)

ЛОПАХИНЪ. Сейчасъ, сейчасъ... Экіе, право. (Уходитъ за нимъ)

АНЯ. Фирса отправили въ больницу?

ЯША. Я утромъ говорилъ. Отправили, надо думать.

АНЯ. (Епиходову, который проходитъ черезъ залу) Семенъ Пантелѣичъ, справьтесь пожалуйста, отвезли ли Фирса въ больницу.

ЯША. (Обиженно) Утромъ я говорилъ Егору. Что-жъ спрашивать по десяти разъ!

ЕПИХОДОВЪ. Долголѣтній Фирсъ, по моему оконча-

тельному мнѣнію, въ починку не годится, ему надо къ праотцамъ. А я могу ему только завидовать. (Положилъ чемоданъ на картонку со шляпой и раздавилъ) Ну вотъ, конечно. Такъ и зналъ. (Уходитъ)

ЯША. (Насмѣшливо) Двадцать два несчастья...

ВАРЯ. (За дверью) Фирса отвезли въ больницу?

АНЯ. Отвезли.

ВАРЯ. Отчего же письмо не взяли къ доктору?

АНЯ. Такъ надо послать въ догонку... (Уходитъ)

ВАРЯ. (Изъ сосѣдней комнаты) Гдѣ Яша? Скажите, мать его пришла, хочетъ проститься съ нимъ.

ЯША. (Машетъ рукой) Выводятъ только изъ терпѣнія.

Дуняша все время хлопочетъ около вещей; теперь, когда Яша остался одинъ, она подошла къ нему.

ДУНЯША. Хоть бы взглянули разочекъ, Яша. Вы уѣзжаете... меня покидаете... (Плачетъ и бросается ему на шею)

ЯША. Что-жъ плакать? (Пьетъ шампанское) Черезъ шесть дней я опять въ Парижѣ. Завтра сядемъ въ курьерскій поѣздъ и закатимъ, только насъ и видѣли. Даже какъ-то не вѣрится. Вивъ ла Франсъ!.. Здѣсь не по мнѣ, не могу жить... ничего не подѣлаешь. Насмотрѣлся на невѣжество—будетъ съ меня. (Пьетъ шампанское) Что-жъ плакать? Ведите себя прилично, тогда не будете плакать.

ДУНЯША. (Пудрится, глядясь въ зеркальце) Пришлите изъ Парижа письмо. Вѣдь я васъ любила, Яша, такъ любила! Я нѣжное существо.

ЯША. Идутъ сюда.

Хлопочетъ около чемодановъ, тихо нагъваетъ.

Входятъ Любовь Андреевна, Гаевъ, Аня и Шарлотта Ивановна.

гаевъ. Вхоть бы намъ. Уже немного осталось. (Глядя на Яшу) Отъ кого это селедкой пахнетъ!

любовь андреевна. Минуть черезъ десять давайте уже въ экипажи садиться... (Окидываетъ взглядомъ комнату) Прощай, милый домъ, старый дѣдушка. Пройдетъ зима, настанетъ весна, а тамъ тебя уже не будетъ, тебя сломають. Сколько видѣли эти стѣны! (Цѣлуетъ горячодочь) Сокровище мое, ты сіяешь, твои глазки играютъ, какъ два алмаза. Ты довольна? Очень?

аня. Очень! Начинается новая жизнь, мама!

гаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, теперь все хорошо. До продажи вишневаго сада мы всё волновались, страдали, а потомъ, когда вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, безповоротно, всё успокоились, повеселѣли даже... Я банковскій служака, теперь я финансистъ... желтаго въ середину, и ты, Люба, какъ ни какъ, выглядишь лучше, это несомнѣнно.

любовь андреевна. Да. Нервы мои лучше, это правда. (Ей подають шляпу и пальто) Я сплю хорошо. Выносите мои вещи, Яша. Пора. (анѣ) Дѣвочка моя, скоро мы увидимся... Я уѣзжаю въ Парижъ, буду жить тамъ на тѣ деньги, которыя прислала твоя ярославская бабушка на покупку имѣнія—да здравствуетъ бабушка!—а денегъ этихъ хватить не надолго.

аня. Ты, мама, вернешься скоро, скоро... не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамень въ гимназіи и потомъ буду работать, тебѣ помогать. Мы, мама, будемъ вмѣстѣ читать разныя книги... Не правда ли? (цѣлуетъ матери руки) Мы будемъ читать въ осенніе вечера, прочтемъ много книгъ, и передъ нами откроется новый, чудесный міръ... (Мечтаетъ) Мама, пріѣзжай...

любовь андреевна. Пріѣду, мое золото. (Обнимаетъ дочь)

Входитъ Лопехинъ. Шарлотта тихо напѣваетъ пѣсенку.

ГАЕВЪ. Счастливая Шарлотта: поеть!

ШАРЛОТТА. (Берегъ узель, похожій на свернутаго ребенка) Мой ребеночекъ, бай, бай... (Слышится плачь ребенка: уа, уа!...) Замолчи, мой хорошій, мой милый мальчикъ. (Уа!... уа!...) Мнѣ тебя такъ жалко! (Бросаетъ узель на мѣсто) Такъ вы пожалуйте найдите мнѣ мѣсто. Я не могу такъ.

ЛОПАХИНЪ. Найдемъ, Шарлотта Ивановна, не безпокойтесь.

ГАЕВЪ. Всѣ насъ бросаютъ, Варя уходитъ... мы стали вдругъ не нужны.

ШАРЛОТТА. Въ городѣ мнѣ жить негдѣ. Надо уходить... (Напѣваетъ) Все равно...

Входить Пищикъ.

ЛОПАХИНЪ. Чудо природы!..

ПИЩИКЪ. (Запыхавшись) Ой, дайте отдышаться... замучился... Мои почтеннѣйшіе... Воды дайте...

ГАЕВЪ. За деньгами, небось? Слуга покорный, !ухожу отъ грѣха... (Уходитъ)

ПИЩИКЪ. Давненько не былъ у васъ... прекраснѣйшая... (Лопахину) Ты здѣсь... радъ тебя видѣть... громаднѣйшаго ума человекъ... возьми... получи... (Подаетъ Лопахину деньги) Четыреста рублей... За мной остается восемьсотъ сорокъ...

ЛОПАХИНЪ. (Въ недоумѣніи пожимаетъ плечами) Точно во снѣ... Ты гдѣ же взялъ?

ПИЩИКЪ. Постой... Жарко... Событіе необычайнѣйшее. Приѣхали ко мнѣ англичане и нашли въ землѣ какую-то бѣлую глину... (Любови Андреевнѣ) И вамъ четыреста... прекрасная... удивительная... (Подаетъ деньги) Остальные потомъ. (Пьетъ воду) Сейчасъ одинъ молодой человекъ рассказывалъ въ вагонѣ, будто какой-то... великій философъ совѣтуетъ прыгать съ крыши... „Прыгай!“ говоритъ, и въ этомъ вся задача. (Удивленно) Вы подумайте! Воды!..

лопахинъ. Какіе же это англичане?

пищикъ. Сдалъ имъ участокъ съ глиной на 24 года... А теперь, извините, некогда... надо скакать дальше... Поѣду къ Знойкову... къ Кардамонову... Всѣмъ должень... (Пьетъ) Желая здравствовать... Въ четвергъ заѣду...

любовь андреевна. Мы сейчасъ переѣзжаемъ въ городъ, а завтра я за границу...

пищикъ. Какъ? (Встревоженно) Почему въ городъ? То то я гляжу на мебель... чемоданы... Ну ничего... (Сквозь слезы) Ничего... Величайшаго ума люди... эти англичане... Ничего... Будьте счастливы... Богъ поможетъ вамъ... Ничего... Всему на этомъ свѣтѣ бываетъ конецъ... (Цѣлуетъ руку Любви Андреевнѣ) А дойдетъ до васъ слухъ, что мнѣ конецъ пришелъ, вспомните вотъ эту самую... лошадь и скажите: „былъ на свѣтѣ такой, сякой... Симеоновъ-Пищикъ... царство ему небесное“... Замѣчательнѣйшая погода... Да... (Уходитъ въ сильномъ смущеніи, но тотчасъ же возвращается и говоритъ въ дверяхъ) Кланялась вамъ Дашенька! (Уходитъ)

любовь андреевна. Теперь можно и ѣхать. Уѣзжаю я съ двумя заботами. Первая—это больной Фирсъ. (Взглянувъ на часы) Еще минутъ пять можно...

аня. Мама, Фирса уже отправили въ больницу. Яша отправилъ утромъ.

любовь андреевна. Вторая моя печаль—Варя. Она привыкла рано вставать и работать, и теперь безъ труда она, какъ рыба безъ воды. Похудѣла, поблѣднѣла и плачетъ бѣдняжка... (Пауза) Вы это очень хорошо знаете, Ермолай Алексѣичъ; я мечтала... выдать ее за васъ, да и по всему видно было, что вы женитесь. (Шепчетъ Анѣ, та киваетъ Шарлоттѣ и обѣ уходятъ) Она васъ любитъ, вамъ она по душѣ, и не знаю, не знаю, почему это вы точно сторонитесь другъ друга. Не понимаю!

ЛОПАХИНЪ. Я самъ тоже не понимаю, признаться. Какъ-то странно все... Если есть еще время, то я хоть сейчасъ готовъ... Покончимъ сразу—и баста, а безъ васъ я, чувствую, не сдѣлаю предложенія.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. И превосходно. Вѣдь одна минута нужна, только. Я ее сейчасъ позову...

ЛОПАХИНЪ. Кстати и шампанское есть. (Поглядѣвъ на стаканчики) Пустые, кто-то уже выпилъ. (Яша кашляетъ) Это называется вылакать...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Оживленно) Прекрасно. Мы выйдемъ... Яша, allez! Я ее позову... (Въ дверь) Варя, оставь все, поди сюда. Иди! (Уходитъ съ Яшей)

ЛОПАХИНЪ. (Поглядѣвъ на часы) Да... (Пауза)

За дверью сдержанный смѣхъ, шопотъ, наконецъ, входитъ Варя.

ВАРЯ. (Долго осматриваетъ вещи) Странно, никакъ не найду...

ЛОПАХИНЪ. Что вы ищете?

ВАРЯ. Сама уложила и не помню. (Пауза)

ЛОПАХИНЪ. Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?

ВАРЯ. Я? Къ Рагулинымъ... Договорилась къ нимъ смотрѣть за хозяйствомъ... въ экономки, что ли.

ЛОПАХИНЪ. Это въ Яшнево? Верстъ 70 будетъ. (Пауза) Вотъ и кончилась жизнь въ этомъ домѣ...

ВАРЯ. (Оглядывая вещи) Гдѣ же это... Или, можетъ, я въ сундукъ уложила... Да, жизнь въ этомъ домѣ кончилась... больше уже не будетъ...

ЛОПАХИНЪ. А я въ Харьковъ уѣзжаю сейчасъ... вотъ съ этимъ поѣздомъ. Дѣла много. А тутъ во дворѣ оставляю Епиходова... Я его нанялъ.

ВАРЯ. Что-жъ!

ЛОПАХИНЪ. Въ прошломъ году объ эту пору уже

снѣгъ шель, если припомните, а теперь тихо, солнечно. Только что вотъ холодно... Градуса три мороза.

ВАРЯ. Я не поглядѣла. (Пауза) Да и разбить у насъ градусникъ... (Пауза)

ГОЛОСЪ ВЪ ДВЕРЬ СО ДВОРА. Ермолай Алексѣичъ!..

ЛОПАХИНЪ. (Точно давно ждать этого зова) Сію минуту! (Быстро уходитъ)

Варя, сидя на полу, положивъ голову на узелъ съ платьемъ, тихо рыдаетъ. Отворяется дверь, осторожно входитъ Любовь Андреевна.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Что? (Пауза) Надо ѣхать.

ВАРЯ. (Уже не плачетъ, вытерла глаза) Да, пора, мамочка. Я къ Рагулинымъ поспѣю сегодня, не опоздать бы только къ поѣзду...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. (Въ дверь) Аня, одѣвайся!

Входятъ Аня, потомъ Гаевъ, Шарлотта Ивановна. На Гаевѣ теплое пальто съ башлыкомъ. Сходится прислуга, извозчики. Около вещей хлопочетъ Епиходовъ.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Теперь можно и въ дорогу.

АНЯ. (Радостно) Въ дорогу!

ГАЕВЪ. Друзья мои, милые, дорогіе друзья мои! Покидая этотъ домъ навсегда, могу ли я умолчать, могу ли удержаться, чтобы не высказать на прощанье тѣ чувства, которыя наполняютъ теперь все мое существо...

АНЯ. (Умоляюще) Дядя!

ВАРЯ. Дядечка, не нужно!

ГАЕВЪ. (Уныло) Дуплетомъ желтаго въ середину... Молчу...

Входитъ Трофимовъ, потомъ Лопехинъ.

ТРОФИМОВЪ. Что же, господа, пора ѣхать!

ЛОПАХИНЪ. Епиходовъ, мое пальто!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Я посижу еще одну минутку. Точно раньше я никогда не видѣла, какія въ этомъ домѣ стѣны, какіе потолки, и теперь я гляжу на нихъ съ жадностью, съ такой нѣжной любовью...

ГАЕВЪ. Помню, когда мнѣ было шесть лѣтъ, въ Троицынъ день я сидѣлъ на этомъ окнѣ и смотрѣлъ, какъ мой отецъ шелъ въ церковь...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Всѣ вещи забрали?

ЛОПАХИНЪ. Кажется, все. (Епиходову, надѣвая пальто) Ты же, Епиходовъ, смотри, чтобы все было въ порядкѣ.

ЕПИХОДОВЪ. (Говоритъ сильнымъ голосомъ) Будьте покойны, Ермолай Алексѣичъ!

ЛОПАХИНЪ. Что это у тебѣ голосъ такой?

ЕПИХОДОВЪ. Сейчасъ воду пилъ, что-то проглотилъ.

ЯША. (Съ презрѣніемъ) Невѣжество...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Уѣдемъ—и здѣсь не останется ни души...

ЛОПАХИНЪ. До самой весны.

ВАРЯ. (Выдергиваетъ изъ узла зонтикъ, похоже, какъ будто она замахнулась; Лопухинъ дѣлаетъ видъ, что испугался) Что вы, что вы... Я и не думала.

ТРОФИМОВЪ. Господа, идемте садиться въ экипажи... Уже пора! Сейчасъ поѣздъ придетъ!

ВАРЯ. Петя, вотъ онѣ, ваши калоши, возлѣ чемодана. (Со слезами) И какія онѣ у васъ грязныя, старыя...

ТРОФИМОВЪ. (Надѣвая калоши) Идемъ, господа!..

ГАЕВЪ. (Сильно смущенъ, боится заплакать) Поѣздъ... станція... Круазе въ середину, бѣлаго дуплетомъ въ уголь...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Идемъ!

ЛОПАХИНЪ. Всѣ здѣсь? Никого тамъ нѣтъ? (Запираетъ боковую дверь наѣво) Здѣсь вещи сложены, надо запретъ. Идемъ!...

АНЯ. Прощай, домъ! Прощай, старая жизнь!

ТРОФИМОВЪ. Здравствуй, новая жизнь!... (Уходитъ съ Аней)

Варя окидываетъ взглядомъ комнату и, не спѣша, уходитъ. Уходятъ Яша и Шарлотта съ собачкой.

ЛОПАХИНЪ. Значить, до весны. Выходите, господа... До свиданцiя!.. (Уходитъ)

Любовь Андреевна и Гаевъ остались вдвоемъ. Они точно ждали этого, бросаются на шею другъ другу и рыдаютъ сдержанно, тихо, боясь, чтобы ихъ не услышали.

ГАЕВЪ (Въ отчаянiи) Сестра моя, сестра моя...

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. О мой милый, мой нѣжный, прекрасный садъ!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..!

ГОЛОСЪ АНИ. (Весело, призывающе) Мама!..

ГОЛОСЪ ТРОФИМОВА. (Весело, возбужденно) Ау!..

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Въ послѣднiй разъ взглянуть на стѣны, на окна... По этой комнатѣ любила ходить покойная мать...

ГАЕВЪ. Сестра моя, сестра моя!..

ГОЛОСЪ АНИ. Мама!..

ГОЛОСЪ ТРОФИМОВА. Ау!..!

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА. Мы идемъ!.. (Уходятъ)

Сцена пуста. Слышно, какъ на ключъ запираютъ всѣ двери, какъ потомъ отъѣзжаютъ экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стукъ топора по дереву, звучащiй одиноко и грустно.

Слышатся шаги. Изъ двери, что направо, показывается Фирсъ. Онъ одѣтъ, какъ всегда: въ пиджакъ и бѣлой жилеткѣ, на ногахъ туфли. Онъ боленъ.

ФИРСЪ. (Подходить къ двери, трогаетъ за ручку) Заперто. Уѣхали... (Садится на диванъ) Про меня забыли... Ни-

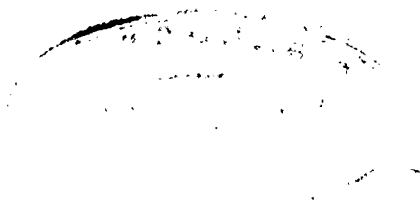
чего... я тутъ посижу... А Леонидъ Андреичъ, небось, шубы не надѣлъ, въ пальто поѣхалъ... (Озабоченно вздыхаетъ) Я-то не поглядѣлъ... Молодо-зелено! (Бормочетъ что-то, чего понять нельзя) Жизнь-то прошла, словно и не жилъ... (Ложится) Я полежу... Силушки-то у тебя нѣту, ничего не осталось, ничего... Эхъ ты... недотѣпа!.. (Лежитъ неподвижно)

Слышится отдаленный звукъ, точно съ неба, звукъ лопнувшей струны, замирающій, печальный. Наступаетъ тишина и только слышно, какъ далеко въ саду топоромъ стучать по дереву.

Занавѣсъ.

46

сѣ

Е. ЧИРИКОВЪ.

НА ПОРУКАХЪ.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

I.

Каждый вечеръ Марья Тимофеевна ходила на станцію желѣзной дороги къ пассажирскому поѣзду. Поѣздъ всегда подкатывался къ деревянной платформѣ какъ-то неожиданно для Марьи Тимофеевны и всегда заставлялъ ее врасплохъ, на неотвязныхъ думахъ о томъ, что тамъ случилось съ Колей и что теперь будетъ... Ударъ сигнальнаго колокола и шипѣніе пара пробуждали ее, углубленную въ эти думы, и она опрометью кидалась на платформу и начинала метаться отъ вагона къ вагону, отыскивая Колю. Она жадно разсматривала толпившійся на платформѣ народъ, заглядывала въ окна вагоновъ, — и ея сердце вздрагивало всякій разъ, когда на глаза попадались золотыя пуговицы или фуражка съ синимъ околышемъ.

Такъ было уже нѣсколько дней: поѣздъ подползаль къ станціи, выбрасывалъ маленькую кучку сѣренькихъ людей, торопливо отвѣчалъ станціонному колоколу визгливыми свистками и улеталъ въ даль, оставляя по себѣ клочки разорванной ленты сизаго дыма. Однажды пріѣхалъ мѣстный исправникъ, встрѣченный исправницею и кучею ребятишекъ; въ другой разъ пріѣхала докторша и настоятель мужского монастыря, о. Пор-

фирій... А Коля не пріѣзжалъ... „Что-же это значить? Ахъ, дѣти, дѣти!“ Марья Тимофеевна наскоро отирала съ глазъ слезинки и продолжала блуждать взоромъ по платформѣ. Не довѣряя себѣ, она спрашивала мужика въ фартукъ и съ бляхой на груди:

— Куда теперъ этотъ поѣздъ отправился?

— Въ Москву, бабушка, въ бѣлокаменную, бабушка, — шутливо отвѣчалъ мужикъ, счищая метлою заслѣженную платформу.

— А приходилъ онъ изъ Кіева?

— Изъ Кіева, изъ Кіева, — уже сердито говорилъ мужикъ.

Марья Тимофеевна смотрѣла въ ту сторону, гдѣ по ея расчету долженъ былъ находиться Кіевъ, — и лицо старухи складывалось въ странную улыбку, грустную и нѣжную, потому что тамъ, далеко-далеко, въ туманѣ наступающихъ сумерекъ весенняго вечера, передъ ней вставалъ дорогой образъ смуглаго юноши въ студенческомъ мундирѣ.

— Постой-ка, старушка! Посторонись маленько! — говорилъ мужикъ съ бляхой, задѣвая метлою по ногамъ Марьи Тимофеевны.

Она отрывалась отъ Кіева, образъ смуглаго юноши исчезалъ, и, вздыхая, Марья Тимофеевна уходила прочь, полная тревоги и горечи, беспомощная и растерянная, дѣйствительно похожая теперь на одну изъ тѣхъ божьихъ старушекъ, которыхъ всякій считаетъ себя въ правѣ называть „бабушкой“. Сперва она шла медленно, а потомъ торопилась: всякій разъ у ней появлялась надежда на то, что, быть можетъ, она проглядѣла Колю и, возвратившись, найдетъ его дома... Плохо стала видѣть, а въ сутолокѣ долго-ли проглядѣть? Надо завести очки... Чѣмъ ближе Марья Тимофеевна подходила къ дому, тѣмъ надежда застать тамъ Колю казалась ей правдопо-

добнѣ, и она съ бьющимся сердцемъ входила въ калитку маленькаго утопавшаго въ зелени домика, такогаже старенькаго, какъ сама Марья Тимофеевна. Навѣрное, Коля сидитъ, а отецъ бранить его... Что ужъ тутъ бранить? Не воротишь. Главное—быль бы здоровъ. Не всѣ кончаютъ курсъ въ университетѣ, а живутъ себѣ... Съ тревогой Марья Тимофеевна бралась за скобку калитки, съ тревогой поднималась по ступенькамъ крыльца и съ замираніемъ духа отворяла дверь въ комнаты...

Нѣтъ! Не пріѣхалъ!

Старикъ ходилъ по комнатѣ въ стоптанныхъ туфляхъ, сердито откашливался, стараясь скрыть свое волненіе, — и, когда въ дверяхъ появлялась одна Марья Тимофеевна, безъ Коли, — отворачивался и ворчливо произносилъ:

— И нечего встрѣчать!..

Потомъ онъ оборачивался къ старухѣ, разводилъ руками и добавлялъ:

— И понятно!

Наступало продолжительное молчаніе. На душѣ у обоихъ было тяжело, оба думали объ одномъ и томъ-же, оба были готовы расплакаться, но крѣпились и упорно молчали,—и отъ этого молчанія въ комнатахъ становилось тоскливо и душно. Большіе стѣнные часы съ гириями протяжно стучали маятникомъ и, казалось, повторяли фразу Степана Никифоровича:

— Нечего ждать! нечего ждать!..

И старикамъ рисовались всякіе ужасы...

Иногда къ нимъ приходилъ мѣстный казначей Ардальонъ Михайлычъ. Они со Степаномъ Никифоровичемъ были большіе пріятели...

...Ардальонъ Михайлычъ рассказывалъ, что онъ читалъ; при этомъ онъ много фантазировалъ, путалъ „Русскую Старину“ съ разными историческими романами, прочитанными имъ въ „Нивѣ“, и наводилъ на стариковъ такой ужасъ, что они иногда всю ночь напролетъ не спали, ворочались и вздыхали...

И потому Степанъ Никифоровичъ всякій разъ, когда жена возвращалась со станціи одна, повторялъ:

— И нечего ждать!

Говорилъ онъ это довольно сурово, но потомъ шелъ на огородъ. Тамъ была у нихъ старая, обросшая травой баня съ однимъ квадратнымъ окошечкомъ. Старикъ потихоньку уходилъ въ эту баню, запирался тамъ и на свободѣ плакалъ, какъ маленькій ребенокъ, и съ отчаяніемъ причиталъ:

— Только бы остался живъ, Господи! Только! Больше ничего не надо!..

Однажды утромъ, когда Степанъ Никифоровичъ былъ на службѣ, а Марья Тимофеевна возилась на кухнѣ, — къ домику подъѣхалъ, дребезжа ржавыми крыльями, старомодный шарабанъ. Марья Тимофеевна посмотрѣла въ окно и выронила изъ рукъ тряпку: около шарабана стоялъ студентъ, тощій, долговязый, и ждалъ, когда возница взвалитъ себѣ на плечи старый чемоданъ. Сту-

дентъ стоялъ къ окнамъ спиною, но для Марьи Тимофеевны было достаточно этого стараго чемодана, чтобы кинуться на крыльцо.

— Коля! Колюша! — закричала она и со смѣхомъ сквозь слезы кинулась къ юношѣ и стала цѣловать его. Она просто не вѣрила своимъ глазамъ, что Коля вернулся, смотрѣла ему въ лицо и все спрашивала:

— Здоровъ-ли? Здоровъ-ли?

— Ничего...

— А мы просто измучились! Чего только не передумали! Простили, что-ли, тебя?! Господи!.. Живъ!..

Юноша, смуглый, съ худымъ нервнымъ лицомъ, отвѣчалъ грустной улыбкой и какъ-то конфузливо, словно чувствовалъ неловкость передъ этой задыхающейся отъ счастья старухой и ея чрезмѣрными ласками, отъ которыхъ онъ давно отвыкъ.

— Дай-ка мнѣ узель-то! Я — сама! Вотъ когда не ждешь-то... А я каждый день хожу тебя встрѣчать!.. Просто ума не приложимъ: что съ тобой случилось?!

— Ничего особеннаго... Посидѣлъ маленько...

— Въ крѣпости?.. И Господь вынесъ?! Я, Коленька, молилась. Совсѣмъ простили?..

— Не простили, а... прислали къ вамъ на поруки—.. конфузливо улыбаясь, сказалъ студентъ.

— А потомъ? Что съ тобой сдѣлаютъ?..

— Да ничего особеннаго... Черезъ два года опять поступлю...

— Я какъ-то разъ увидала студента: проѣзжалъ мимо нашей станціи,—спросила про тебя, а онъ ничего про тебя не зналъ...

— Гдѣ-же всѣхъ знать! Насъ много, мамаша...

— Ты, навѣрно, ѣсть хочешь?.. Какой ты худущій! Я—сейчасъ!..

II.

Вотъ онъ и дома!

Все по старому. Чисто прибраны маленькія комнаты; на окнахъ — занавѣски, чахлые цвѣты: герань, винная ягода, плющъ; на стѣнѣ — знакомые часы съ гириями и подковой для правильности хода; круглый столъ передъ вычурнымъ диваномъ покрытъ вязаной скатертью домашняго издѣлія съ узорами, напоминающими о чемъ-то далекомъ, минувшемъ... Кажется, съ самаго рожденія видѣлъ онъ эти узоры и вотъ это ржавое пятно отъ пролитыхъ чернилъ! Въ простѣнкѣ межъ окнами — гвоздикъ, и на немъ аккуратно висятъ номера газеты „Свѣтъ“. Изъ оконъ видна широкая лужайка и улица, тихая, безлюдная... Все такъ-же торчитъ на угольномъ домѣ скворечница, а на воротахъ вертится игрушечная мельница... Гуси ходятъ по лужку съ желтыми пушистыми гусенятами, а въ крапивѣ подъ заборомъ спитъ, вздрагивая ушами, свинья...

Николай улыбнулся: словно только вчера онъ видѣлъ и этихъ гусей, и эту свинью!..

Голубое, безоблачное небо опрокинулось надъ городкомъ, такое кроткое, ласковое и лѣтнее. Мотыльки высоко-высоко вьются въ небѣ, а черная галка, раскрывъ клювъ и ослабивъ крылья, сидитъ на длинномъ заборѣ.... Собака плетется чрезъ лужокъ, высуня языкъ, апатичная, безучастная, съ опущеннымъ хвостомъ. А вотъ и человѣкъ идетъ!.. Не торопится — тоже: пылить сапогами, смотреть въ землю и плюетъ шелухой подсолнечныхъ сѣмячекъ. Мальчишка съ большимъ животомъ и босыми ногами, подстегивая себя кнутикомъ, проскакалъ черезъ улицу верхомъ на палочкѣ, а другой, оставшійся у воротъ, заплакалъ. Должно быть, этотъ, съ большимъ

животомъ, отнялъ у него лошадку... Воробьи шумятъ въ кустахъ сирени въ палисадникѣ, суетятся, дерутся, торопятся и кричатъ, какъ торговки на базарѣ... Одинъ воробей вскочилъ на вѣтку, около самаго окна, и бокомъ, съ осторожнымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Николая. Потомъ зачирикалъ и улетѣлъ, и сейчасъ-же прилетѣли и сѣли на ту-же вѣточку два воробья... На подоконникѣ—тарелка съ коричневой бумагой, на которой нарисована одна большая муха въ серединѣ и очень много маленькихъ — вокругъ. На этой бумагѣ лежитъ вверхъ ножками одна настоящая мертвая муха... Отецъ съ ранней весны принимается воевать съ мухами. Онъ любитъ это занятіе. Навѣрно, и хлопунка есть гдѣ-нибудь. Да вонъ она! на стѣнѣ, надъ ломбернымъ столомъ. Все на томъ-же мѣстѣ, гдѣ висѣла когда-то давно...

Николай пристѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу, — и радость, которая шевельнулась въ сердцѣ юноши въ тотъ моментъ, когда шарабанъ съ грохотомъ подкатилъ къ родному домику съ палисадникомъ, вдругъ потускнѣла, затуманилась и исчезла. И Николаю сдѣлалось скучно. При видѣ этой улицы со скворечницей, гусями на лужкѣ и свиньей подъ заборомъ, онъ почувствовалъ себя одинокимъ въ этихъ чистенькихъ уютныхъ комнатахъ со „Свѣтомъ“, вязаной скатертью и хлопункой. Никому здѣсь не важно и даже не интересно, что дѣлается гдѣ-то тамъ, далеко, въ большихъ городахъ, гдѣ жизнь кипитъ, какъ вода въ котлѣ надъ огнемъ, и гдѣ казалось, что все, случившееся тамъ за послѣдніе мѣсяцы, полно глубокаго смысла и значенія для всѣхъ безъ исключенія людей... Теперь у Николая явилось такое ощущеніе, словно есть двѣ жизни, совершенно различныя, не имѣющія между собой ничего общаго и обреченныя на вѣчное непониманіе и разобщенность: одна тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, а другая здѣсь, и та жизнь

похожа на прочитанную сказку, а эта—самая настоящая, непреложная и неизмѣнная, какъ законъ природы.

— Ты вѣдь, Коленька, любишь рыбу?

Николай оглянулся: мать, полная хлопотливости и радости, стояла въ дверяхъ съ засученными рукавами.

— Рыбу?.. Ничего... все равно...

— Такъ я тебѣ рыбки обжарю... Карасей въ сметанѣ!..

Николай вспомнилъ сказку про „Золотую рыбку“, вспомнилъ, какъ, вернувшись домой, старикъ нашелъ опять старое, худое корыто. Должно быть, старикъ испытывалъ тогда нѣчто подобное, что испытываетъ теперь онъ, Николай...

— А куда иди-ка закуси! Ты раньше очень любишь эту штуку! — сказала мать, ставя на столъ шипящую сковородку.—Бунтари вы этакіе! Изъ-за чего бунтуете? чего хотите?..

Марья Тимофеевна не дождалась, что отвѣтитъ сынъ и, видимо, не интересовалась тѣмъ, „чего они хотятъ“, — она сейчасъ-же скрылась въ кухню, гдѣ потрескивало на огнѣ кипящее масло... Потомъ она принесла тарелку съ цѣлой горой хлѣба и посоветовала:

— Не спорь только, Коленька, съ отцомъ: посердится и перестанетъ. Ты соглашайся съ нимъ,—онъ старикъ, прожилъ много, а ты только на ноги поднимаешься. Жизнь-то прожить—не поле перейти!..

— А отецъ когда приходитъ?

— Все по-старому: въ три.

— Гдѣ онъ теперь служить?

— Все тамъ-же, въ опеку, засѣдателемъ... И жалованье все то-же... Не прибавили! Да и то слава Богу: онъ вѣдь ужъ старъ, совсѣмъ писать не можетъ: рука у него трясется...

— Трясется?—тревожно спросилъ Николай.

— Трясется, Коленька! Я тебѣ писала вѣдь: вродѣ

паралича съ нимъ было. Вотъ мы все надѣялись, что... Ну, да что ужь! Не воротись... Кушай, покуда не простыло!..

Николай ѣлъ вяло, по временамъ взглядывалъ на мать и думалъ о томъ, что она сильно постарѣла за эти два года, которые онъ пробылъ въ Кіевѣ: больше сѣдыхъ волосъ и углы рта опустились еще ниже, руки стали еще какъ будто костлявѣе, а спина согнулась еще больше.

Марья Тимофеевна тревожно посматривала на часы: она ждала Степана Никифоровича изъ опеки и волновалась отъ радости, страха и нетерпѣнія. Ей хотѣлось, чтобы Степанъ Никифоровичъ поскорѣе обрадовался приѣзду сына, но она боялась, какъ-бы отецъ сгоряча не обидѣлъ сына, а сынъ не сказалъ-бы чего-нибудь лишняго отцу, — и Марья Тимофеевна трепетала и отъ радости и отъ страха за то, какъ все это обойдется...

— Еще отцу сидѣть два часа въ опекѣ. Очень ужь у нихъ тамъ мухъ много. Раздражаютъ онѣ папашу, и онъ всегда приходитъ домой сердитый,— предупредила Марья Тимофеевна.

Николай тоже волновался. Онъ и желалъ поскорѣе увидѣть отца и тревожился, какъ-бы встрѣча съ нимъ не омрачилась упреками... А разговоръ неизбеженъ. Николай все-таки тревожился, непріятная робость копошилась въ его душѣ, — и онъ тоже посматривалъ на часы, стрѣлка которыхъ медленно подползала къ тремъ.

— Папаша идетъ!

Медленно и чинно шагая по лужку, приближался къ дому Степанъ Никифоровичъ. Николай узналъ его издалека по походкѣ, которая была чрезвычайно величе-

ственна. Видимо, Степанъ Никифоровичъ чувствовалъ себя въ родномъ городкѣ не маловажной персоной. На немъ была широкая люстриновая крылатка стального цвѣта, на головѣ—фуражка съ кокардой, въ рукѣ—масивный дождевой зонтикъ, а подъ мышкой—портфель.

— Что-то несетъ отецъ...

— Это — портфель! — ласково замѣтила мать. — Онъ всегда его носить съ собой. Иногда—пустой, а носить. И зонтикъ тоже: и безъ дождя беретъ... на всякій случай...

Когда Степанъ Никифоровичъ поровнялся съ гусями, и гусыня, вытянувъ впередъ шею, устремилась съ явнымъ намѣреніемъ ущипнуть за ногу Степана Никифоровича,—онъ пріостановился, поднялъ высоко голову и погрозилъ пальцемъ. И гусыня сейчасъ-же опустила шею, подобрала ее и, вздрагивая хвостомъ, вернулась къ гусенятамъ, а Степанъ Никифоровичъ чинно и важно послѣдовалъ дальше, размахивая крыльями своей широкой накидки.

Николай вышелъ за ворота.

Степанъ Никифоровичъ не торопился: онъ уже зналъ, что Колька пріѣхалъ: ему сказали объ этомъ въ опеку.

— А-а! пожаловалъ! — произнесъ онъ, слегка улыбнулся, но не прибавилъ шагу, продолжая идти съ прежнимъ величіемъ. Степану Никифоровичу казалось, что неумѣстно обнаруживать передъ провинившимся молодкосомъ ту радость, которая всколыхнулась въ родительскомъ сердцѣ при видѣ совершенно цѣлаго и невредимаго Кольки, того самаго Кольки, котораго онъ только наканунѣ видѣлъ во снѣ въ ужасномъ положеніи: будто-бы его приговорили къ разстрѣлу, и онъ прибѣжалъ домой проститься, растерзанный, блѣдный, съ запекшимися губами и почему-то босой...

— Здравствуй, отецъ!

— Здравствуй, братецъ!

Старикъ поцѣловалъ Кольку довольно холодно, крикнулъ и спросилъ:

— Давно пріѣхалъ?

— Сегодня утромъ.

— Очень радъ, очень радъ!—сказалъ Степанъ Никифоровичъ такимъ тономъ, какимъ онъ встрѣчалъ гостей.

На крыльцо выскочила Марья Тимофеевна. Она, по обыкновенію, пропустила важный моментъ: не видала, какъ произошла встрѣча отца съ сыномъ. Видя, что они идутъ молча, не глядя другъ на друга, Марья Тимофеевна начала смягчать положеніе дѣла:

— Слава Богу, папаша: вернулся-таки твой Колька! И напрасно ты испугался вчерашняго сна: живъ и здоровъ, а это—главное... Идите [обѣдать! Что, мухи тебя тамъ, папаша, заѣли?

Степанъ Никифоровичъ не отвѣтилъ на вопросъ о мухахъ: онъ отлично понималъ, что мухи тутъ больше для отвода глазъ. Съѣли за обѣдъ. Папаша ѣлъ серьезно, словно священнодѣйствовалъ, и съ какимъ-то благоговѣніемъ ломалъ хлѣбъ и опускалъ въ щи ложку. Только изрѣдка онъ задавалъ сыну краткіе вопросы:

— Выпустили?

— Да.

— Арестантомъ, значить, побылъ?

— Да.

— На поруки къ родителямъ, значить?

— Да.

Только послѣ щей старикъ началъ говорить пространнѣе.

— Что-же ты, братецъ, намѣренъ теперь дѣлать?

— Потомъ поступлю опять.

— Сначала, значить. Ну, а если опять выгонять? Опять сначала?

— Ну ужъ ты, папаша! Все сначала да сначала!.. Богъ дастъ, когда-нибудь и конецъ будетъ,— смягчила Марья Тимофеевна.

— Всему конецъ бываетъ: это, Марья Тимофеевна, законъ природы!—хмуро возразилъ Степанъ Никифоровичъ, отирая усы салфеткой.—Когда-нибудь и намъ съ тобой будетъ конецъ... Пожили, — умирать пора... За что-же, братецъ, тебя выгнали?

— За участіе въ безпорядкахъ.

— Такъ. Отмѣнно! Ну, а посадили за что?

— Такъ. Собственно, я и самъ не знаю...

— „Такъ“? Гм! Такъ ничего, братецъ, не бываетъ... Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши, плачемъ! Вотъ уже никакъ не ожидалъ отъ тебя, братецъ, такихъ художествъ!

— Художествъ? Странное понятіе!—промычалъ Николай и сталъ ерошить на головѣ волосы.

— А то какъ-же? Восемь лѣтъ въ гимназію платилъ, репетитора нанималъ, ранцы, книги, пеналы тамъ разные, сюртучки да брючки... Разсчитывалъ, что когда-нибудь все это мнѣ зачтется, а выходитъ, — на томъ свѣтѣ, братецъ, угольками!..

— Это ужъ, папаша, ты напрасно высчитывать сталъ,—вмѣшалась Марья Тимофеевна, видя, что разговоръ принимаетъ жесткій характеръ.—У всѣхъ есть дѣти и всѣ на нихъ тратятся. Безъ этого ужъ нельзя. Мальчикъ не виноватъ, что ему нужны сюртучокъ да брючки... Да и нехорошо оно какъ-то выходитъ... считать-то! Грѣхъ это!...

— Я это такъ, къ слову пришлось... Какіе тамъ счеты!—смущенно откашливаясь, возразилъ Степанъ Никифоровичъ.—Намъ съ тобой ничего не надо. Намъ съ тобой не долго жить осталось, — все равно, для насъ никакой корысти тутъ быть не можетъ. Я это такъ, къ

слову... Но только обидно, жалко и досадно! Хотѣлось поскорѣе на ноги поставить, въ люди вывести, хоть однимъ глазомъ увидѣть, что добился этого, а тамъ и лечь на покой... Ну, что-жь... видно, всякъ самъ своего счастья кузнецъ!..

— Счастье счастьемъ рознь, — тихо, съ хрипотой въ голосѣ произнесъ Николай. — Всякій понимаетъ счастье по своему и въ этомъ все несчастье... Другому честь дороже всякаго счастья...

— Велика честь, коли нечего ѣсть! — сердито, возвысивъ голосъ, отвѣтилъ Степанъ Никифоровичъ и началъ молиться послѣ обѣда.

— Гдѣ ужъ намъ понять? — сказалъ онъ, окончивъ молитву, — мы люди старые, отжившіе... На что мы годимся? Свалить насъ скорѣе въ могилу, какъ мусоръ — вотъ и все!

... Марья Тимофеевна моргнула старыми глазами Степану Никифоровичу и съ досадой махнула рукой.

— Ты, Коля, ничего не ѣль... съ разговорами-то вашими! — сказала она.

— Благодарю васъ, — сказалъ Николай.

— Не стой, братецъ! — со вздохомъ отвѣтилъ отецъ.

Николай взялъ фуражку.

— Ты куда-же, Коленка? — съ беспокойствомъ спросила мать.

— Пойду... пройдуся..

Когда Николай вышелъ на крыльцо, чрезъ раскрытыя окна слышался сердитый шопотъ объясняющихся стариковъ: Марья Тимофеевна говорила, что нельзя-же такъ сразу накидываться на мальчика, — какъ-ни какъ, а единственный сынъ! Надо пожалѣть ребенка! Онъ и самъ не радъ... А Степанъ Никифоровичъ упавшимъ тономъ повторять:

— Но что особеннаго я, матушка, сказалъ? Что особеннаго?

III.

Николай ушелъ за городъ. Грустно посвистывая, онъ медленно шагаль по дорогѣ, мимоходомъ срываль съ придорожныхъ березокъ молодые клейкіе листочки, мять ихъ въ рукѣ и о чемъ-то сосредоточенно думать. По временамъ онъ останавливался, окидываль взоромъ необъятное море зеленѣющихъ хлѣбовъ, синюю даль безконечной равнины, и опять въ душу его лилось безнадежное отчаяніе. Кругомъ было безмятежно тихо. Гдѣ-то въ поднебесьи заливался жаворонокъ. Бѣлыя тучки висѣли неподвижно въ недосыгаемой высотѣ... Въ кустахъ, по овражку, грустно куковала кукушка. Все жило своей жизнью и все, чѣмъ онъ жилъ тамъ, въ большомъ городѣ, что считаль самымъ важнымъ и значительнымъ въ жизни, здѣсь казалось случайнымъ, мимолетнымъ и непримѣнимымъ. Здѣсь главное—здоровье, и если здоровье въ порядкѣ, то задача жизни кажется вполне разрѣшенной. Остается смотрѣть на эту благодатную мирную картину зеленѣющихъ равнинъ, утопать душой въ созерцаніи этихъ безконечныхъ полей и кроткихъ небесъ и успокоиться: ничего не ждать, какъ ничего не ждутъ эти поля, это безстрастное небо, эти неподвижныя бѣлыя тучки. Все будетъ по старому: будутъ приходить зима и лѣто, поля и луга будутъ въ свое время зеленѣть или покрываться бѣлой скатертью глубокихъ сугробовъ, будутъ пѣть жаворонокъ или каркать воронъ на сухой соснѣ, скрипѣть по извивающимся проселочнымъ дорогамъ крестьянскія телѣги, по понедѣльникамъ на городской площади будутъ происходить базары, съ крикомъ, скрипомъ немазаныхъ колесъ, съ пьяными мужиками и слѣпыми нищими... И больше ничего не будетъ...

Однажды Николай запутался въ незнакомомъ городѣ. Шель-шелъ и думалъ, что идетъ все впередъ и что ушелъ очень далеко... И вдругъ, совершенно неожиданно для себя, увидаль, что пришелъ именно къ тому мѣсту, къ тому перекрестку, откуда вышелъ. Теперь случилось что-то похожее: какъ далека казалась эта безмятежная невозмутимая тишина! Николай даже сталъ забывать о ней, — воображая, что ушелъ навсегда. А теперь она вдругъ вернулась и молча смотритъ въ глаза и говорить:

— Ну, что-же теперь, братецъ, ты намѣренъ дѣлать?

Солнце садится... Кукуетъ въ лѣсу кукушка... Сколько тоски въ ея жалобной пѣснѣ! Она словно жалуется на то, что все идетъ, какъ шло сто лѣтъ тому назадъ и что не будетъ ничего новаго въ мѣрѣ...

„Буду ходить на рѣку, въ лѣсъ, въ луга... буду охотиться“ — думалъ Николай, повертывая обратно, къ городу...

Заходящее солнышко умильно играло на стеклахъ оконъ обывательскихъ домиковъ. Ребятишки звонко, какъ птицы, щебетали своими голосами, поглощенные игрой „въ ловилышки“, за воротами на лавочкѣ сидѣли, грызя сѣмячки, бабы, кормящія грудью младенцевъ. Чинно прошелъ черезъ дорогу, пыля массивными сапогами, хозяинъ мучной лавки въ длиннополомъ скюртукѣ съ засаленнымъ брюхомъ. Николай, взгляды-вался въ фізіономію улицы и узнавалъ дома, переулки, лужаечки и грязныя болотца, — словно вчера только видѣлъ все это...

— Наше вамъ почтеньице!

Николай посмотрѣлъ на приподнявшаго картузь парня въ жилеткѣ и вспомнилъ:

— Гаврила?

— Я! вспомнили?

— Какъ не вспомнить...

— Еще-бы! Поди вмѣстѣ когда-то въ лапту играли, на кулачкахъ дрались.

— Какъ поживаешь, Гаврила?

— Слава тебѣ, Господи! Дай Богъ всякому! Служу въ трахтерѣ, въ „Мадритѣ“! восемь цѣлковыхъ на всемъ на готовомъ! Какъ вы, Николай Степанычъ, свою жизнь устроили? Кончили ученье-то, али все еще маетесь?..

— Остановка вышла... на два года...

— Почему такое?—удивился Гаврила.

Николай хотѣлъ было рассказать, почему вышла остановка, но, взглянувъ на глуповато-самодовольное лицо жирнаго парня,—не рассказалъ.

— До свиданья, Гаврила!

— Счастливо оставаться, Николай Степанычъ! Можеть, когда къ намъ заглянете? Пивка бутылочку выпить, шарики на белибердѣ покатать? Полюбопытствуйте: у насъ порядочные господа бывають.

Гаврила приподнялъ картузь, улыбнулся во весь ротъ и довольно фамиллярно раскланялся съ пагавшимъ на другой сторонѣ улицы господиномъ въ чечунчевомъ пиджакѣ и чиновничьей фуражкѣ.

— Это нашъ контролеръ, Иванъ Петровичъ... Харрошій господинъ! — отрекомендовалъ Гаврила и закричалъ черезъ улицу:

— За вами должнокъ есть, Иванъ Петровичъ!

Николай посмотрѣлъ на этого господина внимательно и спросилъ Гаврилу:

— Это не Карягинъ?

— Онъ! Карягинъ!—радостно подтвердилъ Гаврила.

Карягинъ шель по деревянному скрипучему тротуару такъ вяло и апатично, словно ему давно уже надоѣло ходить и если онъ двигаетъ теперь ногами, то исключительно для того, чтобы не упасть... Николай зналъ

этого Карягина въ то время, когда былъ гимназистомъ шестого класса. Тогда Карягинъ былъ студентомъ и, пріѣхавъ лѣтомъ сюда на урокъ, служилъ предметомъ общаго вниманія и зависти молодыхъ людей. Карягинъ представлялся тогда Николаю счастливейшимъ человекомъ, самымъ умнымъ и интереснымъ въ городѣ. Онъ давалъ Николаю читать книжки и брошюрки и говорилъ, что думаетъ посвятить себя на служеніе какому-то святому дѣлу. Теперь Карягинъ обросъ бородой, ходилъ въ акцизной фуражкѣ, въ чечунчевомъ пиджакѣ и клѣтчатыхъ брюкахъ; растолстѣлъ и сдѣлался похожимъ на обыкновеннаго благодушнаго чиновника. Глаза его смотрѣли кротко и ласково, всѣ движенія округлились, плечи сдѣлались шире, и вся фигура получила законченность сытаго человека, которому некуда торопиться, который попалъ, наконецъ, на свою мертвую точку, любить поѣсть, крѣпко поспать послѣ обѣда, а потомъ за вечернимъ чаемъ почитать газетку и покалякать о конституціи...

— Иванъ Петровичъ!

Карягинъ посмотрѣлъ и привѣтливо улыбнулся Николаю, но съ тротуара не сошелъ, выжидая, когда молодой человекъ подойдетъ къ нему: онъ постарше...

— Пріѣхали?—спросилъ Карягинъ, подавая Николаю свою мягкую руку.

— Пріѣхалъ.

— Науку двигаете?

— Какое тамъ науку! не сошлись мы съ ней... характерами...

— Что такъ?

— У науки характеръ спокойный, а у меня...

— Сварливый, какъ у моей жены?—докончилъ Иванъ Петровичъ и засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ надъ собственной остроюю...

Николай объяснилъ, какъ онъ разошелся съ наукой, но никакого отклика со стороны Карягина не нашель.

— Напрасно, батенька! Ничего изъ этого не выйдетъ... Жаль молодежь... Что вы сдѣлаете съ нашимъ обществомъ? Его ничѣмъ, батенька, не пропибешь... Это—идіоты, эфиопы, микроцефалы!—пискливо говорилъ Карягинъ,—имъ бы только жрать, пить да спать!..

Карягинъ искренно возмущался обществомъ и находилъ, что для „такихъ свиней не стоитъ жертвовать худой подошвой, а не только карьерой“.

— Я, батенька, тоже кое-чѣмъ пожертвовалъ и теперь каюсь... Мои товарищи—коллежскіе совѣтники, а я всего губернской секретарь! Жарко сегодня!..

Карягинъ снялъ фуражку и погладилъ себя по гладкой головѣ. Потомъ онъ сообщилъ Николаю, что служить въ акцизѣ, по монополіи, что служить въ акцизѣ хорошо и что монополія имѣетъ громадную будущность. На прощанье онъ сказалъ: „захаживайте“, но сказалъ такимъ тономъ, въ которомъ звучало недосказанное: „а еще лучше, если не будете захаживать“.

— Вонъ красный домина!.. вродѣ университета! Это—наша монополія!—громко сказалъ Карягинъ, показывая пальцемъ куда-то черезъ улицу. — Всѣ тамъ будемъ!—сострилъ онъ и опять весело расхохотался надъ собственной остротою...

Они разошлись...

Стадо возвращалось съ пастбища; городокъ все болѣе наполнялся звуками: мычали коровы на разные голоса, блеяли овцы, телки кричали контральтомъ, а быкъ гудѣлъ октавой. Въ эти звѣриные голоса врѣзывались выкликанія женщинъ, протяжно и ласково призывавшихъ къ дому „красулекъ“ и „пестравокъ“; иногда длинный кнутъ пастуха, какъ змѣя окручивавшійся въ воздухѣ, стрѣлялъ словно пистолетъ, и сердитый го-

лось кричалъ: „тряхъ, проклятая!“ „Куда, куда? али ослѣпла?“ Надъ домиками висѣла золотая пыль... Если не считать базаровъ, это время было самымъ оживленнымъ въ городѣ...

IV.

Шли дни за днями. Прошла недѣля. Степача Никифоровича вызывали въ полицію и отобрали отъ него какую-то подписку. Велѣли еще, чтобы Николай тоже побывалъ здѣсь: „надо, чтобы онъ тоже въ чемъ-то росписался“. Степанъ Никифоровичъ былъ и у исправника. Это былъ полный добрый старикъ, который гордился тѣмъ, что его находили похожимъ на генерала Драгомірова. Исправникъ былъ крестнымъ отцомъ Николаю: онъ крестилъ его еще въ то время, когда былъ становымъ приставомъ. О чемъ говорилъ исправникъ со Степаномъ Никифоровичемъ, осталось тайной,—но съ этихъ поръ отецъ сдѣлался нѣсколько мягче и только время отъ времени повторялъ Николаю:

— Главное: веди себя поскромнѣе... Почему ты не сдѣлаешь визитъ крестному?.. Это—невѣжливо...

— Какъ-нибудь найду,—говорилъ Николай и не шелъ ни къ крестному, ни въ полицію, куда его просили уже нѣсколько разъ. Николай любилъ уединяться и иногда весь день бродилъ съ ружьемъ на рѣкѣ, въ лугахъ, или въ лѣсу...

Однажды вечеромъ онъ вернулся съ такой прогулки. Старики сидѣли въ палисадникѣ за самоваромъ. Отецъ, прихлебывая чай съ лимономъ, читалъ „Свѣтъ“, а мать штопала папашины носки. Лицо у отца было хмурое, недовольное, а у матери—виноватое, немного испуганное. Должно быть, опять они говорили о Николаѣ и поссорились. Мать налила стаканъ чаю и, подставляя его Николаю, участливо спросила:

— Гдѣ побываль?

— Шлялся,—отвѣтилъ Николай и, бросивъ фуражку на кусть сирени, подсеѣлъ къ столу.

— Отмѣнное занятіе! — промышчалъ Степанъ Никифоровичъ, не отрывая глазъ отъ „Свѣта“. Николай вспыхнулъ, но сдержался и на этотъ разъ, какъ онъ сдерживался очень часто. Они сидѣли за столомъ молча, и только Марья Тимофеевна обрывала томительное молчаніе отрывочными фразами: „не было бы дождя“, „на ужинъ окрошку сдѣлаю“...

Послѣ продолжительнаго молчанія отецъ положилъ въ сторону газету и сказалъ:

— Повѣстка изъ полиціи пришла! Я тебѣ десять разъ говорилъ: сходи, сходи! Дождался! Въ какое положеніе ты ставишь меня?

Николай началъ было говорить, что ничего особенно дурного не случилось, что повѣстка—дѣло обыкновенное, но старикъ вспылить и оборвалъ:

— Не учи! Я самъ понимаю!.. На меня и безъ того указываютъ всѣ пальцемъ, а ты продолжаешь свои фокусы!... Почему ты не сходишь къ крестному? Мнѣ стыдно, *мнѣ*, отцу твоему!...

— Пріятнаго аппетита!—прозвучалъ скрипучій старческій голосъ.

Въ листвѣхъ зелени, за оградой, торчала голова въ соломенной шляпѣ: это былъ казначей, Ардальонъ Михайловичъ Самоквасовъ, закадычный пріятель Степана Никифоровича.

— Чаекъ попиваете?—спросилъ онъ сладкимъ голоскомъ.

— Заходите! заходите!—привѣтливо крикнула Марья Тимофеевна, обрадовавшись чужому человѣку, который былъ теперь, по ея мнѣнію, очень кстати.

Скрипнула калитка, и въ палисадникъ вошелъ низ-

корослый кургузый старичокъ въ соломенной шляпѣ, всей фигурой, голосомъ и ухватками напоминающій водевильнаго дядюшку. Поздоровались. Отецъ отрекомендовалъ Николая:

— Нашъ социалистъ!

— Очень, очень пріятно, весьма радъ!—склонивъ голову, произнесъ Ардальонъ Михайлычъ.—Я васъ уже имѣлъ честь видѣть издали, но вблизи—въ первый разъ, въ первый!..

Подогрѣли самоваръ и снова начали пить чай. Начался обычный допросъ, какой дѣлалъ Николаю всякій приходившій къ старикамъ въ гости.

— На медицинскомъ, говорите?

— Да.

— На два года, говорите?

— Да.

— Жаль. Теперь, вѣроятно, каетесь?

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчала за Николая отецъ:

— Конечно! Но, какъ говорится, близокъ локоть, да не укусишь!

— Прискорбно. Чѣмъ же, собственно, вы были недовольны?

Николай затруднялся отвѣчать на такіе вопросы обывателямъ, которые спрашивали объ этомъ съ искреннимъ недоумѣніемъ.

— Да такъ... вообще...

— Они и сами не знаютъ!—сказалъ Степанъ Никифоровичъ и со злостью добавилъ:

— Выдрать-бы хорошенько, основательно!

Между стариками начался разговоръ о безпорядкахъ. Ардальонъ Михайлычъ высказывалъ свои политическія соображенія. Онъ страшно не любилъ Англій и готовъ былъ видѣть на каждомъ шагу ея „подлыя продѣлки“

Хотя прямо онъ не сказалъ, но косвенно намекнулъ на возможность участія и въ студенческихъ беспорядкахъ „иностраннаго вліянія“. Это показалось парадоксальнымъ даже Степану Никифоровичу, который относился къ казначею съ большимъ уваженіемъ за его „начитанность“.

— Это ужъ что-то того... мудрено, — замѣтилъ Степанъ Никифоровичъ.

— Черезъ жидовъ! Черезъ жидовъ она, подлая, дѣйствуетъ! — тоненькимъ голоскомъ воскликнулъ Ардальонъ Михайловичъ.

— Ага! — протянулъ Степанъ Никифоровичъ.

— А то какъ-же? Черезъ жидовъ!

— Ну, это—другое дѣло... Возможно, возможно! — согласился Степанъ Никифоровичъ.

Потомъ старики начали говорить, какъ поправить дѣло. Ардальонъ Михайлычъ и этотъ вопросъ разрѣшилъ очень просто:

— А исправникъ? Крестный онъ, или нѣтъ? Да ему стоитъ только захотѣть... Онъ—родственникъ генерала Драгомірова!

— Нѣтъ! Онъ похожъ на него только, но не родственникъ!

— А я вамъ говорю: родственникъ! Я это отлично знаю... Пусть сходить къ исправнику, попросить хорошенько... И самому тебѣ, Степанъ Никифоровичъ, надо сходить...

— Я ходилъ! Я ему сто разъ говорилъ: сходи къ крестному! Такъ гдѣ тутъ! Пойдетъ онъ просить... Гордости у него больше, чѣмъ у генерала!

Начался одинъ изъ обычныхъ монологовъ, которыхъ такъ боялись Николай и Марья Тимофеевна, потому что во время этихъ монологовъ чувствовалось невыносимо скверно и, казалось, что вотъ-вотъ что-то порвется и произойдетъ семейная катастрофа.

— Я старикъ...У меня трясется рука! Извольте взглянуть! Смотри и ты, герой!—крикнулъ Степанъ Никифоровичъ и протянулъ руку, которая дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Но героя не было: онъ незамѣтно вышелъ изъ палисадника и отправился шляться. Онъ шлялся до самой ночи и ему не хотѣлось возвращаться домой. Замѣтивъ чрезъ щель въ ставнѣ огонь въ „Мадритѣ“, Николай постучалъ палкой въ окно. Дверь пріотворилась, и вымянула сонная фizioномія Гаврилы.

— Пусти меня, Гаврила!

— Съ удовольствіемъ.

— Дай мнѣ пива!

— Пожалуйте!

Николай долго сидѣлъ въ „Мадритѣ“ одинъ передъ бутылкой пива и, подперевъ рукою голову, думалъ о томъ, что ему теперь дѣлать... Отъ этихъ думъ дѣлалось тяжело и онъ потихоньку тоскливо вытягивалъ:

„Эхъ, тоска, братцы-товарищи, въ грудь запала глубоко“...

— Гаврила, дай-ка еще бутылочку!

Онъ пилъ, и тоскливыя думы сторонились и давали дорогу хорошимъ воспоминаніямъ. И эти воспоминанія все росли и росли, и боль на душѣ затихала. Исчезъ, позабылся родной городокъ, Николай пересталъ слышать сухой трескъ бильярдныхъ шаровъ въ сосѣдней комнатѣ, пересталъ видѣть грязный полъ и стѣны трактира. Передъ Николаемъ вставалъ Кіевъ, блистающій электрическими огнями, кипащій народомъ, полный свѣта, шума, смѣха, музыки, пѣсенъ и нервныхъ звонковъ...

Лицо Николая просвѣтлѣло, по губамъ его скользнула улыбка,— и онъ спросилъ дремавшаго [за стойкой Гаврилу:

— Ты никогда не бывалъ въ Кіевѣ?

— Не доводилось!—сонно отвѣтить Гаврила и послѣ нѣкотораго раздумья съ одушевленіемъ спросилъ:

— Чай, тамъ сколько этихъ трактеровъ, портерныхъ?!...

Николай громко расхохотался и, махнувъ рукой, взялся за фуражку.

— Получи за пиво!

Была ночь лунная, тихая, задумчивая. Городокъ, весь залитый луннымъ сіяніемъ, казался такимъ миниатюрнымъ, игрушечнымъ. На колокольнѣ били часы, и звукъ колокола, меланхолическій, задумчивый, падалъ сверху и медленно расплывался въ серебристыхъ лучахъ луннаго свѣта. Николай шелъ домой, не торопясь,—и шаги его по деревяннымъ тротуарамъ звучали громко и разносились по мертвой улицѣ. Николай шелъ-шелъ, потомъ пріостановился, посмотрѣлъ въ звѣздное небо и вдругъ громко запѣлъ „марсельезу“. Изъ-подъ воротень хриплымъ басомъ залаяла простудившаяся собака,—и Николай оборвалъ пѣніе. Собака смолкла, и опять все стихло,—и только шаги Николая какъ-то дерзко врываются въ кроткую тишину задумчивой звѣздной ночи...

V.

Долго не спалось Николаю въ эту ночь. Онъ лежалъ въ залѣ на диванѣ и вспоминалъ все, что случилось съ нимъ въ Кіевѣ. Одно воспоминаніе особенно ярко вставало въ его душѣ и смутно тревожило тоской и радостью... Однажды, когда Николай сидѣлъ въ тюрьмѣ и дни казались ему цѣлыми годами, когда онъ долго, безконечно долго, видѣлъ только голыя сѣрыя стѣны своей одинокой камеры, кусочекъ тюремнаго двора, обнесеннаго высокой каменной оградой, да ключокъ синяго весенняго неба, когда онъ чувствовалъ себя вѣми забытымъ, одинокимъ, заживо похороненнымъ въ каменномъ

гробу, — дверь камеры раскрылась, и надзиратель ска-
заль:

— На свиданіе!

Сказаль и ушель. Остался дядька съ шашкой и ре-
вольверомъ.

— Пожалуйте!—сказаль дядька.

Николай накинულъ на плечи шинель, набросиль на
затылокъ фуражку и пошель слѣдомъ за дядькой. Они
шли длиннымъ сумрачнымъ корридоромъ съ симметрично
расположенными дверями камеръ, и Николай думаль о
томъ, что здѣсь похоже на звѣринецъ: двери занумеро-
ваны и за каждой дверью—клетка со звѣремъ... Кто-же
могъ прійти къ Николаю? Неужели пріѣхала мать? Этого не
можетъ быть: она до сихъ поръ не знаетъ, что его по-
садили. Кто-нибудь изъ товарищей? Нѣтъ. Товарищи
либо тоже сидятъ, либо разосланы... да и не пустять
товарища!.. Некому.

— Кто пришель?—спросиль Николай дядьку.

Дядька пропустиль Николая впередъ, а самъ пошель
сзади и ничего не отвѣтилъ. Николай повториль во-
просъ.

— Нельзя намъ говорить съ вами.

— Можетъ быть, это—ошибка? Не ко мнѣ?

Дядька осмотрѣлся вокругъ и тихо сказалъ:

— Невѣста ваша!

... Невѣста? Николай на мгновеніе пріостановилъ и
глубоко вздохнулъ. Сердце у него сжалось и ему захо-
тѣлось громко на всю тюрьму смѣяться...

— Идите, идите!

Николай зналь, что только очень близкіе люди до-
пускаются на свиданіе, а изъ „постороннихъ“ одна не-
вѣста можетъ повидаться иногда съ женихомъ. Стало-
быть, онъ—женихъ... Женихъ! Какое это странное, смѣш-
ное слово! Николай шель, улыбался, глаза его искри-

лись отъ счастья и волненія, и сердце дрожало все сильнѣе. Кто-же она, моя невѣста?—думаль Николай и быстро шагаль впереди дядьки, который побрякиваль за его спиной пашкою и револьверомъ. Николая ввелъ въ маленькій чуланчикъ; въ этомъ чуланчикѣ было одно квадратное окно, которое выходило въ мрачную желтую комнату. Въ этомъ окнѣ не было стеколь; вмѣсто стеколь была двойная мѣдная рѣшетка, частая, похожая на сито. И черезъ это сито Николай увидаль дѣвушку въ весеннемъ костюмѣ, въ соломенной шляпкѣ съ васильками.

— Здравствуй!—сказала эта дѣвушка и, привѣтливо улыбаясь Николаю, закачала своей головой.

Около дѣвушки стояль усатый унтеръ-офицеръ и, переминаясь съ ноги на ногу, мелодично позваниваль шпорами.

— Здравствуй,—отвѣтилъ Николай, и они уставились другъ на друга.

— Не хандришь?

— Ничего.

Николай вглядывался въ лицо дѣвушки и старался дрипомнить, не встрѣчался-ли когда-нибудь съ нею раньше. Лицо дѣвушки было закрыто легкой голубоватой вуалью, и частая рѣшетка пестрила его своей сѣткою. Можетъ быть, поэтому онъ не можетъ узнать...

— Сними вуаль!—потупившись, попросиль Николай.

— Изволь!

Унтеръ-офицеръ насторожился. Онъ всякій разъ, когда дѣвушка шевелила руками,—брякаль шпорами и кашляль, давая этимъ понять, что онъ все видитъ и все слышитъ. Дѣвушка подняла вуалетку, и Николай обогляди два веселыхъ карихъ глаза. Милое лицо! Николай вспыхнулъ и опять опустилъ глаза... Нѣтъ! Ея онъ никогда раньше не видаль!..

— Ты, навѣрно, забылъ уже свою Галю!

— Нѣтъ,—глухо отвѣтилъ Николай и улыбнулся. Дѣвушка звонко расхохоталась; ея зубы сверкнули черезъ рѣшетку, и глаза сдѣлались такими большими и странными... Унтеръ-офицеръ звякнулъ шпорами и сказалъ:

— Позвольте просить потише!

— Вотъ тебѣ разъ! Неужели я не могу смѣяться!?!—задорно спросила дѣвушка.

— Смѣяться здѣсь громко не дозволяется.

— А плакать? Ты никогда здѣсь не смѣешься?—обратилась она къ Николаю.

— Не хочется здѣсь ни смѣяться, ни плакать...

Они помолчали, потомъ Николай спросилъ:

— Должно быть, хорошо теперь на волѣ?

Галя заговорила быстро, торопливо о томъ, что весна пришла, Днѣпръ разлился широко-широко, прилетѣли аисты, распускается акація, звѣзды сдѣлались большими-большими и свѣтять такъ ярко, словно стали ближе къ землѣ, и все сильнѣе пахнетъ цвѣтами...

— Въ слѣдующій разъ я принесу тебѣ цвѣтовъ... Ты любишь фіалки?

— Я поставлю ихъ у себя въ камерѣ и буду вспоминать... васъ!—дрожащимъ голосомъ произнесъ Николай, посмотрѣлъ пристально въ лицо дѣвушки и покраснѣлъ... Милое лицо!..

— Ты не грусти! Я буду приходить къ тебѣ каждую субботу.

Они посмотрѣли другъ на друга и потупились. А потомъ часы пробили „два“,—и свиданье кончилось.

— Пожалуйте!—сказалъ дядька, отворяя дверь чуланчика.

— Прощай! не грусти! Гдѣ бы ты ни былъ, помни, что у тебя есть друзья!—звонко крикнула Галя и, привѣтливо улыбаясь, опять стала кивать ему головой ча-

сто-часто... Николай грустно улыбнулся, кивнулъ головою и пошелъ за дядькой. На рѣсницахъ Николая дрожали слезинки и на душѣ было такъ хорошо, что хотѣлось расплакаться отъ радости и счастія. И когда онъ вошелъ въ свою одинокую келью, а желѣзный засовъ лягнулъ у него за спиной,—онъ громко заплѣлъ хохлацкую пѣсню: „Буду до тебя ходити, буду тебя любить!“

— Пѣть и плясать здѣсь не дозволяется,—проговорилъ чей-то строгій голосъ. Этотъ голосъ проникъ въ камеру черезъ маленькое отверстіе въ двери, и казалось, что это дверь заговорила вдругъ человѣческимъ голосомъ. Николай оборвалъ пѣсню и спросилъ:

— А любить здѣсь дозволяется?

Отвѣта не было.

— А чувствовать я могу?

Отвѣта не было.

И весь этотъ день Николай былъ странно веселъ и, казалось, не хотѣлъ знать, что онъ въ тюрьмѣ. То онъ мурлыкалъ пѣсенку, то съ поднятой головою ходилъ, какъ звѣрь въ клеткѣ, по камерѣ и кому-то грозилъ кулаками, то, какъ школьникъ, подпрыгивалъ на мѣстѣ; пробовалъ даже танцовать.

„Вотъ ты и погляди на него! словно именинникъ!“—думалъ дежурный по корридору, тайно заглядывая въ маленькую дырочку.

Наступилъ вечеръ. Была суббота. Загудѣли колокола далекихъ городскихъ церквей. Въ гулкомъ весеннемъ воздухѣ эта музыка перекликающихся колоколовъ звучала съ грустной торжественностью, навѣвая на душу тихое раздумье и тревожа смутныя позабытыя воспоминанія дѣтства. Николай притихъ, пропала веселость, и грусть полилась въ душу, тихая такая и сладкая... Онъ раскрылъ фортку и сталъ слушать звонъ колоколовъ и

смотреть на клочок синяго неба. На тюремной стѣнѣ играли розоватые блики солнечнаго заката, а на синемъ небѣ изрѣдка вырисовывались и пропадали силуэты пролетавшихъ голубей: розоватые блики будили въ душѣ грусть, а пролетавшія птицы—щемили сердце, напоминая о волѣ...

Ночь была теплая, совсѣмъ весенняя. На клочкѣ синяго неба ярко горѣла звѣзда и, казалось, смотрѣла прямо въ окно камеры. Откуда-то, должно быть, изъ квартиры тюремнаго зрителя, прилетали съ попутнымъ вѣтеркомъ обрывки музыки, и гдѣ-то совсѣмъ близко, за тюремной оградой, щелкалъ соловей... Тоска щемила сердце все сильнѣе и хотѣлось кому-нибудь рассказать про эту тоску...

... Кто она, эта милая Галя?...

Захотѣлось писать стихи. Николай взялъ обожженую спичку и сталъ ею царапать на сѣрой стѣнѣ:

Ярко блещутъ звѣзды въ синевѣ небесной,
 Черезъ окно струится ароматъ весны,
 Надъ землей уснувшей роємъ безгѣлеснымъ
 Носятся на крыльяхъ феи грезъ и сны...

Защелкавъ соловей, донесся чей-то задорный смѣхъ, пахнуло въ форточку распускающейся акаціей. Николай поспѣшно стеръ рукавомъ тужурки все, что написалъ, и, бросившись въ кровать, тихо заплакалъ горячими слезами...

... Кто она, эта милая Галя?...

Всю недѣлю Николай ждалъ субботы и ему казалось, что эта суббота никогда не придетъ. Теперь онъ жилъ этой субботой и съ утра до ночи думалъ о ней... По ночамъ онъ спалъ тревожно и, поминутно просыпаясь, вспоминалъ о субботѣ и соображалъ, сколько дней еще осталось ждать. Наконецъ, пришла эта суббота. День былъ пасмурный, небо сѣрое, моросилъ мелкій дождикъ.

Но Николай не замѣчалъ этого. Онъ то и дѣло настораживался и прислушивался къ каждому стуку, къ каждому шороху за дверью камеры. Принесли обѣдъ.

— А на свиданіе?

Ему не отвѣтили. Онъ не притронулся къ обѣду и все ждалъ, ждалъ... Онъ звонилъ, спрашивалъ дежурнаго по корридору: „что-же, на свиданіе?“ но ему не отвѣчали. Уголовные арестанты заплѣли хоромъ молитву передъ ужиномъ,—значить, не придетъ... Послѣ ужина надзиратель, дѣлая повѣрку, заглянулъ въ камеру Николая и подаль ему растрепанный букетъ фіалокъ. Николай вздрогнулъ, покраснѣлъ, почти вырвалъ цвѣты изъ рукъ надзирателя и спросилъ съ ноткой отчаянія въ голосѣ:

— А свиданіе?

Надзиратель ухмыльнулся и вышелъ. И когда дверь камеры захлопнулась, Николай услышалъ голосъ за дверью:

— Всѣ вы тутъ женихи!..

Николай смотрѣлъ на цвѣты и думалъ о томъ, что эти цвѣты были недавно въ рукахъ Галя, и отъ этого фіалки казались какими-то особенными, необыкновенными фіалками... Николай припадалъ лицомъ къ нѣжнымъ лепесткамъ и дышалъ ароматомъ, отъ котораго вѣяло весной и волей. Онъ, какъ ребенокъ, нянчился съ этими цвѣтами, стараясь поддерживать въ нихъ жизнь. Но цвѣты быстро тускнѣли и блекли, — смерть шла къ нимъ быстро и не было силъ остановить ее. Цвѣты погибли. Осталась только одна фіалка, которую Николай положилъ въ книгу. Раскрывая книгу, Николай вперялся взоромъ въ засохшій цвѣтокъ и думалъ: „кто она, моя милая Галя“?..

VI.

Николай проснулся отъ какого-то страннаго шопота. Этотъ шопотъ, казалось, наполнялъ собою весь маленькій

домикъ и неприятно беспокоилъ тихое весеннее утро. Что это такое? Николай насторожился, прислушался и вспомнилъ: это отецъ молится Богу. Шопотъ то стихаль, то усиливался и тогда становился какимъ-то сердитымъ; порой было слышно, какъ стучали старья кости ногъ, сгибаемыхъ для колѣнопреклоненія, и какъ лысый лобъ старика касался пола. Степанъ Никифоровичъ молился объ упокоеніи и о здравіи безчисленныхъ родственниковъ.

— И заблудшаго сына ихъ, раба Твоего, Николая, — со вздохомъ прошепталь старикъ и, вставъ съ полу, началъ отряхать рукою свои брюки.

— Вставай! сегодня тебѣ въ полицію! — строго сказаль онъ, проходя мимо.

— Хорошо.

— Не „хорошо“, а пора встать, умыться, помолиться Богу и идти въ полицію!

Старикъ поднялъ шторы съ буфами и отворилъ окно въ палисадникъ. Ласковое утро пахнуло въ комнату свѣжестью, зеленью, щебетаніемъ птицъ, солнечнымъ свѣтомъ. Слышно было, какъ мать въ палисадникѣ пугаетъ обступившихъ ее курицъ и какъ она брячить чайной посудой. Гдѣ-то глухо ворковали голуби, и шумно дрались воробьи. Николай не шевелился. Онъ закрылъ глаза и старался вспомнить, что онъ видѣлъ во снѣ. Что-то хорошее, яркое, какъ это раннее утро, отъ чего сердце пріятно сжималось и хотѣлось смѣяться. Ахъ, да! Приходила во снѣ Галя въ легкомъ бѣломъ платѣѣ, въ соломенной шляпкѣ съ васильками и, наклонившись надъ изголовьемъ, о чемъ-то шептала ему на ухо... О чемъ она шептала? Забылось...

— Вставай! Тебѣ надо въ полицію! — ласково сказала Марья Тимофеевна въ раскрытое окно. Николай вздрогнулъ, и думы о Галѣ испугались и улетѣли, какъ

птицы, которыхъ спугнула старуха, пролѣзая межъ кустовъ сирени къ окошку.

— Слышишь? тебѣ надо въ полицію!..

— Слышу!—раздраженно отвѣтилъ Николай.

Съ нѣкотораго времени самое слово „полиція“ приводило Николая въ нервное возбужденіе; такое-же дѣйствіе производило на Николая теперь и слово „крестный“, которое странно сплелось въ головѣ Николая съ „полиціей“. Николай съ досадой одѣвался, съ досадой плескался около умывальника, съ досадой причесывался, безжалостно выдирая изъ головы упиравшіеся волоса, и вышелъ въ палисадникъ въ скверномъ расположеніи духа. Пили чай молча. Мать подставляла Николаю сливки, сдобныя лепешки, клала въ стаканъ очень много сахара,—вообще, проявляла особенное вниманіе. Старуха придавала очень большое значеніе тому, что Николай сейчасъ пойдетъ въ полицію; ей это дѣло представлялось очень большимъ и труднымъ, пугало и вмѣстѣ радовало, будя въ душѣ какія-то смутныя надежды. „Дай тебѣ Богъ!“—мысленно говорила старуха, подставляя сдобныя лепешки Николаю, и смотрѣла на сына съ такой любовью и жалостью, словно провожала его на опасный подвигъ... Степанъ Никифоровичъ не смотрѣлъ на сына и угрюмо морщился и покрывалъ; раскалывая щипцами сахаръ, онъ собиралъ со скатерти сахарныя крошки себѣ въ ладонь и сыпалъ ихъ въ стаканъ, — и отъ этого Николаю было какъ-то неловко пить и ѣсть, словно его молча упрекали кто-то въ дармоѣдствѣ.

— Не мѣшало-бы обстричь пейсы,—съ помощникомъ исправника будешь говорить! И пожалуйста будь тамъ повѣжливѣе и не порти здѣсь моихъ отношеній съ порядочными людьми! — строго произнесъ старикъ, уходя на службу.

Когда онъ ушелъ, Марья Тимофеевна стала говорить громче, а у Николая увеличился аппетитъ.

— Гдѣ ты вчера пропадалъ?—спросила мать.—Ужъ мы ждали-ждали... Не знали, что и подумать... Хотя въ полицію заявляй!

Николай покраснѣлъ и бросилъ чай.

— Полиція, полиція... На каждомъ шагу у васъ полиція!.. Чаю не дадите напиться безъ полиціи!..

— Да вѣдь какъ-же, Коленька? Безпокоились: на поруки ты намъ отданъ. Не вышло бы неприятности для папаша...

— Хорошо! хорошо!

— Тебѣ куда нельзя уходить надолго: подписку съ папаша взяли...

— Не уйду! Некуда тутъ уйти!

— То-то и есть! А вечеромъ за тобой отъ Карягина присылали... Переписка есть: отчеты какіе-то...

Николай молчалъ, а мать начала очень подробно говорить о Карягиныхъ.

— Кончилъ ученье, получилъ хорошее мѣсто, нашелъ невѣсту, женился,—все какъ слѣдуетъ,—со вздохомъ говорила она и грустно смотрѣла на сына.

— Я тоже нашелъ себѣ невѣсту! — съ иронической улыбкой сказалъ Николай.

— Кто-же она такая?—недовѣрчиво спросила мать.

— Не знаю...

— Вотъ тебѣ и разъ! Изъ дворянокъ или изъ купческаго званія?..

— Не знаю...

— Фамилія-то какъ?

— Не знаю...

Марья Тимофеевна засмѣялась.

— Дѣвокъ-то много, всѣ онѣ невѣсты... Да теперь никто не пойдетъ за тебя, Коленька...

— Пойдетъ! Она — пойдетъ...

— Развѣ какая-нибудь отчаянная... Эхъ ты! Кончили-бы курсъ, поступилъ-бы на хорошее мѣсто, взялъ-бы приличную дѣвушку... Счастье-то свое потерялъ, Коленка!

— Будетъ вамъ причитать! И такъ тошно! — отмахиваясь отъ мухъ, сказалъ Николай.

— Не сердись, я правду говорю. Тебя жалко! — слезливо прошептала мать.

— Не жалѣйте... У меня своя правда...

Когда Николай шелъ въ полицію, мать стояла у калитки и крестила спину сына. „Помоги тебѣ Богъ!“ — шептала она.

На соборной площади стоялъ старый, выкрашенный охрою домъ, надъ крышей котораго высилась несуразная каланча, увѣнчанная похожимъ на ухватъ шпилемъ; на широкомъ крыльцѣ этого дома всегда сидѣли мужики въ лаптяхъ и бабы въ платочкахъ, и позы этихъ людей напоминали о безконечномъ терпѣніи. Когда Николай увидалъ этотъ унылый домъ, — ему вспомнился „крестный“, вспомнились всѣ монологи отца и вздохи и жалостливые взгляды матери, и вся тоска одиночества снова встала передъ юношей и, казалось, уперлась въ этотъ старый желтый домъ, къ которому со всѣхъ сторонъ бѣжали по лужку тропинки, и который казался Николаю какимъ-то роковымъ домомъ изъ страшной прочитанной когда-то въ дѣтствѣ сказки... Когда Николай входилъ на крыльцо, сидѣвшіе здѣсь крестьяне, изъ почтенія къ свѣтлымъ пуговицамъ студенческой тужурки, встали, мужики сняли шапки, а бабы начали кивать головами, послышался плачь грудного ребенка и заунывный припѣвъ: „а-а-а!“ кто-то прошептала „о Господи, милостивый!“ и въ этомъ шопотѣ была дѣлая бездна тоски и смиренія... Въ широкихъ полутемныхъ сѣняхъ пахло

плѣсенью и мышами; здѣсь на полу сидѣли бабы, а около бабъ вертѣлся будочникъ, молодцовато крутилъ усь и шутилъ съ молодухами... Николай спросилъ, чего ждать весь этотъ народъ, и нѣсколько голосовъ, мужскихъ и женскихъ, съ тоской и мольбой отвѣтили ему:

— Свидѣтели мы, родимый! свидѣтели!

И въ этихъ торопливыхъ отвѣтахъ явно зазвучала надежда: быть можетъ, этотъ господинъ со свѣтлыми пуговицами можетъ что-нибудь сдѣлать для томящихся свидѣтелей.

Николай прошелъ наверхъ. Въ передней стоялъ будочникъ, который спросилъ: „кого надо“? Пришлось ждать въ пріемной для чистой публики. Николай сидѣлъ на желтомъ липовомъ диванѣ и прислушивался къ голосамъ жизни желтаго дома: доносился скрипъ перьевъ, изрѣдка слышались шаги на цыпочкахъ, перешоптываніе, шелестъ бумаги,—и все это вызывало потяготу, позѣвоту и сонливость... Николаю казалось, что жизнь изъ его тѣла постепенно уходитъ, тускнѣетъ мысль, исчезаетъ способность говорить и двигаться, и что съ нимъ совершается сказочное превращеніе въ какой-нибудь неодушевленный предметъ...

— Войдите!

Николай раскрылъ глаза: будочникъ трогалъ его за рукавъ и махалъ рукой на дверь, куда слѣдовало идти. Николай всталъ, но не сразу опомнился: въ головѣ гудѣлъ какой-то звонъ, одна нога одеревенѣла и отказывалась повиноваться...

— Отсидѣли ножку-то!—шопотомъ сказалъ будочникъ и еще разъ показалъ на дверь. Николай вошелъ въ большую сѣрую комнату съ нѣсколькими столами, за которыми сидѣли сѣрые люди и писали. Одинъ столъ былъ лучше другихъ, и человекъ за этимъ столомъ

чувствовалъ себя непринужденнѣе, чѣмъ всѣ другіе. Очевидно, это и есть секретарь.

— Вы секретарь?

— Я!—съ гордостью подтвердилъ этотъ человекъ.— Пожалуйста! Прошу присѣсть... Вы — сынокъ Степана Никифоровича?

— Сынъ.

— Очень пріятно. На поруки, значить, къ родителямъ?.. Мы со Степаномъ Никифоровичемъ большіе пріятели. Не угодно-ли папирочку?.. Проходное свидѣтельство останется у насъ, а вы потрудитесь прочитать вотъ эти узаконенія и дать намъ подписочку... Это такъ, для проформы...—виновато улыбаясь, говорилъ секретарь.

Николай прочиталъ „правила“: воспрещается выѣзжать изъ города, воспрещается заниматься уроками, воспрещается состоять въ различныхъ обществахъ, участвовать въ спектакляхъ воспрещается... Было очень много параграфовъ и каждый начинался словомъ: „воспрещается“...

— Все это только на бумагѣ! страшно, а въ жизни съ нами случается страшнѣе этого!—какъ бы извиняясь и успокоивая, сказалъ секретарь и предупредительно подаль Николаю обмакнутое въ чернила перо. Николай подписалъ, а секретарь сейчасъ же пристукнулъ подпись прессомъ и облегченно сказалъ:

— Вотъ и все!

Позади Николая шептались и, когда онъ оглянулся, то увидалъ, что всѣ сѣрые люди смотрятъ на него любопытно-удивленными глазами...

— Если не ошибаюсь, нашъ исправникъ — вашъ крестный папаша?

— Папаша! папаша!

— Не были у нихъ?

— Нѣтъ...

— Вы попросите крестнаго, чтобы намъ не посылать къ вамъ на квартиру надзирателя... Лучше сами будете заходить къ намъ разъ въ недѣлю... Посидимъ, поболтаемъ, покуримъ... Все это такъ, для проформы...

Николай чувствовалъ, какъ въ его душѣ осѣдаетъ копотъ отъ этихъ сѣрыхъ стѣнъ, шопота, шелеста и отъ этихъ людей, на лицахъ которыхъ застыла смѣсь угодливости со злостью. Ему было душно и хотѣлось поскорѣе выйти на свѣжій воздухъ. Но пришелъ какой-то прилизанный человѣкъ въ пиджачкѣ съ короткими рукавами и сообщилъ, что помощникъ исправника требуетъ студента въ кабинетъ. Николай вспыхнулъ: его неприятно кольнуло слово „требуется“.

— Зачѣмъ ему?

— Приказали... Я не знаю...

— Надо зйти...—вздыхнувъ, прошепталъ секретарь,— порядокъ такой...

Николай закурилъ папиросу и пошелъ сердитой походкой слѣдомъ за прилизаннымъ господиномъ... Они шли длиннымъ корридормъ, въ которомъ опять пахло мышами, а прилизанный человѣкъ говорилъ:

— У насъ очень много мышей... Въ прошломъ году послѣ масляницы мыши съѣли у насъ одно очень важное дѣло... Руки масляныя... Блины, конечно... бумаги пахнутъ масломъ... Все дѣло съѣли, остались только обложка и корешки...

— Должно быть, у васъ бываютъ очень вкусныя дѣла!..—иронически бросилъ Николай.

Они вошли въ большой залъ, посреди котораго стоялъ длинный столъ, покрытый краснымъ, обшитымъ по краю золотою мишурой сукномъ.

— Присутствіе!—таинственно произнесъ прилизанный человѣкъ.—Папиросочку надо бросить...

— Сейчас докурю...

Николай приостановился и изо всёхъ силъ втягиваль дымъ въ легкія и выпускаль черезъ носъ, а прилизанный человѣкъ повторяль: „нельзя здѣсь... неудобно“, — и разгоняль табачныя облака носовымъ платкомъ. Николай бросиль окурокъ на полъ, прилизанный человѣкъ проворно подобралъ его и, затрудняясь куда дѣтъ, положиль, наконецъ, въ карманъ своей жилетки; затѣмъ онъ подошелъ на цыпочкахъ къ двери, послушалъ ухомъ, робко пріоткрыль дверь и ласково такъ сказалъ:

— Они пришли.

— Прощу! — пробасиль голосъ за дверью.

— Пожалуйте! — ласково попросиль прилизанный человѣкъ, раскрывъ пошире дверь и давая дорогу Николаю.

Николай вошелъ. Помощникъ исправника сидѣль за письменнымъ столомъ, углубленный въ чтеніе. Онъ молча показаль Николаю на стуль, а самъ продолжалъ читать, сопровождая чтеніе глубокомысленнымъ мычаніемъ. Помощникъ исправника мычалъ, а Николай злобно смотрѣль на него и сдерживался, чтобы не крикнуть: „что вамъ отъ меня надо“? Наконецъ, мычаніе кончилось, помощникъ исправника отложилъ въ сторону бумаги, погладилъ бакенбарды и спросиль:

— Вы сыночекъ Степана Никифоровича?

— Да.

— Ай-ай-ай! — помощникъ исправника укоризненно покачалъ головой. — Что вы тамъ натворили? — спросиль онъ, потомъ всталъ, плотно притвориль дверь и опять сѣлъ. Николай смотрѣль въ сторону и молчалъ.

— Чего вы собственно хотите? а? равенства? Но этого, молодой человѣкъ, не можетъ быть!.. Вы вотъ худой и тоненькій, а я плотный. Одинъ любить арбузь, а другой свиной хрящикъ. Одинъ человѣкъ способенъ отъ при-

роды, а другой бываетъ глушь. Сама-съ природа, молодой человѣкъ, сама не хочетъ, а вы...

— Я ничего не хочу.

— Я вамъ долженъ сказать, что не слѣдовало слушать смутьяновъ, которые болтаютъ объ этомъ равенствѣ... Никакого равенства никогда на свѣтѣ не было, нѣтъ и не будетъ, молодой человѣкъ... Я очень люблю вашего батюшку и говорю все это вамъ не какъ помощникъ исправника, а какъ расположенный къ вамъ человѣкъ, пожившій, опытный человѣкъ. Вы думаете, что я никогда не мечталъ о равенствѣ? Боже мой!.. Всѣ мы, молодой человѣкъ, въ свое время мечтаемъ и заблуждаемся... Но наступаетъ время, когда здравый разумъ беретъ верхъ... Все можно поправить, все можно загладить... Теперь вы у насъ на порукахъ и, конечно...

— Извините, мнѣ некогда...

Николай всталъ и вышелъ. Лицо у него было блѣдное, безкровное и усталое; въ око лѣваго глаза подергивалось, и дрожали смуглыя руки, а глаза сверкали холоднымъ блескомъ ненависти...

VII.

Цвѣла въ палисадникѣ сирень — бѣлая и лиловая. Рано по утру подь окномъ ворковали голуби, а по вечерамъ въ липахъ, на огородѣ, пѣлъ соловей. Домикъ совсѣмъ спрятался въ зелени: даже на крышѣ, межъ полусгнившаго теса, выглядывала трава. Дни стояли жаркіе и тянуло къ водѣ. Какъ только дома начинали охать и жаловаться на судьбу, на недостатокъ средствъ, на трясущуюся руку и на то, что Николай не оправдалъ надеждъ,—онъ бралъ ружье и отправлялся за рѣку. Въ лугахъ за рѣкой были озера, такія глубокія, тихія и задумчивыя; въ рамкѣ рампника и камышей, эти озера

были похожи на большія зеркала, отражавшія синее небо и легкія облака,—и такъ хорошо было сидѣть здѣсь одному, слушать, какъ жужжать коромысла, какъ камыши говорятъ сказки, прислушиваться къ тому, какъ на душѣ дѣлается все спокойнѣе, ровнѣе, какъ затихаютъ всѣ огорченія жизни и начинаютъ отражаться, какъ синее небо въ озерѣ, тихая радость бытія и счастье юности... Иногда тихія думы и грезы нарушались опустившимся на воду селезнемъ: онъ красиво и гордо держался на водѣ и тихо звалъ утку, медленно оплывая зеленые камыши; его можно было убить очень легко, но Николай не бралъ ружья: затанувъ дыханіе, онъ весь уходилъ въ созерцаніе и ему чудилось, что онъ постигаетъ какія-то тайны жизни... Николай забывалъ о домѣ и о самомъ себѣ и отдыхалъ отъ упрековъ, жалобъ и совѣтовъ, которые давалъ ему всякій, съ кѣмъ онъ встрѣчался дома и на улицѣ.

А жалобы и упреки становились все болѣе частыми и рѣзкими. Мать больше вздыхала, но отецъ не могъ пройти мимо Николая, чтобы не сдѣлать какого-нибудь обиднаго для юноши замѣчанія. Если сынъ читалъ на огородѣ книгу, отецъ говорилъ: „и такъ ужъ зачитался“; если сынъ валялся на травѣ безъ дѣла, отецъ говорилъ: „мягко, привольно, сытно, а главное — нечего дѣлать“; если Николай уходилъ надолго изъ дому, старикъ говорилъ о подметкахъ, которыя тоже слѣдуетъ пожалѣть, какъ и родителей... Все это Степанъ Никифоровичъ говорилъ не потому, чтобы хотѣлъ оскорбить или упрекнуть сына, но потому, что этими замѣчаніями онъ надѣялся исправить „бѣднаго Кольку“, надѣялся повліять на его „образъ мыслей“, какъ стали выражаться Степанъ Никифоровичъ послѣ того, какъ помощникъ исправника рассказалъ ему, какъ Николай велъ себя въ присутствіи... Во всякой мелочи старикъ находилъ теперь

скверный образъ мыслей. Поднимая съ пола брошенный Николаемъ окурокъ, старикъ ворчалъ:

— Гдѣ ни попало... Ничего не признаемъ!..

Замѣтивъ на ногахъ сына рыжіе носки давно нечищенныхъ сапогъ, старикъ вздыхалъ и говорилъ:

— Зачѣмъ ихъ чистить? При нашемъ образѣ мыслей можно ходить и въ опорышкахъ...

Однажды Степанъ Никифоровичъ встрѣтился на улицѣ съ исправникомъ и сконфузился. Теперь онъ боялся встрѣчаться со всѣми значительными въ городѣ лицами: ему казалось, что онъ въ чемъ-то провинился передъ ними, что онъ сдѣлалъ что-то очень скверное, чего никто изъ этихъ лицъ не ожидалъ отъ дворянина и такого почтеннаго чиновника, имѣющаго пряжку за тридцатилѣтнюю безпорочную службу.

— Что не заглядываете?—спросилъ исправникъ.

— Собираемся... да все какъ-то того, не выходитъ...— опутивъ глаза, отвѣтилъ Степанъ Никифоровичъ и сослался на Марью Тимофеевну, которая будто-бы все прихварываетъ.

— Ну и крестничекъ мой хорошъ! Носу не покажетъ!...

Степану Никифоровичу сдѣлалось окончательно не по себѣ. Это, въ самомъ дѣлѣ, большое невѣжество со стороны Николая, которому онъ тысячу разъ говорилъ, указывалъ, настаивалъ... Вотъ—дождался!..

— Стѣсняется онъ... Накуралесилъ тамъ и прячется теперь... Стыдно глаза показать!—покачавъ головой, отвѣтилъ Степанъ Никифоровичъ и глубоко такъ и кротко вздохнулъ.

— Ничего, ничего... Былъ молодцу не укорь!—сказалъ исправникъ.

— А онъ стѣсняется... Онъ думаетъ, что вы очень недовольны и, можетъ быть, не желаете... Вѣдь

какъ знать?.. Съ одной стороны—крестный, а съ другой— что ни говорите, исправникъ..

Исправникъ добродушно расхохотался.

— Ничего! Что было, то прошло... И на старуху выеаетъ проруха... Пусть зайдетъ. Я его пожурю, но не какъ исправникъ, а какъ крестный отецъ... Бѣдовая молодежь пошла: чуть-чуть усики прорѣжутся, сейчасъ-же начинаетъ требовать республику!..

Исправникъ смѣялся, и полная фигура его вся вздрагивала отъ этого добродушнаго смѣха. Степанъ Никифоровичъ былъ страшно обезкураженъ этой добротой и снисходительностью: у старика даже слезинки заискрились въ глазахъ, и трясущаяся рука запрыгала отъ радости. Надо было пользоваться случаемъ.

— Всѣ были молоды, всѣ глупили... Онъ вѣдь, въ сущности, хорошій у меня мальчикъ, добрый, смиренный, почтительный,—и что съ нимъ вдругъ сдѣлалось—понять не могу!..

Исправникъ сочувственно кивалъ головой, и потому старикъ отважился и началъ просить: „нельзя ли какъ-нибудь исправить ошибку молодости—возвратиться къ наукамъ?“

— Поживемъ—увидимъ, авось, что-нибудь и придумаемъ,—сказалъ исправникъ, пожалъ трясущуюся руку старика, и они разстались. Степанъ Никифоровичъ раза два оглядывался, смотрѣлъ на медленно удалявшагося исправника и произносилъ:

— Удиви-тельный |человѣкъ!

Старикъ возвращался домой веселый, поматывать зонтикомъ и, шамкая беззубымъ ртомъ, напѣвать:

Фонарики—сударики
Горять себѣ, горять,
Что видѣли, что слышали,
Про то не говорятъ...

За обѣдомъ онъ ласково смотрѣлъ на сына, шутилъ съ Марьей Тимофеевной и ни разу не вспомнилъ, что у него трясется рука. На третье были блинчики съ молокомъ, и старикъ, пододвинувъ коробочку съ сахарнымъ пескомъ поближе къ Николаю, пошутилъ:

— Посолите, господинъ социалистъ!..

А послѣ обѣда, помолившись съ особенной теплотой Богу, старикъ заложилъ обѣ руки за спину, ходилъ и опять пѣлъ:

Фонарики—сударики
Горять себѣ, горять...

— Что ты сегодня распѣлся?—удивленно спросила Марья Тимофеевна, но старикъ, вмѣсто отвѣта, остановился и, дирижируя трясущейся рукой передъ самымъ носомъ Марьи Тимофеевны, пѣлъ дальше:

Что видѣли, что слышали,
Про то не говорить...

Марья Тимофеевна тоже повеселѣла. Она приготовила въ палисадникѣ чай на новой скатерти, съ новымъ вареньемъ и хлопотливо суетилась въ кустахъ подъ сиренью около свѣтло начищеннаго самовара. Съѣли пить чай,—и Степанъ Никифоровичъ раскрылъ, наконецъ, свои карты:

— Социалистъ! Пожалуйте-ка сюда! Есть кое-что утѣшительное... Поближе! Я тебя не укушу!..

Николай вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Непонятный страхъ овладѣлъ юношей отъ радостнаго настроенія отца, и онъ подсѣлъ на лавку и весь какъ-то сжался отъ охватившаго его предчувствія чего-то сквернаго, что должно сейчасъ случиться. Онъ насторожился, проникся оборонительнымъ самочувствіемъ и притихъ, ожидая неизбѣжнаго...

— Я тебѣ сто разъ говорилъ, что надо сходить къ крестному...

— Так и есть!.. Опять—крестный...

Старикъ разсказываль про свою встрѣчу съ исправникомъ, передалъ весь разговоръ, при чемъ какъ-то невольно и безгрѣшно перевраль слова исправника, который будто-бы пообѣщаль непрѣмѣнно выхлопотать возвращеніе къ наукамъ, если Николай опомнится и выкинетъ изъ головы „соціальную дурь“...

— Удиви-тельный человѣкъ!—нѣсколько разъ повторилъ Степанъ Никифоровичъ и категорически закончилъ:

— Въ воскресенье иди къ обѣднѣ, а оттуда къ крестному! Зарекомендуй себя, какъ слѣдуетъ, и все уладится...

Николай сидѣлъ и молча разсматриваль узоръ на скатерти, а отецъ говорилъ, что пора оставить эти глупости и понять, что „сама природа не терпитъ этого глупаго равенства и тому подобное“...

— Голова не отвалится, если ты лишній разъ поклонись!..

— Случается, что и отваливается...

Старикъ покраснѣлъ отъ гнѣва. Онъ строго посмотрѣлъ на блѣднаго Николая и, бросивъ зазвенѣвшую чайную ложку, крикнулъ:

— Значить,—глупая это голова! дурацкая! Поняль?

— Поняль.

Изволь сходить! Я далъ слово... Слышишь?

— Не пойду...—глухо сказалъ Николай и всталъ.

— Что такое?..

Мать не знала, какъ остановить ссору. Она умоляюще смотрѣла на Степана Никифоровича, трогала его за рукавъ и шептала:

— Побойтесь вы Бога!

Николай схватилъ фуражку и быстро вышелъ изъ сада. Онъ ушелъ на рѣку. Тамъ онъ долго сидѣлъ на

крутомъ берегу, неподвижный, молчаливый, и смотрѣлъ въ даль. Губы его дрожали и складывались въ улыбку, а глаза туманились отъ слезъ... Медленно уходилъ лѣтній день за горизонтъ, перспективы задергивались голубоватой дымкой сумерекъ, и тихій вечеръ съ грустной улыбкой смотрѣлъ на тускнѣющую природу. Тѣни начали ползти подъ гору и сгущались тамъ, надъ темно-зеленой водою. Задумались рѣка и лѣсъ, и луга и только далеко, въ рѣчномъ заливѣ, играли на тихой водѣ послѣдніе блики розоваго заката. Изъ овражка все сильнѣе тянуло сыростью, пахло сгнившей листвою и глиной. Небеса тускнѣли все больше, и фіолетовыя облака дѣлались тяжелѣе, рѣзче обрисовывались и принимали причудливыя формы чудовищъ. Становилось кругомъ все тише, спокойнѣе, и въ этой тишинѣ было что-то кроткое, ласковое и вдумчивое. Изрѣдка въ синихъ сумеркахъ слышался одинокій крикъ пролетавашаго кулика, или дикая утка, напуганная кѣмъ-то, пронеслась съ зарѣчныхъ озеръ, тревожно свистя въ воздухъ сильными крыльями... Теплый вѣтерокъ осторожно, украдкой прилеталъ къ березкамъ, подъ которыми сидѣлъ Николай, и таинственный шопотъ молодыхъ листочковъ перемѣшивался съ едва слышнымъ журчаніемъ ручейка, бѣгущаго по глинистому оврагу...

Николай смотрѣлъ, какъ медленно умиралъ лѣтній вечеръ и уносился мыслью далеко, за рѣку, за луга, за синѣвшій въ туманѣ лѣсъ... Куда? Онъ не зналъ. Куда-нибудь на Днѣпръ, въ глухой уголокъ старой усадьбы съ балконами, съ аистами на крышѣ, съ утрюмымъ паркомъ, съ купальней у зеленаго берега... Тамъ въ тихомъ вечернемъ воздухѣ раздается звонкій голосъ дѣвочки съ карими глазами, и въ густыхъ заросляхъ стараго парка мелькаетъ легкій силуэтъ въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпкѣ съ васильками...

Николай сидѣлъ и думалъ о Галѣ. Онъ былъ счастливъ, потому что никто не мѣшалъ ему думать, а тихая уснувшая рѣка и голубоватые туманы дали, казалось, рассказывали о томъ миломъ краѣ, гдѣ живетъ дѣвушка съ карими глазами... И, думая о ней, Николай съ сладкой томящей грустью тихо пѣлъ, смотря за рѣку: „Межъ горами вѣтеръ воетъ и въ лѣсахъ шумить“. Кругомъ было тихо и безлюдно, и пѣсня уныло звучала на горѣ и, словно жалуясь кому-то, улетала съ вѣтеркомъ на рѣку и тамъ пропадала, распыляясь въ синихъ сумеркахъ... Быть можетъ, теперь и Галя сидитъ гдѣ-нибудь на берегу Днѣпра и вспоминаетъ о немъ... Николай впереялся грустными глазами въ синіе туманы зарѣчья, и еще тоскливѣе звучала его пѣсня:

„Ой, Галина, ой, дивчина, серденько мое!..
Какъ тоскую я!... Ты одна...“

Выплылъ двурогій мѣсяцъ, рѣка заискрилась, и серебристый туманъ заколыхался надъ водою. Полевщики зажгли въ лугахъ костры...

— Распѣваете въ уединеніи?..

Николай оборвалъ пѣсню и растерялся, словно его застали на мѣстѣ какого-нибудь преступленія. Оглянулся и увидѣлъ въ полутьмѣ фигуру въ соломенной шляпѣ съ зонтикомъ.

— Не узнаете?... Ардальонъ Михайловичъ Самоковъ, казначей мѣстнаго казначейства, другъ вашего папаша!..

— Аа...

— Чудесный вечеръ!.. Отмѣнная погода!.. Пойте, пойте! Я послушаю... Люблю пѣніе... Раньше дирижировать хоромъ въ соборѣ, а теперь не могу...

Ардальонъ Михайловичъ спустился съ горки и съ старческимъ кряхтѣніемъ опустился на травку, около Николая.

— Ходили къ крестному-то?..

Николай вскочилъ на ноги, нахлобучилъ фуражку и пошелъ прочь.

— Подите вы всѣ отъ меня къ чорту!—не оборачиваясь, сказалъ онъ со слезами въ голосѣ и исчезъ за кустами молодыхъ березокъ...

— Ого-го-го!—произнесъ ошарашенный Ардальонъ Михайловичъ и долго смотрѣлъ на кусты, за которыми исчезъ этотъ дерзкій молодой человѣкъ...

VIII.

Долго бродилъ Николай по берегу рѣки, а потомъ по окраинамъ города. Ночь была лунная. Лягушки звенѣли въ болотѣ, за околицей, и кто-то пѣлъ дребезжащимъ теноромъ въ полѣ тоскливую пѣсню. Кое-гдѣ въ домикахъ мигали огоньки, но было тихо, удивительно тихо и казалось, что мѣсяцъ остановился и думаетъ, почему это такъ тихо... Собака лаяла гдѣ-то на другомъ концѣ города, и ея лай разносился въ серебристыхъ сумеркахъ ночи, такой безстрастный и звонкій. Изрѣдка съ колокольни падали удары колокола и долго плавали въ воздухѣ, догоняя другъ друга и, казалось, не хотѣли затихать... Изъ-за длинныхъ утыканыхъ гвоздями заборовъ таинственно выглядывали деревья и, казалось, хотѣли узнать, что это за человѣкъ бродить ночью по глухимъ проулкамъ и что ему надо... Встрѣчный караульщикъ, завидя унылую фигуру Николая, сильнѣе ударилъ въ колотушку, и трескотня ея, отскакивая эхомъ отъ заборовъ, встревожила мирную ночь рѣзкими бьющими въ ухо стуками.

— Что за человѣкъ?—строго спросилъ онъ, поровнявшись съ Николаемъ, но сейчасъ-же раземѣялся и тихо сказалъ:

— Не узналъ васъ, баринъ... Не спится?..

— Не спится...

— Ночка-то больно хорошая, а дѣло-то молодое... Одному-то и не спится!.. Охо-хо-хо!..

И старикъ пошелъ дальше, переваливаясь съ ноги на ногу. А въ полѣ за околицей, въ дрожащемъ серебристомъ туманѣ, все плавала тоскливая пѣсня, и лягушки дребезжали на болотѣ. Опять съ бѣлою колокольни сталъ падать звонъ отбивающаго часы колокола; Николай сталъ считать и, когда послѣдній ударъ замеръ въ тишинѣ,—направился къ дому. По пути онъ заглянулъ въ уютно свѣтящееся окошко небольшого домика: за столомъ сидѣлъ въ одной жилеткѣ человекъ и съ аппетитомъ ѣлъ изъ глубокой тарелки гречневую кашу съ масломъ: онъ широко раскрывалъ ротъ, давая мѣсто ложкѣ, и стриженные подъ гребенку волосы на его головѣ шевелились, когда онъ жевалъ кашу. А напротивъ стояла молодая, крѣпкая такая женщина и, подперевъ щеку рукою, съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ ѣлъ этотъ человекъ кашу съ масломъ.

— Господь напиталь, никто не видалъ,—сказалъ человекъ, положилъ ложку, всталъ и потянулся.

— А кто видѣлъ, тотъ не обидѣлъ,—сказала женщина, убирая тарелку.

Господинъ въ жилеткѣ крикнулъ, потянулся еще разъ и крѣпко шлепнулъ женщину.—Николай улыбнулся и пошелъ прочь. „Ничего имъ тутъ не надо и ни до чего на свѣтѣ нѣтъ дѣла“... Чѣмъ ближе Николай подходилъ къ родному домику, тѣмъ болѣе замедлялъ шаги: тамъ, въ этомъ уютномъ домикѣ съ палисадникомъ, гдѣ прошло беззаботное дѣтство и гдѣ его такъ долго и такъ много любили, теперь ему было тяжело и душно и туда не хотѣлось возвращаться, словно за зеленою рѣшеткою

палисадника его сторожило теперь что-то страшное и неизбежное...

Степанъ Никифоровичъ сидѣлъ на лавочкѣ за воротами. Николай не сразу замѣтилъ отца, потому что тѣнь отъ наклонившихся надъ нимъ кустовъ сирени тушевала его темную неподвижную фигуру. Николай уже взялся за скобу калитки, когда старикъ кашлянулъ и спросилъ съ хрипотой въ голосѣ:

— Это ты, Николай?

Николай вздрогнулъ отъ неожиданности, растерялся и сказалъ:

— Сидишь?

— А ты все шляешься? Погоди-ка, другъ мой любезный!

— Ну!

— А ты не нукай... Былъ я сегодня у исправника... Уди-ви-тель-ный человекъ!.. Хотя ты и невѣжда, но все-таки ты ему крестникъ... Понялъ?

— Понялъ.

— Онъ велѣлъ тебѣ написать прошеніе, что ты все это... по недоразумѣнію, что тебя смутили... Понялъ?

— Понялъ.

— Что ты во всемъ раскаялся и просишь простить тебѣ всѣ эти глупости... Что ты никогда не будешь... соваться... Слышишь?

— Слышу.

— А я въ свою очередь напишу прошеніе... Я—старикъ, у меня трясется рука... Я тридцать пять лѣтъ тяну ляжку вѣрой и правдой... Слышишь?

— Слышу.

— И все уладится... Исправникъ въ свою очередь напишетъ...

Николай стоялъ у калитки, какъ приговоренный къ смерти. Онъ тупо смотрѣлъ въ землю, опустивъ руки, и

молчалъ, повторяя „понялъ“ и „слышу“. Комарь жалобно пищалъ, кружась у него надъ ухомъ, и его жалобный пискъ, протяжный, нудный и настойчивый, отдавался въ мозгу Николая, какъ чей-то безконечно-долгій жалобный стонъ. Тявкала гдѣ-то собака. Звѣзды ярко горѣли въ кроткихъ небесахъ, безстрастныя и холодныя. Кругомъ было тихо, напряженно тихо, словно ночь затаила дыханіе и слушала, что дѣлается на душѣ у Николая...

— Завтра сходи и поблагодари!

Николай безмолвствовалъ.

— И все уладится... Опять возвратишься къ наукамъ.

— Никуда я не пойду и ничего не буду писать!— задыхаясь, чуть слышно, сказалъ Николай и пошелъ прочь.

— Почему?—закричалъ старикъ, всталъ со скамейки и пошелъ слѣдомъ за сыномъ.

— Не могу...

— А жрать можешь?

— Оставьте меня!—дико кричалъ Николай и, ускоривъ шаги, пошелъ мимо крыльца на огородъ, въ баню, куда онъ переселился нѣсколько дней тому назадъ.

— Ахъ, подлець, подлець!—прошепталъ старикъ и, когда скрипнула калитка, ведущая на огородъ, громко кричалъ:

— Подлець!

И этотъ крикъ разбудилъ молчаливую ночь: она вздргнула и звонкимъ эхомъ повторила: „подлець“...

Николай вошелъ въ баню и зажегъ огарокъ свѣчи. Тѣни побѣжали по полу, по чернымъ закоптѣлымъ бревнамъ стѣнъ и спрятались по угламъ. Красное пламя свѣчи заколыхалось во мракѣ этой черной комнаты, и сверчокъ, жившій на палатяхъ около печки, пересталъ верещать... Здѣсь было сыро и пахло пачиной. На пе-

ревернутой вверхъ дномъ кадкѣ лежали въ безпорядкѣ книги и тетради; одинъ стулъ стоялъ около широкой лавки, и на его спинкѣ висѣла студенческая тужурка. Николай растворилъ маленькое окошко, долго ходилъ по черной комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, потомъ почувствовалъ вдругъ страшную усталость во всемъ тѣлѣ, погасилъ огонь и, повалившись на лавку, легъ вверхъ лицомъ и замеръ, прикрывъ глаза кистями рукъ. Когда онъ затихъ, въ окошечко бани стала смотрѣть лѣтняя ночь; за стѣной въ крапивѣ трещалъ кузнечикъ, гдѣ-то звенѣли колокольчики сперва все громче, а потомъ все тише... Кто-то куда-то ѣдетъ... Счастливый!.. Надо куда-нибудь уѣхать, непременно уѣхать, скорѣе уѣхать... Господи, какъ онъ усталъ... невыносимо усталъ!.. Сверчокъ снова сталъ верещать, и какіе-то шорохи поползли и подъ окномъ, и въ банѣ... Гдѣ-то запѣлъ пѣтухъ, хлопая жесткими крыльями... Что такое? Николай испуганно приподнялся на локтѣ и замеръ отъ ужаса:

— Кто тутъ?—спросилъ онъ и схватился за ружье.

— Это я, я, Коленъка! я, миленькій!—сквозь слезы зашепталъ подъ окномъ старческій голосъ, и на свѣтломъ фонѣ раскрытаго окошка обрисовалась голова матери.

— Это ты?..

— Не спишь? Тоскуешь?—съ безграничной нѣжностью и жалостью прошептала старуха и смолкла. И было слышно, какъ она потихоньку плачетъ, припавъ къ стеклу маленькаго окошка. Николай подошелъ къ матери.

— Перестаньте ради Бога,—умоляюще прошептала онъ, сдерживая давившія горло судороги...

— Милый ты мой! сердце у меня изболѣло за тебя,—нѣтъ силы не плакать...

Николай шархнулъ отъ окна и, уткнувшись лицомъ въ уголъ, зарыдалъ слезами безконечной тоски и от-

чаянія... Мать потихоньку ощупью прокралась въ баню, опустила свою голову на вздрагивающую спину сына и тоже заплакала... И долго они стояли такъ и рыдали въ темномъ углу; потомъ оба притихли, сѣли на лавкѣ и замолчали. Мать взяла руку Николая и не выпускала ее изъ своей, и Николай чувствовалъ, какъ старыя кости стараются покрѣпче сжать его руку...

— Я... не могу... у васъ... жить,—нервно всхлипывая, прошептала, наконецъ, Николай.—Я... долженъ куда-нибудь... уѣхать...

— Обидѣлъ тебя отецъ? сильно обидѣлъ?... За что онъ тебя обидѣлъ?..

Старуха припала къ сыну и стала гладить его по головѣ. Голова Николая покорно склонялась подъ этой лаской и ему казалось, что онъ дѣлается маленькимъ, маленькимъ, что онъ опять гимназистъ и что онъ по-прежнему любить мать, бесконечно любить, и готовъ для нея отдать все, даже жизнь...

— Что мнѣ дѣлать... Я не знаю... Я не могу... Понимаете: не могу!—шептала онъ, прижимая къ сухимъ губамъ руку матери.—Я уѣхалъ бы куда-нибудь, убѣжалъ-бы...

— А папашу тебѣ не жалко? Онъ вонъ тоже плачетъ теперъ. Ты думаешь, ему легко?.. Ты уважь его старость, послушайся, не гордись... Эхъ, вы!

Мать тихо и ласково говорила о жизни, о старости, о смерти, о родительскомъ сердцѣ. Смыслъ ея рѣчей не доходилъ до сознанія Николая, но его убаюкивала тихая, ласковая воркотня, въ которой было очень много любви и нѣжности...

— Напиши ты, чего онъ тамъ просить...

Николай вспомнилъ и отрицательно закачалъ головой.

— Не могу... Понимаешь: не могу!.. Если ты меня любишь, не проси объ этомъ... Я куда-нибудь уѣду...

— Куда-же, Коленька? Нельзя тебѣ никуда ѣхать... вѣдь напаша отвѣтитъ за тебя...

— Да, нельзя... — кротко согласился Николай и умолкъ...

И долго они сидѣли, думали о чемъ-то и молчали... Теплая ночь смотрѣла на нихъ черезъ маленькое окошечко и слушала, что дѣлается на душѣ у этихъ спрятавшихся въ темнотѣ людей...

А въ комнатѣ маленькаго домика съ палисадникомъ свѣтился красноватый огонекъ: тамъ, предъ сіявшимъ отъ теплящейся лампы образомъ, валялся во прахѣ Степанъ Никифоровичъ и жарко молился Богу о томъ, чтобы Онъ, всемогущій, смирилъ и вразумилъ заблудшаго отрока...

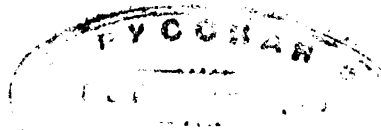
8-

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

Е В Р Е И.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТИ.

*Посвящается Максиму Горькому.
Семенъ Юшкевичъ.*

I.

Трудовой день кончился. Большой дворъ, гдѣ помѣщались склады торговцевъ стараго желѣза, постепенно погружался въ тишину... Уходили рабочіе, запыленные, усталые, и всѣ, будто сговорились, шли, опустивъ головы,—приказчики закрывали склады большими ключами, похожими на топорики, а хозяева, наблюдая за ними, торопливо отдавали приказанія на слѣдующій день.

Спускалась ночь, безмятежная, тихая. Въ дворницкой показался свѣтъ и, такой же безмятежный, тихій, онъ палъ во дворъ.

— Гдѣ Нахманъ?—раздался чей-то голосъ.

Отъ горки желѣзныхъ тюковъ отдѣлилось нѣсколько рабочихъ. Сейчасъ же къ нимъ вышелъ хозяинъ, худенькій, жалконькій, въ заплатанномъ сюртукѣ, съ рыжей бородашкой, торчавшей клиномъ на бокъ, и, заговоривъ съ ними, сталъ производить расчетъ.

— Гдѣ Нахманъ?—поминутно спрашивалъ онъ и, съ безпокойствомъ оглядываясь, внимательно искалъ глазами подлѣ складовъ и горокъ тюковъ.

Рабочіе стояли въ безпорядкѣ, а одинъ изъ нихъ, худой и крѣпкій, въ грязной рубахѣ съ разорваннымъ воротомъ, — и по подергиванію плечъ видно было, какъ это ему мѣшало теперь—хватая себя за лобъ, по пальцамъ провѣрялъ получку, не зная, какъ увѣриться, что онъ не ошибся.

Когда счеты были, наконецъ, окончены, и рабочіе, попросивъ напрасно на чай, хмурыс, двинулись къ воротамъ, неизвѣстно откуда, появился Нахманъ и, подавая человѣку съ рыжей бороденкой толстый ключъ, громко и отчетливо сказалъ:

— Хозяинъ, дайте мнѣ расчесть.

Лицо у него теперь было серьезнымъ и упрямымъ,— и хозяинъ, пристально посмотрѣвъ на него, сейчасъ же съ жаромъ заговорилъ... Заложивъ руки въ карманы, Нахманъ спокойно слушалъ возраженія и, когда нужно было отвѣтить хозяину на вопросъ—настойчиво повторялъ одно:

— Дайте мнѣ расчесть, дайте мнѣ расчесть.

Они медленно пошли къ воротамъ, а хозяинъ все говорилъ о томъ же на разные лады и оттого, что чувствовалъ безсиліе и ненужность своихъ словъ, начиналъ просить, а Нахманъ, мотая головой, упрямо твердилъ:

— Я не могу больше, дайте мнѣ расчесть...

Наканунѣ вечеромъ это было окончательно имъ рѣшено. На квартирѣ, гдѣ онъ жилъ, его уже ждалъ сундучокъ со сложенными вещами, и, едва слушая хозяина, онъ думалъ только о томъ, какое будетъ наслажденіе взвалить сундучокъ на плечи и убѣжать изъ этой улицы, куда глаза глядятъ.

Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ на службу, и эти три года, проведенные здѣсь, среди торговцевъ-евреевъ, были годами большой школы страданія, страданія собственного,—чужого, проникновенія въ жизнь и мучительнаго роста собственного сознанія. Теперь онъ вступалъ уже въ тотъ возрастъ, когда начинается раслойка чувствъ и начинаютъ дѣйствовать опредѣленныя симпатіи и настроенія,—когда всякій поступокъ, влеченіе должны быть непремѣнно исполнены,

удовлетворены, хотя бы и во вредъ себѣ. Постоянно въ трудѣ, черномъ и тяжеломъ, выросшій на воздухѣ пригородныхъ дворовъ, онъ до службы жилъ жизнью чернорабочаго,—и то, что большую часть дня онъ проводилъ въ борьбѣ съ неодушевленными, грубыми предметами, для которой онъ напрягалъ и силу своихъ мускуловъ, и упрямство воли,—онъ выросъ здоровымъ, крѣпкимъ молодцомъ, смѣлымъ и самостоятельнымъ. Онъ съ трудомъ понималъ страхъ и на службѣ съ удивленіемъ глядѣлъ на окружавшій его людъ еврей-евъ-торговцевъ, такихъ испуганныхъ, замученныхъ,—и былъ холоденъ къ нимъ. Въ его настроении здороваго, познавшаго тяжесть и крѣпость предметовъ, человѣка, который побѣдилъ ихъ: землю, камень, желѣзо, кладь,—ему казалось все побѣримымъ, все доступнымъ для сильной спины, сильныхъ рукъ и негибавшихся ногъ. И, подобно тому, какъ онъ не зналъ и едва догадывался о страхѣ, молодой и неопытный, онъ еще меньше боялся жизни и думалъ о ней такъ же легко, какъ о грудѣ камней, которую нужно перетаскать съ одного мѣста на другое.

Въ ранней молодости, когда семья еще не требовала его труда и думъ о ней, и сама заботилась о томъ, чтобы приготовить его къ жизни вооруженнымъ,—онъ провелъ четыре года въ еврейскомъ училищѣ и несложную науку прошелъ легко, съ наслажденіемъ и блестяще. Здѣсь родились его первыя мечты о жизни свѣтлой, радостной, и время проходило торопливо, съ лихорадочнымъ требованіемъ отъ 'кого-то „дальше, дальше“,—словно онъ спѣшилъ перейти какую-то роковую черту. Но онъ не успѣлъ и въ тринадцать лѣтъ былъ уже въ новой и тяжелой роли кормильца осиротѣвшей семьи изъ матери и маленькой дѣвочки,—и училище, со всѣмъ радостнымъ, что оно воспитывало

въ немъ, погнбло навсегда. Семь онъ служилъ всяческимъ путемъ: случайными услугами, былъ на побѣгушкахъ, держался возлѣ взрослыхъ чернорабочихъ, ѣздилъ извозчикомъ, скрывая свой возрастъ подъ большимъ мужицкимъ армякомъ и твердой, какъ желѣзо, шляпой, и не было того труда, не существовало такого усилія и униженія для его горячаго, преданнаго сердца, котораго онъ не перенесъ бы ради заработка. И это время—три года—нарастаній свѣжихъ силъ, когда окружающій мнръ, какъ исполинская громада, къ которой приближаешься, начинаетъ постепенно раскрываться всѣми своими чудесами, и обнажается безконечная пирамидальная лѣстница, гдѣ на широкихъ ступеняхъ размѣстились люди въ разныхъ одеждахъ, съ разной рѣчью, привычками, поведеніемъ,—когда кровь, какъ молодое вино, въ своемъ броженіи рисуетъ въ особенныхъ, неповторимыхъ образахъ, — привлекательныхъ, таинственныхъ, радостныхъ, — эту развертывающуюся громаду,—это время, три великолѣпныхъ года, пролетѣли, какъ молнія, потухая въ черномъ трудѣ. И лишь послѣ того, какъ и втораго надежды были похоронены крѣпко и навсегда подъ тѣми же плитами, гдѣ лежали его отецъ и братъ, а теперь легли мать и маленькая дѣвочка,—онъ, стоя на кладбищѣ съ горсточкой сосѣдей, провожавшихъ дорогія тѣла, на мигъ ужаснулся передъ жизнью, открывшей свою бездну... Тогда, потому что рядомъ съ нимъ стояли печальные старики въ своихъ убогихъ одеждахъ—живые памятники когда-то хлопотавшихъ и боровшихся съ жизнью людей,—и плакали не о своемъ, а о его горѣ, онъ позналъ въ нихъ братьевъ...

— Я увѣряю тебя, Нахманъ, ты не оставишь меня,—говорилъ молящимъ голосомъ хозяинъ, заглядывая ему въ глаза, и Нахманъ отворачивался отъ него. Куда ты пойдешь?

По улицамъ шли люди, не оборачивались, размахивали руками, и то, что они могли идти, куда угодно, вызвало въ Нахманѣ такую острую жажду свободы немедленной, что онъ съ увлеченіемъ крикнулъ:

— Я не слушаю васъ, хозяинъ. Вы видите людей; они идутъ по своей волѣ. Они уходятъ изъ этой улицы.

Жизнь не останавливалась. Теперь Нахманъ уже бросилъ извошчій промыселъ, отказался отъ побѣгущекъ, униженій. Онъ преобразился въ высокаго, широкоплечаго юношу, краснощекаго, съ упрямымъ лбомъ. Онъ уже не спрашивалъ себя о будущемъ и безопасно отдавался случаю, любопытный до жадности, что съ нимъ завтра будетъ. Его тѣшила мысль гадать ночью о слѣдующемъ днѣ, и, расправляя уставшіе члены, когда ложился, онъ радовался своей силѣ, которая была его защитникомъ. Подобно вѣмъ чернорабочимъ, онъ по утрамъ выходилъ на биржу, нисколько не чувствуя униженія въ томъ, что его покунаютъ, какъ хорошую, исправную машину, которая весело и споро сдѣлаетъ работу для чужого. Это былъ самый странный, самый безумный періодъ въ его жизни, когда собственная воля оставалась мертвой,—а онъ только впитывалъ все новое и интересное, что проходило мимо него, что имѣло къ нему отношеніе. И оттого, что онъ только впитывалъ, съ любопытствомъ глядѣлъ кругомъ себя, и оттого, что былъ слишкомъ молодъ,—все обидное, несправедливое, неразрѣшенное прошло мимо него, не затронувъ души.

— Жизнь легка,—упрямо говорилъ онъ себѣ, не желая признать ни своихъ, ни чужихъ страданій, и снова текли дни, недѣли, похожіе, какъ братья, другъ на друга, но жить все-таки становилось не подъ силу.

— Надо устроиться,—рѣшилъ онъ.

И когда онъ поступилъ на службу къ торговцу старымъ желѣзомъ, то здѣсь, на большомъ дворѣ, среди

нищихъ хозяевъ, перекупщиковъ, маклеровъ, среди измученныхъ приказчиковъ, погибавшихъ въ безумномъ трудѣ, въ самомъ сердцѣ оскорбительной жизни безправія, безсмысленности, непониманія первыхъ потребностей человѣка,—онъ почувствовалъ кнутъ надъ собою. Какъ будто до сихъ поръ онъ дышалъ свободно, а теперь ему набросили на шею петлю. Наступали дни, что съ утра до поздней ночи нужно было переносить огромныя тяжести, исходить версты по малѣйшему недоразумѣнію хозяина съ покупателемъ, недоѣдать и недосыпать и быть въ вѣчномъ напряженіи. Но не трудъ его испугалъ. Дикій и необузданный, онъ съ неимоверными усиліями подчинялъ свое свободолюбіе этой странной хозяйской машинѣ, дававшей хлѣбъ, но, словно нарочно устроенной, чтобы мучить людей. Теперь онъ уже не мечталъ передъ сномъ о завтрашнемъ днѣ, и потому что этотъ день обѣщалъ ему сытость и нельзя было отказать отъ нея,—онъ думалъ о немъ съ ненавистью, а себя презиралъ.

Съ каждымъ разомъ все больше выяснялась и простота и сложность его обязанностей, вся суета, столь желанная и радостная для хозяина и мучительная для него. Сначала, инстинктивно ища облегченія, онъ внезапно покорился. Онъ набросился на работу, мечтая насытить жадность хозяина, утомить заведенную машину, натворивши сразу много и лишнее. Въ него какъ бы вселился бѣсъ. Съ напряженными жилами на лбу, ни на кого не глядя, онъ безъ отдыха носился по двору, возбуждая своимъ рвеніемъ ненависть товарищей, служившихъ въ сосѣднихъ складахъ. Онъ долго не понималъ ихъ,—но все же эти новые люди и новыя отношенія, что-то безсильное и жалкое въ ихъ борьбѣ съ жизнью и въ результатахъ, овладѣвали его вниманіемъ и сердцемъ. Не въ голомъ и дикомъ страданіи былъ весь ужасъ.

не то, что совершалось здѣсь, на его глазахъ ежечасно, ежедневно, какъ опасность, заставило его насторожиться, приготовиться...

Чужія жизни, страшныя, замученныя, открывались ему, и подобно лѣсу лезвій, среди которыхъ нужно было пробираться, они били, наносили раны, останавливали,— и каждый разъ нужно было отдавать кусокъ горячаго сердца, чтобы не закричать отъ жалости.

Шла борьба за хлѣбъ. Изю дня въ день, словно въ вѣчной темной пустынѣ, не видя ни начала, ни конца, съ однимъ неизмѣннымъ крикомъ: „хлѣба, и ничего больше“—шли люди, употребляя гигантскія усилія для своего спасенія. Они походили на фанатиковъ, на безумцевъ, и никакая сила не могла остановить ихъ хода. Они истязали себя, какъ добровольные мученики, отдавая безъ думъ за кусокъ хлѣба все: здоровье, силу, способности.

Подобно саранчѣ, двигающейся прямо и упорно къ полю, которое должно ее прокормить, они вѣрили въ хорошее, шли къ нему и легко и безславно погибали, не подозрѣвая своей участи ни на одну минуту. Они вѣрили...

Это будущее чудилось имъ во всемъ.

Усталые, со странными лицами, евреи оборванные, евреи бѣдные, съ горящими глазами и тысячами плановъ въ головѣ, слѣпые ко всему большому міру, котораго они не знали и не хотѣли знать, со своими жгучими, страстными разговорами и спорами, они, какъ подь солнцемъ, шли въ этой темной пустынѣ, гдѣ было такъ мало приготовлено для нихъ. Здоровые и слабые, нищіе хозяева, нищіе перекупщики, нищіе маклера,— все дѣлали одно и тоже: изобрѣтали, работали, суетнились.

Ничтожнѣйшій товаръ, который какимъ-то непости-

жимымъ чудомъ, оказывался нужнымъ, превращался въ хлѣбъ, и кусокъ стараго желѣза, отъ котораго кормились тысячи семей, вдохновлялъ мысль, вызывалъ свѣтъ надежды, и на его алтарь бросались человѣческія жертвы.

Лѣтомъ, въ раскаленную жару, когда паръ подымался отъ обожженной спины, зимою, въ снѣгъ, когда даже движеніе по улицамъ прекращалось, и осенью, въ сырость и дождь,—важная работа шла на огромномъ дворѣ. Стучали молотками, сбивались отрѣзки, перевязывались желѣзные тюки, съ кряхтѣніемъ и оханіемъ переносились тяжести, раскалывались чугуныя громадины,—и желѣзо лязгало съ утра до ночи, какъ злой, сторожевой песъ. Не было предѣла своему истязанію. Лопалась кожа на рукахъ, на плечахъ, темнѣло въ глазахъ, терялось дыханіе,—все шло въ желѣзный тюкъ вмѣстѣ съ алканіемъ лучшаго будущаго. Погруженные по сердце въ трудъ, измученные, въ длиннополыхъ сюртукахъ, какъ армія безмысленныхъ рабовъ, служившая невѣдомому хозяину,—никто не бросалъ на мигъ дѣла. Что имъ былъ весь прекрасный міръ? Что имъ была жизнь? Шла борьба за хлѣбъ.

Вѣчно въ заботахъ, въ темнотѣ, они уже растеряли то малое, что было имъ извѣстно, и презирали, смѣялись надъ веѣмъ, гордо увѣренные, что правда на ихъ сторонѣ. Когда наступали минуты отдыха, они шли въ трактиръ и торопливо, не умывшись, закусывали и продолжали тѣ же разговоры о продажѣ, покушкѣ, о стоявшихъ цѣпахъ на товары. Они пили водку маленькими рюмочками, причмокивая и подмигивая другъ другу, и тогда ихъ нельзя было слушать. Въ моменты, когда эти одичалые люди не были призваны къ страданію, они разговаривали [страннымъ] языкомъ, выработавшимся въ ихъ занятіи, шутили гнуснымъ, и не-

ожиданными шутками, задирали другъ друга, мучили, Цѣломудренныя, какъ дѣвушки, въ жизни, здѣсь, послѣ выпитой маленькой рюмочки, они любили говорить о женщинахъ, о дѣвушкахъ, дѣвочкахъ, и циничное воображеніе, возбужденное воздержаніемъ, смѣшивало такія необузданныя представленія разврата, что становилось страшно съ ними. Истинно великими, истинно людьми они являлись только въ тѣ минуты, когда жизнь вырывала изъ ихъ сердца стонъ. Тогда они потрясали, тогда ихъ, облагороженный страданіемъ, языкъ выбрасывалъ такія чудеса изъ души, что снова и снова хотѣлось святой правды, святого свѣта...

Нахманъ еще не понималъ ясно, что случилось, что происходитъ съ нимъ, но одна искра обжигала его неустанно, шли дни за днями, и гнѣвъ его незамѣтно выдыхался. И то, что онъ начиналъ свыкаться съ неизбежностью безумнаго труда, который раздавилъ и разсѣкъ его, что со всѣхъ сторонъ чужая жизнь билась въ его душу и вырывала у нея участіе, онъ самъ пришелъ къ нормѣ, какъ приводится къ правильному бѣгу молодая лошадь, если перегрузить ее тяжестью.

Постепенно у него появились товарищи. На работѣ, рядомъ съ нимъ, и въ свободныя минуты дня, по вечерамъ, или въ рѣдкіе праздники—всѣ они, какъ ни отличались другъ отъ друга, всѣ они носили одну мысль. Это была мысль о хлѣбѣ и какъ его достать. Это была мысль о томъ, какъ сдѣлать, чтобы онъ приходилъ безъ мучительныхъ усилій,—чтобы его было съ излишкомъ. У нихъ были семьи на рукахъ, растерянные и ни къ чему не способные люди, и сестры, матери, старики, въ другихъ слояхъ сами добывавшіе себѣ пропитаніе, здѣсь своими тяжелыми тѣлами падали на спины юношей,

и требовали отъ нихъ заботы и труда. Но къ этой главной мысли о хлѣбѣ, все-таки какимъ-то необъяснимымъ образомъ были прикрѣплены и другія, — можетъ быть, оттого, что эти люди были еще слишкомъ молоды, можетъ быть, оттого, что трудъ еще не успѣлъ задушить ихъ. Они шли подъ жестокимъ ярмомъ, но все же было что-то нравственное въ ихъ разговорахъ, что-то упорно хорошее, чистое; и безсознательно, — но неся ихъ гимнь добру! Слушая ихъ трепетныя рѣчи о жизни, о Богѣ, о совѣсти, слушая этотъ молодой задорный звонъ, ихъ страстную убѣжденность въ своей правдѣ, до страданія мучила мысль, что скоро и они превратятся въ тупыхъ, равнодушныхъ, одичалыхъ людей.

Какіе великолѣпные люди пропадали, какія сердца, какіе фанатики героизма!

Товарищъ Натанъ сталъ особенно близко къ Нахману. Онъ былъ скромный, нѣжный, любилъ книги, и нельзя было понять, какъ онъ выносилъ свое суровое существованіе. Его сила была въ какой-то милой теплотѣ, въ неотразимо убѣдительныхъ жестахъ. И своими порывами къ чистой жизни, которая мечталась ему въ видѣ красиваго города на равнинѣ, правильно раздѣленнаго на кварталы, гдѣ въ правильныхъ бѣлыхъ домахъ, очень низенькихъ и просторныхъ жили семьи, справедливыя и гуманныя, всѣ связанныя одною общей радостью братства, — онъ скоро покорилъ Нахмана.

Когда наступалъ вечеръ и склады закрывались, когда надъ огромнымъ, молчаливымъ дворомъ появлялась луна и все небо заливалось бѣловатой синевою, и отъ него какъ бы нисходила тишина ночи, — оба усаживались рядомъ, словно влюбленные, въ предчувствіи радости духовнаго общенія. Они закуривали и мечтательно глядѣли на синій дымъ, какъ онъ медленно тянулся къ лунѣ, и взоры ихъ долго утопали въ тихомъ и мягкомъ

небѣ. Типина покоряла. Мѣрные удары шаговъ на улицѣ отзывались какъ будто изъ другого міра, и, подобно спящему, которому мучительно не хочется прервать сладкой дремоты, такъ и имъ тяжело и больно было подумать о томъ, что есть жизнь дѣйствительная, каторжная.

—Въ этомъ большомъ городѣ,—говорилъ Натанъ, по привычкѣ поднимая обѣ руки, какъ въ мольбѣ, и указывая на толщу домовъ, важной громадою стоявшихъ на горѣ:—есть столько богатствъ, что мнѣ становится стыдно за людей, которые ничего не придумали противъ страданій.

Луна передвигалась куда-то вправо, Большая Медвѣдица выходила вся изъ-за высокой трубы мельницы и теперь мигала имъ всѣми своими звѣздами, а Натанъ уже другимъ тономъ, другими словами, то взволнованными, то меланхоличными, рассказывалъ о чистомъ городѣ на большой равнинѣ, среди солнца, простора, цвѣтовъ, гдѣ люди живутъ въ радостномъ родствѣ.

Часто они говорили о женщинахъ, и снова хорошее, нравственное рождала душа Натана. Женщина! Какое другое славное, пылавшее и грѣвшее, какъ солнце, слово могло выразить то очарованіе, какое онъ переживалъ, когда благоговѣнно произносилъ: женщина. Вся любовь и нравственныя усилія, которыми онъ былъ переполненъ, звали его къ падшимъ. Онъ ихъ не зналъ, никогда не бывалъ у нихъ, и одна только невыносимая мысль, что въ мірѣ есть падшія, вызывала въ немъ такое состраданіе, словно погибали его сестры.

—Я полюблю только проститутку,—говорилъ онъ Нахману, и тотъ съ волненіемъ его слушалъ,—она будетъ моей сестрою, моей молодою матерью, Нахманъ, моей святой, пострадавшей.

И Нахманъ, подчиняясь чарамъ его волненія, чарамъ его голоса, повторялъ, словно клялся:

—Я женюсь на проституткѣ, Натанъ.

Натанъ былъ первымъ, который тронулъ мысль Нахмана, который открылъ, какъ нехорошо устроена жизнь и сколь чудесной она могла бы стать, если бы кто-нибудь сумѣлъ убѣдить могущественныхъ людей взяться за это. И Нахманъ все чаще задумывался о своемъ положеніи, томился на службѣ, и его уже не убѣждало, что завтрашній день будетъ сытымъ. Кругомъ онъ видѣлъ одно и то же, въ разныхъ подобіяхъ, и этому не видѣлось конца. Молодежь изнывала, не зная, куда дѣваться отъ ударовъ. Они спорили и говорили со словъ стариковъ о какихъ-то лучшихъ годахъ, когда въ городѣ было еще мало народа, и эта молодежь, выросшая въ тѣснотѣ, разрѣшала свои муки и въ ссорахъ, и въ жалобахъ, и въ дѣйствіяхъ. Одни мечтали объ эмиграціи за океанъ, другіе грозили выйти изъ еврейства, которое мѣшало имъ свободно передвигаться въ странѣ, третьи увлекались сіонизмомъ, незамѣтно отдавались идеѣ и бредили еврейскимъ царствомъ...

Нахманъ терялся въ этомъ хаосѣ. И когда, вскорѣ, Натана забрали въ солдаты, чистый свѣтъ, свѣтившій ему, потухъ. Наступала темная полоса собственнаго приспособленія и осиливанія вопросовъ. Дѣйствительная жизнь все тяжелѣе накладывала свою руку на него, и мечты погасли.

Каждый день приносилъ что-нибудь новое, нелѣпое. Чѣмъ больше онъ знакомился со средой, въ которой жилъ, тѣмъ глубже язвы неустройства проникали его сознаніе, тѣмъ страстнѣе хотѣлось уйти отсюда. Теперь онъ уже ясно видѣлъ всѣ пружины борьбы за хлѣбъ, и становилось невыносимымъ оставаться въ этой изстрада-

давшейся средѣ, гдѣ ежедневно для ушей, желавшихъ слушать, неслись вопли раздавленныхъ существованій. Ему вспоминалась прежняя жизнь, когда онъ былъ свободнымъ поденщикомъ, и теперь она казалась ему временемъ гигантовъ.

Всѣ люди были сильными, здоровыми, насмѣшливыми—какъ будто не существовало страданій, и они не знали мученій. Тягота царила, но никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ, въ которомъ солнце должно было быть большимъ, горячимъ, а работа широкимъ размахомъ души, бродившихъ силъ, радостью тѣла. Можетъ быть оттого, что тогда онъ былъ ребенкомъ, — но онъ никогда не видѣлъ такихъ захудалыхъ, узкогрудыхъ, сморщенныхъ людей, не слышалъ этого говора съ припѣвомъ, въ которомъ лежали притаившіеся стоны. Не было и вопросовъ жгучихъ, назойливыхъ,—и казалось тамъ, сзади, въ этомъ дѣтствѣ лежало царство свободы.

— Я убѣгу отсюда,—пробѣгало у него въ головѣ, и онъ пугался.

Но картины продолжали преслѣдовать. Чудно и уповательно было работать съ партіей поденщиковъ. Прижавшись головою къ мѣшку съ пшеницей, лежавшему на его голомъ затылкѣ, самъ теплый, веселый, чуть не подпрыгивая, онъ легко выбѣгалъ изъ амбаровъ, перекликался съ здоровыми людьми,—и, казалось, тогда весь міръ, лежавшій кругомъ и далеко, былъ темнымъ пятномъ. Какъ сладокъ былъ черный хлѣбъ послѣ труда! Разстегнутая косоворотка открывала крѣпкую, молодую грудь, легко дышавшую. Сильныя челюсти, съ зубами, подобными жерновамъ и топорамъ, чудно работали. И хороши были ночи въ небольшой комнатѣ, гдѣ въ повалку спали десятки людей, съ теплыми тѣлами, которыя грѣли, какъ ласка... Вспоминалъ ли онъ, когда

былъ на побѣгушкахъ, или когда терся подлѣ взрослыхъ, вспоминалъ ли онъ время, когда ѣздить извозчикомъ, и въ тяжеломъ армякѣ, съ твердой, какъ желѣзо, шапкой на головѣ, носился цѣлыя ночи до утра,—все теперь казалось въ пѣсняхъ. Пахнулъ армякъ, широкій и свободный, тяжелая шапка мнилась изъ золота, а холодныя ночи, и мокрая, и звѣздная, съ чуткою улицей, пугливо вздрагивавшей отъ каждаго шороха, были какъ не отъ міра, и вѣрилось—не могли уже повториться. Время, время, гдѣ оно?

— Городъ огромный, все чаще думалось ему, я убѣгу отсюда.

И чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ невыносимѣе было видѣть всѣхъ несчастныхъ, которые собирались въ этомъ большомъ дворѣ, ни своего нищаго хозяина, который каждый разъ бѣгалъ въ какой-нибудь уголъ, чтобы вправить выпавшую грыжу, и, возвращаясь, говорилъ ему:

— Я не знаю, Нахманъ, зачѣмъ я еще живу. Увѣряю тебя, Нахманъ...

Въ послѣдніе дни, это было окончательно рѣшено имъ, и всѣ приготовленія къ бѣгству изъ этой улицы были сдѣланы

— Если бы ты, Нахманъ, хотѣлъ пожалѣть меня,—робко говорилъ хозяинъ.

— Я уйду, хозяинъ,—спокойно возразилъ Нахманъ.

Въ темнотѣ раздались его увѣренные шаги. Хозяинъ долго глядѣлъ ему вслѣдъ.

II.

Городъ спалъ.

Съ правой стороны, у самого начала его окраины, гдѣ начинались еврейскіе кварталы съ ихъ убогими, и

какъ будто нарочито старыми, неустроенными домами, уже пронесся долгій, хлопотливый шумъ.

Огромная площадь, размѣстившая въ своихъ углахъ до тридцати тысячъ душъ нищеты, тревожно волновалась. Наступало снова утро труда, службы большому городу, который и во снѣ оставался повелителемъ.

Городъ спалъ. Каждый въ кварталахъ окраины уже былъ на посту. Съ восходомъ¹ солнца, угрюмые, сонные, усталые, съ мечтой о спасеніи,—они принимались за трудъ, но каждая мысль, каждое усиліе вмѣстѣ съ глоткомъ грязнаго воздуха, которымъ дышали здѣсь, все-таки шли на устроеніе огромнаго города, на созданіе его довольства, культурности, благоустройства. Подобно чудовищному насосу, хитроумно устроенному, городъ высасывалъ изъ окраинъ все, что можно взять у человѣка: силу и мощь, трепетаніе мысли, размахъ души взволнованной, печаль уставшей души, и претворялъ все это въ пышное расцвѣтаніе, въ красоту, теперь лежавшую въ его улицахъ, въ его садахъ, въ его театрахъ и зданіяхъ, во всемъ, чѣмъ онъ жилъ, о чемъ мечталъ...

Непобѣдимый,—онъ поддерживалъ всѣми своими могучими силами, всѣми орудіями своей изобрѣтательности положеніе, по которому десятки тысячъ рабовъ работали на него, думая, что дѣлаютъ собственную судьбу. И эти десятки тысячъ изъ окраинъ, и тѣ тысячи, которымъ онъ позволялъ ютиться въ своихъ владѣніяхъ, всѣ наперебой, вырывая другъ у друга право быть сегодня счастливымъ, съ радостью отдавали ему все: безсильныхъ стариковъ и старухъ,

юношей здоровыхъ, цвѣтущихъ, и дѣвушекъ для разврата, для услугъ.

Величавый, своими уютными, красиво построенными монументальными зданіями и домами, своими музеями и храмами искусствъ, своими церквами, синагогами, мечетями, костелами, своими правильными улицами, великолѣпными лавками, изящными базарами для довольныхъ и сытыхъ,—онъ мирно спалъ, и задумчивые глаза его оконъ безъ тревоги глядѣли на окраины, гдѣ надъ домами уже за клубился дымъ отъ [печей, а на улицахъ шла борьба за него и для него.

Еврейская окраина стояла вправо, и три рынка, подобно житницамъ, соединяли съ ней городъ. Первымъ въ сторонѣ начинался клинообразный, старинный Толкучій Рынокъ,—наслѣдіе, нѣкогда взрощенное, нищенской культуры. Здѣсь пріютились ничтожныя строенія, лавочки, цирюльни для простонародья, бараки со старой мебелью, будочки съ поношеннымъ платьемъ; здѣсь съ утра до ночи стояли, толкаясь, солдаты, босяки, старьевщики, бабы, пріѣзжіе мужики въ свиткахъ, и среди нихъ шныряли воры, взрослые и подростки, здѣсь продавались всевозможные предметы, бывшіе въ употребленіи, и ласки любви, грязными, пьяными, больными существами,—весь день носился гулъ голосовъ торговцевъ, покупателей, обманутыхъ простаковъ и избитыхъ,—и этотъ всеобщій базаръ, краснорѣчивыми, пылающими словами, кричалъ о безсиліи человѣчества. Все обиженное судьбою, все некультурное и преступное сходило здѣсь. Одинъ часъ въ этомъ вертепѣ бѣдноты, среди несчастныхъ, животноподобныхъ людей,—и словно скалы обрушивались на вѣру въ человѣка.

Грабежъ среди бѣлаго дня, обманъ, варварское издѣвательство, трусость и гнусная смѣлость, бездонное мучительство за каждый грошъ,—что могло возродить эти

невинныя жертвы, какой святой огонь могъ ихъ привлечь?

Слѣва выростали крыши Стараго рынка, съ городскими часами посрединѣ. Раздѣленный улицей на двѣ половины и окруженный низенькими домами, гдѣ жить небогатый людъ,—онъ соединялся, словно мостомъ, однимъ оживленнымъ кварталомъ съ третьей житницей—Еврейскимъ Базаромъ. Здѣсь пріютился музей нищеты. Широкий и разбросанный, базаръ этотъ, подобно гигантскому удаву, мощнымъ полукольцомъ прижался къ еврейской окраинѣ и вмѣстѣ съ ней, погруженный въ грязь и бѣдноту, жилъ жизнью труда и униженія. Какіе странные, выбывшіе изъ строя люди собирались здѣсь. Больныя старухи и неспособные старики сидѣли длинными рядами подлѣ своихъ корзинокъ, и среди этой печальной толпы, словно на утѣху въ горѣ, бродили нищія, калѣки, втискивая въ общій шумъ свои заунывныя жалобы. Въ глубинѣ обширныхъ дворовъ, подъ навѣсами и безъ нихъ, стояли торговцы въ мясныхъ, бакалейныхъ и овощныхъ лавкахъ. Въ рыбномъ ряду, у повозокъ и корзинокъ, подлѣ живой и битой птицы, сидѣли торговки, инныя съ грудными дѣтьми на рукахъ, и зычнымъ голосомъ выкрикивали свой товаръ. Еще дальше, вонъ изъ дворовъ, начинались ветхіе дома окраины, пріютившіе въ своихъ норахъ базарный людъ, фабричныхъ рабочихъ работницъ, реме сленниковъ и живущихъ съ воздуха. А среди нихъ, какъ очаги заразы, то тамъ, то здѣсь, яркими цвѣтами своихъ фонарей, кричали дома терпимости, гдѣ измученный народъ искалъ забвеніе отъ жизни.

Утро выросло. Въ томъ оживленномъ кварталѣ, который соединялъ Старый рынокъ съ Еврейскимъ, день уже давно начался, и улица была запружена народомъ—крестьянами изъ ближайшихъ деревень, колонистами

нѣмцами и ихъ подводами. Стоялъ базарный день. Большая лавки ломились отъ покупателей, которые входили, выходили, возвращались снова, и странными пріемами, точно были лошадиными барышниками, совершали покупки. Въ воздухѣ пахло сырой соломой и пометомъ. Вдоль узкихъ тротуаровъ отъ начала до конца улицы, разложивъ свои товары на землю, стояли мелкіе торговцы-евреи, и дикими голосами, требующими и молящими, остаивали крестьянъ. Изъ Старого рынка, каждый разъ набѣгали волны смѣшанныхъ звуковъ, кричали гуси, въ клѣткахъ пѣли пѣтухи, привязанныя у телѣгъ мычали коровы долго и протяжно, и будто звали вонъ отсюда въ поле, на траву.

Стѣва звенѣлъ еврейскій базаръ голосами своихъ торговцевъ, и на этой огромной площади жизнь была ключомъ.

Прислонившись вплотную къ стѣнѣ дома, старикъ Шлойма заканчивалъ спѣшную работу, которую долженъ былъ сдать къ девяти часамъ. Онъ былъ высокій, съ широкой и длинной, сѣдой бородой, съ крупнымъ носомъ, крупными чертами лица, сидѣлъ безъ шапки, безъ сюртука, и отъ взмаховъ руки, сквозь разстегнутую рубашку открывалась его худая грудь, густо заросшая волосами. Теперь, повернувъ сапогъ голенищемъ къ землѣ, онъ аккуратно забивалъ деревянные гвоздики въ подошву, и каждый разъ вскидывалъ поверхъ очковъ глаза на солнце.

— Доброе утро, Шлойма,—раздался подлѣ него женскій голосъ.

Онъ поднялъ глаза, сейчасъ же опустилъ ихъ и пробормоталъ:

— Это вы, Сима,—доброе утро.

Женщина прошла дальше, но сейчасъ же вспомнила о чемъ-то, и вернулась назадъ. Она была худая, съ

большимъ, больнымъ животомъ, вѣчно лечилась а по субботамъ, боясь пропустить врача для бѣдныхъ, дежурила въ лечебницѣ, съ ранняго утра до двухъ часовъ дня, когда онъ пріѣзжалъ. Сгигаясь подъ тяжестью двухъ корзинъ, которыя несла на согнутыхъ локтяхъ, выпятивъ животъ и задыхаясь, она рассказывала Шлоймъ длинную исторію о своемъ бѣдномъ мальчикѣ. Шумъ кругомъ звенѣлъ, какъ колоколь надъ ушами, и стараясь слышать собственныя слова, она громко кричала, будто Шлойма былъ глухъ.

— Это вамъ нравится,—нѣсколько разъ начинала она и обрывалась. Развѣ нѣтъ суда? Въ городѣ долженъ быть старшій, городъ не можетъ быть безъ старшаго...

— Говорите ясно,—перебилъ ее Шлойма своимъ ровнымъ голосомъ.—Вы потеряете день...

— Ну вотъ, и нашла васъ,—произнесла вдругъ какая-то женщина, остановившись подлѣ Симы, и продолжала, будто Сима была свободна и слушала ее,—куда вы дѣвались? Вы разговаривали съ Шлоймой. Оставьте этого еврея. Здравствуйте, Шлойма. Что ваша дочка?

Веселая, бойкая, съ живыми смѣющимися глазами, она какъ будто дышала въ этой суетѣ особеннымъ воздухомъ и опьянялась имъ. Толпы людей, стоявшія, ходившія, сидѣвшія, возбуждали ее, и ей жадно хотѣлось успѣть бросить всѣмъ встрѣчнымъ слово, всѣмъ рассказать, что ей пріятно, весело, что она сама веселая, пріятная, и что быть здѣсь подъ огромнымъ солнцемъ, съ людьми, — чудная радость. Она говорила, тараторила, пожирала глазами всю улицу, всю суету, схватывала на лету чужіе разговоры, бросала слова, мечтая только о томъ, чтобы затронуть побольше людей.

—Идемъ, идемъ,—повторяла она, безцеремонно таща Симу за руку.—Смотрите, какъ сегодня весело здѣсь. Я сказала бы—свадьба. А что тамъ? Ссорятся—нѣтъ,

кажется, дерутся. Мой Господь, чего же вы стоите,—деревянная вы.—Она побѣжала съ своими корзинами, крича: „смотрите же, не потеряйте меня“,—а Сима, съ трудомъ поднимая плечи и качая головой, сказала:

—Эта еврейка, Шлойма, просто казакъ, а не женщина. Спросите ее—чего она радуется. Отъ камня скорѣе добьетесь отвѣта. Веселая женщина. Вотъ на дняхъ ея старшій сынъ попался въ кражѣ....

—Время не стоитъ,—повторилъ Шлойма, не глядя на нее.

—Я потеряла свою жизнь, Шлойма,—что мнѣ день. Пятнадцать лѣтъ я борюсь съ корзинами, которыя хотятъ притянуть меня къ землѣ,—что значить для меня лишній день. Вамъ слушать,—горе у меня. Имѣйте хоть терпѣніе. У меня четыре дочери и одинъ сынъ—дурачокъ. Кто нашъ богъ? Эти двѣ корзины. Не они меня—я ихъ ношу. Я должна кормить монхъ дѣтей, Шлойма, хоть и большихъ, но дѣтей, всетаки дѣтей. Теперь столяръ выгналъ моего сыночка. Конечно, мой Мехеле не хватаетъ звѣздъ съ неба, но сдѣланный столъ или шкафъ вѣдь тоже не звѣзда. И пропалъ у сыночка годъ службы....

—Ступайте къ столяру и вырвите у него глаза,—произнесъ Шлойма, оглядывая ее.

—Теперь въ домѣ драки,—продолжала Сима съ ужасомъ въ голосѣ.—Сыночку негдѣ спать, дѣвушки его бьютъ, и онъ плачетъ.... Скажите вы, съ братомъ стыдно спать? Такъ я сплю съ нимъ. Ну, а старшая моя, кажется, забеременѣла отъ шапочника.

У нея вдругъ набѣжали слезы и потекли по морщинамъ. Прохожіе толкали ее, но она не падала и передвигалась съ корзинами, будто тѣ были костылями и поддерживали..

—Смотрите, сколько здѣсь людей,—дрожка губами,

выговорила она,—и никто не может мнѣ помочь. Вотъ они бѣгаютъ, суетятся,—я тутъ между ними, а имъ до меня дѣла нѣтъ.

—Идите уже, идите, добрая женщина,—произнесъ Шлойма, еще разъ оглядывая ее.—Развѣ вы одна такая въ городѣ? Даже смѣшно было бы, если бы вы не имѣли больного живота, или если бы ваши дѣвушки пошли къ вѣнцу. Ну и пусть ихъ вѣнчаетъ черная ночь. Идите, добрая дурочка, и не мучьте меня своими рассказами. День и великій и маленькій. Крикните Богу, можетъ быть, Онъ послушается. Скажите ему: Господи, сними съ человѣка наказаніе нищеты.

Онъ застучалъ молоткомъ, а Сима, постоявъ, не скажетъ ли Шлойма еще чего-нибудь, поплелась, медленно переступая.

День совсѣмъ наступилъ. Люди, потные и озабоченные, шли нестройно, поддаваясь натиску сзади. Торговцы мелкимъ товаромъ уже охрипли отъ криковъ. Торговки, устроившись на самодѣльныхъ сидѣнїяхъ, собирались завтракать. Шумъ переходилъ отъ большихъ лавокъ къ рынкамъ. Пробѣгали конки, переполненные чиновниками, гимназистами, конторщиками, на дрожкахъ развѣзжали люди, которымъ здѣсь завидовали. Усталость овладѣвала всѣми,—покупателями и торговцами. Изъ дворовъ уже неслись пѣсни нищихъ, оплакивавшихъ еврейскую жизнь трогательными, дрожащими голосами,—и они, какъ плачь беззащитнаго ребенка, вызвали печаль на душѣ.

—Скажи Ему,—думать съ сарказмомъ Шлойма,—сними съ человѣка проклятіе нищеты.

Кто-то тронулъ его за плечо.

—Ну вотъ,—пробормоталъ онъ, недовольный...

Очень хорошо,—произнесъ глухимъ голосомъ худенькій человѣкъ съ плоскими плечами, протягивая Шлоймѣ

одинъ палець, и тотъ его тронулъ своимъ,—вась я ищу. Вотъ видите этого человѣка, ради него вы мнѣ нужны. Доброе утро, Шлойма. Стучите молоткомъ? Стучите, стучите,—здѣсь вѣдь ужасно тихо.

Онъ засмѣялся и раскашлялся сквернымъ кашлемъ чахоточнаго, а кто-то подлѣ него произнесъ крѣпкимъ голосомъ, потирая руки:

—Веселенькій день, честное слово. Хотѣлъ бы имѣть половину того, что здѣсь раскрадуть сегодня.

—Куда ты, Хаимъ?—произнесъ Шлойма, когда чахоточный успокоился.—Кто это съ тобою?

—Дайте передохнуть, Шлойма. Вы разсмотрѣли этого человѣка? Его зовутъ Нахманомъ. На дняхъ онъ бросилъ службу, и, если бы вы знали почему, то даже вашъ молотокъ покраснѣлъ бы. Теперь онъ рѣшилъ сдѣлаться торговцемъ въ ряду, и ищетъ компаньона. Можетъ быть, вы знаете кого-нибудь?

Нахманъ стоялъ потупившись, словно только-что почувствовалъ стыдъ за себя. Шлойма внимательно посмотрѣлъ на него и пробормоталъ:

—У этого парня славное лицо.

—Я жду, Шлойма,—съ нетерпѣніемъ произнесъ чахоточный.

—Найдется человѣчекъ. Зайди съ нимъ ко мнѣ вечеромъ, и тогда поговоримъ. Что у тебя слышно? Куда ты самъ бѣжишь?

—Бѣгу,—повторилъ чахоточный,—я бы летѣлъ, не будь пяти. Не слышали моего счастья? Нѣтъ? Не можетъ быть. Вѣдь мой лейпцигскій билетъ выигралъ двадцать четыре рубля! Что скажете, Шлойма? Одна пятерка помѣшала. Будь вмѣсто нея шестерка, и вотъ въ этомъ карманѣ теперь лежало бы десять тысячъ марокъ. Положимъ, я таки не спалъ отъ досады всю ночь, но вѣдь уже началось. Уже началось, я вамъ говорю.

—Ну, а что слышно на фабрику?—спросил Шлойма.

—Фабрика все стоит. Что ей?

—А ребята?

—Ребята? Вы спрашиваете, как ребенок. Ребята голодают, дѣти голодают, женщины голодают...

—Ты самъ не быть замѣшанъ?..

Чахоточный внимательно посмотрѣлъ на старика и опустил глаза.

—Я не такой дуракъ,—сухо выговорил онъ.—Я вѣрю въ лейпцигскій билетъ. Я чахоточный, и жена моя стала чахоточной отъ этого проклятаго табака, и теперь намъ все равно,—слышите, все равно. Даже, если бы городъ провалился. И я ниво что не мѣшаюся. Они здоровые, молодые, смѣлые, а я боюсь. Я даже кровью начинаю плевать отъ страха. Я хочу работать, какъ вы—жить. Но ребята меня не пускаютъ, я не иду. И ничего больше.

—Но ребята вѣдь правы.

—Конечно,—слабый всегда правъ. Я съ женой зарабатываю копеекъ семьдесятъ или восемьдесятъ въ день, но у насъ нѣтъ дѣтей, и мы хорошо приучили себя голодать. Дошло до того, что предложили тридцать копеекъ съ тысячи папирозъ. Однако, ничего не поможетъ,—мы сдадимся!

Онъ выкрикнулъ послѣднія слова, и торговка, сидѣвшая недалеко, вдругъ, словно въ нее выстрѣлили, поднялась съ мѣста и подошла къ нему.

—Вы говорите о папиросникахъ, объ этихъ шарлатанахъ, разбойникахъ,—сразу волнуясь, начала она.—Мой сынъ вѣдь тоже съ ними, будь онъ проклятъ! Мать не смѣетъ говорить. Вы думаете, я не пошла бы донести, если бы не боялась его. Хорошо или плохо

платять на фабрикѣ,—но платять. Развѣ мнѣ хорошо? Я зарабатываю сорокъ копеекъ за цѣлый день на улицѣ, —кто слышитъ отъ меня жалобу? Поднять голосъ на этихъ людей. На этихъ 'высокихъ людей. Съ кѣмъ эти шарлатаны хотятъ бороться?...

— Конечно, конечно,—поддержала ее съ мѣста соседка, толстая старуха,—мы должны жить и держать шапку въ рукахъ...

— Мы здѣсь у себя, — упрямо выговорилъ Нахманъ.

— Кто ты такой,—разсердилась женщина.—Мы? Кто мы, простакъ? Гдѣ у себя? Ты думаешь, что съ дурую имѣешь дѣло, если я торгую на базарѣ... Нужно сидѣть тихо, говорить тихо, думать тихо, чтобы никто насъ не замѣтилъ. Понизили цѣны,—просите, шарлатаны! На колѣняхъ стойте и не вставайте, пока не выпросите. Семьи мучатся, съ большими и малыми дѣтьми, и желѣзное сердце разорвалось бы смотрѣть на нихъ. Пройдитесь по домамъ,—услышите плачь.

Вокругъ нея стали собираться женщины, и лишь теперь, при свѣтѣ солнца, одѣтыя, какъ нищенки, онѣ открылись во всей своей ужасающей отверженности. Будто потревоженные слѣпыя стояли онѣ. Чѣмъ дальше говорила первая торговка, тѣмъ тѣснѣе прижимались онѣ другъ къ другу, испуганныя правдой ея словъ, и качали головами и двигали руками, будто женщина говорила то самое, что каждая думала про себя, и что

непремѣнно нужно было сказать. Погрязшія въ своихъ привычкахъ, дикія, почти безумныя, оторванныя отъ міра и чуждыя новой жизни, косныя,—онѣ готовы были закричать отъ страха, проклясть этихъ молодыхъ, непокорныхъ ни имъ, ни кому изъ людей. У каждой изъ нихъ была своя вражда къ молодежи, и теперь онѣ предавали собственныхъ сыновей, со всею страстью хранителей стараго преданія, увѣренныя, что поступаютъ свято, что борются за лучшее. На ихъ глазахъ мѣнялась жизнь, ломала и коверкала вѣковые устои, но они, какъ мраморные памятники, оставались нетлѣнными, и время было бессильно надъ ними...

— Я говорю,—давно уже шамкалъ старичокъ, торговавшій свѣчами въ разнось, обращаясь то къ Шлоймъ, то къ женщинамъ,—и его поддерживалъ керосинщикъ,—нужно набрать воды въ ротъ и молчать. Когда мы сподобимся увидѣть землю Израиля,—то тамъ разверзнутся наши уста, и мы вспомнимъ обо всемъ.

Разговоры сразу утихли. Что-то огромное, болѣе свѣтлое, чѣмъ день, на мигъ ослѣпило всѣхъ. Улица кипѣла,—выкрикивали, торговали, клялись, и только здѣсь, въ этой кучкѣ, происходило великолѣпное и трогательное, вызывавшее на глаза слезы печали. Слово не произносилось. Одно священное имя земли Израиля покрыло всѣ слова и зазвучало дорогимъ, радостнымъ лозунгомъ. Скрылся базаръ съ его суетой, гдѣ люди изъ поколѣнія въ поколѣніе жили въ ожиданіи грядущаго исхода, и только какъ что-то временное, неизбѣжное творили жизнь,—и въ блестящемъ ясновидѣніи мелькнула благословенная страна, текущая млеко и медомъ, съ своими чудными библейскими образами, опоэтизированными страстной тоскою по родинѣ,

которой они не знали, какъ сироты своей матери. И только Шлойма не поддавался общему настроенію и, каждый разъ, какъ бы порывался говорить.

Израиль, — задумчиво выговорилъ Нахманъ и Хаимъ повторилъ.

— Я оглядываю жизнь, — произнесъ вдругъ Шлойма, бросая молотокъ къ ногамъ, — и спрашиваю: гдѣ воля, гдѣ мощь, гдѣ сила человѣка? Не говорите мнѣ „они“, не говорите мнѣ „ми“. Это старья сказки для женщинъ и дѣтей. Они — мы, мы — они, и это то же самое, что вода въ рѣкѣ или вода подъ землею.

Послышались вздохи. Кто-то робко запротестовалъ. Первая торговка всплеснула руками, бросила взглядъ на небо и пошла на свое мѣсто.

— Вы скрежещете зубами, — съ ироніей продолжалъ Шлойма, оглядывая толпу, — а я ихъ изломалъ уже отъ гнѣва. Вы, старые, больные, израненные, колодцы заботъ и страданій, — къ вамъ будетъ мое слово. Вотъ рождается человѣкъ. Ему нужно все, ему нуженъ весь міръ. Такъ хотите и вы, — но не можете. У стола съ тонкими блюдами, у дверей хорошаго дома стоите вы и — голодные, безпріютные — плачете. И вотъ, спрашиваю: гдѣ воля, гдѣ сила, гдѣ мощь ваша?

Онъ сбросилъ сапогъ съ колѣнъ, съ волненіемъ поднялся и съ воодушевленіемъ сказалъ:

... — Нищеты не должно быть! Нищеты не должно быть!... Каждый изъ васъ одинокъ, и по своему думаетъ онъ. Одинъ говоритъ: грѣхи народа моего иску;

паемъ мы. Другой говорить: какъ овцы, покорны должны мы быть. Иной говорить: въ Сіонѣ мы будемъ...

Но никто не говорить: нищеты не должно быть...

— Это сумасшедшій!—съ ненавистью въ голосѣ крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Прежде такого забили бы камнями, а теперь онъ отравляетъ міръ своимъ ядовитымъ словомъ. Уйду, чтобы мои уши не слышали. А еще старый, почтенный съ виду челоуѣкъ. Вотъ почему насъ не любятъ, вотъ почему насъ бьютъ.

И, криво какъ-то толкаясь и пошатываясь, челоуѣкъ этотъ вышелъ изъ толпы,—остановился на мигъ передъ Шлоймой, злобно посмотрѣлъ на него, плюнулъ, и такъ же криво, пошатываясь, двинулся по улицѣ. И долго видно было, какъ онъ качалъ головой и размахивалъ руками. Недовольная толпа неохотно расходилась и ворчала. Возлѣ Шлоймы осталась только маленькая дѣвочка, державшая въ рукахъ двѣ картонки съ дамскими шляпами...

Нахманъ и Хаимъ уже шли своей дорогою, и первый взволнованно говорилъ:

— Я дышалъ здѣсь сильнѣе, Хаимъ, но послѣ Шлоймы у меня какъ будто выросли крылья. Какъ хорошо здѣсь!.. Увѣряю васъ, мнѣ хотѣлось бы теперь бѣгать, кричать, прыгать. Не понимаю, что со мною.

Его охватило такое волненіе, что слезы выступили на глазахъ. На улицѣ опять кипѣло, и, словно огненные

брызги, вырывались отдѣльные голоса изъ могучаго хора толпы. Чудесной музыкою неслись соблазнительныя рѣчи торговцевъ мелкимъ товаромъ, и въ эту минуту ему показалось; что нѣтъ и не можетъ быть вышшаго наслажденія, какъ любоваться своимъ товаромъ, ловко раскладывать его передъ покупателемъ, такъ же ловко складывать и отдавать его за деньги чужимъ людямъ. И чего здѣсь не было! Какъ на ярмаркѣ, прямо на землѣ валялись матеріи, ситцы такихъ веселыхъ и свѣжихъ рисунковъ, занавѣси, ленты и платки, куклы, игрушки, всевозможные дешевые товары,—все пестрое, цвѣтное, красивое, и какъ будто ничего не стоившее, задирало прохожихъ, вызывало жадные взгляды, оставляло. И крѣпко хотѣлось Нахману самому очутиться среди этой толпы торговцевъ, вольныхъ и свободныхъ, и отдать ихъ хору своей молодой голосъ. Хотѣлось разговаривать съ этими женщинами, дѣвушками, которыя въ страсти, оглядываясь, волнуясь и тайно восхищаясь,—брали въ руки матеріи, со вздохомъ бросали и вновь брали, побѣжденные дешевизною. Хотѣлось разговаривать, цѣловать этихъ милыхъ дѣтей, такихъ же бѣдныхъ, какъ и ихъ матери, сестры, и отдать имъ всѣ игрушки, всѣ пустячныя вещицы, безъ которыхъ такъ тяжело было уйти отсюда.

— Не понимаю, Хаимъ, что со мною,—повторялъ онъ,—а Хаимъ, тонко улыбаясь, отвѣчалъ:

— Подождите, Нахманъ,—крыльевъ здѣсь не любятъ, какъ у домашней птицы. Ихъ обрѣзываютъ...

А улица все кричала и говорила...

Покупатели торопливо и нетерпѣливо, все развязнѣе, будто угрожая, покупали. И торговцы, испуганные угрозою, боясь не продать, тоже громко и развязно, но немедленно уступая, кричали, спорили, бѣгали за покупателемъ, сердились и проклинали вслухъ себя, свое

занятіе, и, мучась и волнуясь, творили что-то до-нельзя гадкое, обидное—свою жизнь.

III.

Въ первое воскресенье Нахманъ, выждавъ вечера, отправился къ Шлоймъ. Когда онъ вошелъ въ улицы окраины, миновавъ Толкучій Рынокъ, то сразу какъ бы попалъ въ другой міръ. Тамъ, сзади, откуда онъ пришелъ, ночная жизнь города только начиналась, и люди въ блескѣ жемчужнаго свѣта отъ электрическихъ солнць и ауэровскихъ горѣлокъ, казалось, выступали, какъ радостныя видѣнія, какъ триумфаторы. Съ побѣдительнымъ звономъ летѣли конки, и лошади отчетливо выбивали подковами по мостовымъ, закованнымъ въ гранить,—мчались кареты на шинахъ, и чудныя женщины шли навстрѣчу, и всѣ улыбались. Высокіе ряды домовъ, изящныхъ, хрупкихъ, державно протянулись своими освѣщенными окнами, въ которыхъ мелькали державные люди, свободные, счастливые. Все казалось великолѣпнымъ, живописнымъ, и гуляющіе почтительно разступались другъ передъ другомъ, точно отдавали честь себѣ, — виновникамъ этого великолѣпія, этой фееріи.

Въ окраинѣ стояла глухая темнота, и сами голоса людей на неровныхъ грязныхъ тротуарахъ и немощенныхъ улицахъ казались также глухими и прибитыми. То тамъ, то здѣсь, какъ потерявшіеся во мракѣ, кучками и въ одиночку, съ криками и непонятнымъ весельемъ, играли дѣти. Женщины чинно вели бесѣду у воротъ, а возлѣ каждой дѣвушки шелъ юноша.

Окраина казалась безконечной. Изъ улицы въ переулокъ, изъ переулка въ улицу, подобно волшебной игрушкѣ, она какъ будто кончалась вдругъ, но черезъ

минуту опять открывалась, и нельзя было понять, гдѣ ея границы. Дома становились ниже, будто, чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ больше вросали въ землю, исчезали рѣдкіе фонари. На улицѣ стояла вонь отъ неубранныхъ отбросовъ, отъ воды, гнившей въ вѣчныхъ лужахъ.

Странное чувство охватило Нахмана, когда онъ вошелъ во дворъ, гдѣ жилъ Шлойма. Одноэтажный, съ длинными флигелями, онъ раскинулся на четыре улицы, размѣстивъ въ своихъ убогихъ квартиркахъ сотни людей. Дворъ былъ широкій, необъятный, и въ немъ, въ темнотѣ похожія на огромные камни, стояли повозки, биндюги, врѣзавшись колесами въ липкую грязь, которая здѣсь никогда не высыхала. Изъ конюшенъ неслись фырканіе лошадей, мычаніе коровъ.

— Гдѣ здѣсь Шлойма живетъ?—обратился Нахманъ къ мальчику, шедшему ему навстрѣчу съ ведромъ.

— Шлойма? — переспросилъ тотъ и остановился, — какой? Тутъ ихъ много. Есть „нашъ Шлойма“, есть Шлойма буць, Шлойма халатъ, Шлойма картежникъ...

— Мнѣ нуженъ Шлойма - сапожникъ,—съ улыбкой перебилъ его Нахманъ.

— А, „нашъ Шлойма“. Я сейчасъ догадался. Идите прямо. У дверей увидите кадку съ водою.

Нахманъ пошелъ вдоль лѣваго флигеля, и теперь у каждой квартиры его спрашивали: вы къ нашему Шлоймѣ? Прямо, прямо. Тамъ кадка у дверей. Но его, кажется, дома нѣтъ.

Когда Нахманъ добрался до кадки, онъ уже былъ весь въ грязи. Изъ второй комнатки шелъ свѣтъ въ раскрытую дверь. Нахманъ тихо вошелъ. Въ низенькой комнаткѣ, съ однимъ оконцемъ на улицу, сидѣли три женщины. Двѣ громко разговаривали, а третья слушала, мечтательно опершись головою о стѣну. При видѣ мужчины, молчавшая вдругъ вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Кто тамъ?—съ безпокойствомъ спросила вторая женщина, поднимаясь.

— Отчего вы испугались?—удивился Нахманъ.

— Вы къ нашему Шлоймъ,—догадалась она.—Садитесь, онъ сейчасъ долженъ прійти.

Она подошла къ той, которая сидѣла, закрывъ руками лицо, и стала съ ней шептаться, каждый разъ указывая на Нахмана. И, когда та улыбнулась, то громко сказала:

— Вы видите, какъ скоро я ее успокоила. Я умѣю съ нею разговаривать... Вотъ Неси не умѣетъ.

Нахманъ посмотрѣлъ на дѣвушку, сидѣвшую въ стонѣ у стѣны, и вспыхнулъ. Ей могло быть не болѣе семнадцати лѣтъ, но что-то задорное, дерзкое, удивительно пріятное свѣтилось въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ жестѣ.

— Я не хочу умѣть,—упрямо произнесла она.—пусть это дѣлають другіе.

— Почему же она испугалась?—недоумѣвалъ Нахманъ, оглядываясь на поразившую его дѣвушку и сердясь на себя.

Неси, почувствовавъ, что нравится, нарочно отвернулась, а вторая, черноглазая, подхватила:

— Лея боится новыхъ людей,—она испуганная.

— Вотъ какъ,—произнесъ Нахманъ, небрежно оборачиваясь къ Неси,—кто же ее испугалъ?

— Ну вотъ и этотъ спрашиваетъ,—съ досадою выговорила Неси и надулась.

— Отчего же не спросить,—перебила ее черноглазая.— Я бы тоже спросила. Видите ли, Лея вышла замужъ по любви, а черезъ годъ ея мужъ умеръ на улицѣ отъ черной болѣзни. И тогда это у нея началось. Какъ нашъ Шлойма перенесъ ея горе, — спросите у сосѣдей. Онъ какъ будто еще выросъ въ нашихъ глазахъ.

— Это его дочь?—заинтересовался Нахманъ.

— Развѣ вы не догадались? Послѣ смерти мужа у Леи осталась дѣвочка...

— Хотѣла бы быть ею,—меланхолически произнесла Лея, вмѣшавшись.

— Слышите,—она хотѣла бы быть всѣмъ—только не собой.. Когда ея дѣвочка, добренькая, тихонькая, подросла, Лея стала уходить работать на фабрику. И Шлойма уходилъ, а дѣвочку оставляли у сосѣдки.—Она помолчала.—Дѣвочку убилъ пятилѣтній мальчикъ сосѣдки.

— Какіе ужасы,—промормоталъ Нахманъ, поблѣднѣвъ и растерявъ настроеніе.

— Эге,—выговорила она, не то со смѣхомъ, не то съ плачемъ,—не пугайтесь такъ. Тутъ бывають и похуже несчастія. Вотъ въ прошломъ году свинья загрызла девятимѣсячнаго ребенка, спавшаго въ комнатѣ въ корытѣ... Гдѣ была мать? Она работала.

Она еще разъ не то всхлипнула, не то засмѣялась, и вдругъ дѣловито спросила:

— У васъ дѣло къ Шлоймѣ?

— Хотѣла бы быть дѣломъ,—заупрямилась Лея.

— Да, дѣло,—разочарованно отвѣтилъ Нахманъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь? Работаете на фабрикѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я служилъ у хозяина, собралъ немного денегъ, а теперь ищу компаньона торговать въ рядахъ.

— Ага,—сочувственно загорѣлась черноглазая,—и у васъ уже началось. Всѣ хотятъ свободы въ жизни. На что уже тутъ худо намъ, но и мы мечтаемъ.

— Мечтаете,—также сочувственно произнесъ Нахманъ, стараясь не глядѣть на Неси, которая повернулась къ нему лицомъ.

— Теперь я вижу, что вы не здѣшніи. Мы играемъ—вотъ наша надежда. Если не билетъ—кто же за насъ? Проидитесь по окраинѣ, и въ каждой квартирѣ вы най-

дете билетъ лейпцигской лоттереи. Мы разоряемся,—но у насъ есть надежда.

Нахманъ жадно слушалъ ее, затаивъ дыханіе. Въ соседней комнатѣ слышались грузные шаги. Черноголазая насторожилась.

— Это мой мужъ,—проговорила она вдругъ упавшимъ голосомъ.—Онъ, кажется, пьянъ. Опять, значитъ, не заработалъ.

Она выбѣжала стрѣлою, не простившись, и сейчасъ же слышались грубая ругань и ея молящій шопотъ.

— Вотъ жизнь,—уныло произнесъ Нахманъ.

— Терпѣть не могу этихъ людей!—отозвалась Неси.— Всѣ хороши. Пьяницы, грубые, жадные... Иногда сижу и думаю: какъ же я такой стану? Буду мечтать о грошѣ, мужъ у меня будетъ больной, замученный, можетъ быть, пьяница, вотъ съ такой бородою, и отъ него будетъ пахнуть, какъ отъ помойной ямы.

— Вы правы,—проговорилъ Нахманъ, радуясь ея голосу и дерзкимъ словамъ.

— Этого не будетъ,—упрямо отчеканила она вдругъ:— я поклялась.

Въ комнату вошла новая дѣвушка, некрасивая, въ веснушкахъ, съ испуганными глазами. Вся она была желтенькая какая-то,—носила желтое платье, желтую ленточку въ волосахъ, желтые башмаки. И отъ нея вѣяло скукой, недоумѣніемъ человѣка, который не понимаетъ, какъ случилось, что и онъ существуетъ. При видѣ посторонняго, она, какъ вкопанная, остановилась на порогѣ и поманила Неси пальцемъ.

— Вотъ ты все сидишь здѣсь, — зашептала она,—а Абрамъ на улицѣ ждетъ тебя и чуть не плачетъ. Зачѣмъ мучить человѣка?

Она произнесла это съ жаромъ, и прибавила съ мольбой:

— Выйди, выйди, прошу тебя!

— Зачѣмъ я пойду?—громко говорила Неси,—и Нахману казалось, что она къ нему обращается.—Я не люблю маляровъ. Пойди сама съ нимъ, — вѣдь онъ тебѣ нравится.

Она внимательно оглядѣла ее и жесткимъ голосомъ проговорила:

— Можетъ быть, онъ въ тебя влюбится...

— Вотъ ты смѣешься,—поблѣднѣвъ, отвѣтила некрасивая,—я же скажу: если бы онъ могъ. Я бы, Неси, ради него домъ понесла на плечахъ. Я умираю отъ любви къ нему, и хотя онъ видитъ, но не можетъ... Вотъ и ленточки стала для него носить,—вотъ башмаки, въ зеркало гляжусь,—а онъ не можетъ. Я не злая, Неси, выйди къ нему.

— Не пойду,—разсердилась Неси,—ненавижу бѣдныхъ. Я бы, кажется, зарѣзалась, если бы влюбилась въ рабочаго.

— Отчего же ты съ нимъ ходила? — съ упрекомъ произнесла некрасивая, увлекая Неси въ первую комнату.

— Я не виновата, что нравлюсь,—послышался голосъ Неси.

Онѣ начали шептаться и сейчасъ же вышли. Нахманъ, оставшись одинъ, съ жуткимъ чувствомъ посмотрѣлъ на Лею. Она сидѣла какъ разъ противъ него, видимо, любовалась имъ и улыбалась. И, будто въ зеркалѣ, онъ видѣлъ, какъ она повторяла всѣ его движенія. Время томительно подвигалось.

— Меня ли она видитъ?—спрашивалъ себя Нахманъ, съ страннымъ чувствомъ, почти побѣжденный ею.

Ея взглядъ скользилъ, какъ лучъ, нѣжно, мягко, касался его лба, лица, и когда останавливался у глазъ, то вонзался въ нихъ.

— Уже поздно,—тихо проговорилъ Нахманъ, съ уси-
ліемъ повернувъ голову къ окну,—какая темная ночь.

— Хотѣла бы быть ночью,—таинственно произнесла
Лея.

— Какая странная жизнь здѣсь,—растерянно поду-
малъ онъ.

Новая сила шла на него отовсюду, отъ низенькой
комнаты, отъ двора, по которому онъ проходилъ, отъ
всѣхъ улицъ, сдавившихъ этотъ дворъ. Тамъ, гдѣ онъ
служилъ, онъ видѣлъ несчастныхъ людей, замученныхъ
трудомъ, заботами, но все же было что-то привязывав-
шее къ жизни, гнавшее жить. Здѣсь,—онъ точно въ
трясину попалъ. Живая жизнь казалась мутнымъ пото-
комъ, и люди, какъ отбросы, валялись на поверхности,
летѣли куда-то въ безумномъ стремленіи, и никто не
зналъ, куда.

— Вы любите дѣтей?—раздался вдругъ голосъ Леи.

Она уже глядѣла куда-то въ сторону, глядѣла
упрямо, точно тамъ въ сторонѣ стояло и манило что-
то одной ей извѣстное, дорогое.

— Я люблю,—отвѣтилъ Нахманъ, не узнавая своего
голоса.

— У меня была чудесная дѣвочка, золотистая, ла-
сковая и мягкая, какъ моя грудь. Сіяніе было на ея
лицѣ. Каждый волосокъ у нея былъ вытканъ изъ зо-
лота. И когда я приходила съ работы, она узнавала
меня, тянулась ручками и смѣялась. И нищета взяла
уменя мою золотистую дѣвочку,—нахмурилась она.—Они
говорятъ всѣ,—ее ребенокъ убили. Но я знаю, что это
неправда. Нищета одѣлась ребенкомъ и убила мою зо-
лотистую дѣвочку. Она прокралась къ самому слабому
мѣсту моему,—слабѣе, чѣмъ мое сердце... Она дала мнѣ
немного надышаться ею—а потомъ убила мою золоти-
стую дѣвочку. Она держала меня въ голодѣ и нарочно

сдѣлала безсильной, чтобы убить мою золотистую дѣвочку. Какъ орелъ загоняетъ голубку отъ гнѣзда, она угнала меня далеко на работу,—чтобы убить мою золотистую дѣвочку.

Она говорила и тихимъ причитаніемъ, печальнымъ, пѣвучимъ, заканчивала каждую фразу. Нахманъ слушала, и сердце его дрожало отъ жалости. Какимъ ничтожнымъ казалось ему отчаяніе, которое онъ испытывалъ въ послѣдніе мѣсяцы, послѣ отъѣзда Натана... Сидѣла полубезумная женщина и пѣла великую пѣснь о грозной силѣ нищеты въ народѣ... Какъ горы, ложилась эта пѣснь на душу.

— Ну вотъ и я,—произнесла Неси, вдругъ появившись на порогѣ, и будто снопъ свѣта вошелъ вмѣстѣ съ нею.

— Слава Богу,—съ радостнымъ облегченіемъ подумалъ Нахманъ.

— Я не виновата, что нравлюсь,—продолжала она невиннымъ голосомъ, — и ни для кого не оболѣю своего лица кислотой. Здѣсь, Шлойма, человекъ ждетъ васъ,—сказала она въ темноту, гдѣ кто-то возился.

— Сейчасъ зайду,—раздался его голосъ, — только ящикъ поставлю.

Нахманъ не отрывался отъ взволнованнаго лица дѣвушки. Теперь что-то дикое, сильное было въ ея движеніяхъ, когда она иногда оборачивалась къ Нахману и бросала на него быстрые взгляды.

— Я сейчасъ пойду домой,—громко говорила она, какъ бы рассказывая,—и подожду, пока всѣ уснутъ. Потомъ выйду за ворота и буду смотрѣть въ улицу, которая ведетъ въ городъ...

— Хотѣла бы быть имъ,—прошептала Лея...

Въ городъ,—продолжала Неси — и это походило теперь на сказку,—гдѣ такъ свѣтло ночью, что кажется,

онъ горить. И никто меня не увидить. Я буду смотрѣть на огни и мечтать о жизни...

— Ну вотъ и я,—произнесъ Шлойма, входя и обращаясь къ Нахману.—Кажется я тебя гдѣ-то видѣть.

— Да, въ рядахъ, я былъ тамъ съ Хаимомъ.

— Такъ, ты былъ съ Хаимомъ, теперь я вспомнилъ. Человѣчекъ нашелся, правда, не очень здоровый, не очень богатый, — но это то, что тебѣ нужно. Садись, мы еще поговоримъ.

Онъ подошелъ къ Леѣ, погладилъ ее по головѣ и нѣжно сказалъ:

— Ты бы легла. Уже поздно.

— Я лягу, отецъ,—покорно отвѣтила она.—Но я никому не мѣшаю.

— Пусть она посидитъ,—вмѣшалась Неси, — она и такъ лежитъ весь день. Шлойма вышелъ въ первую комнату, захвативъ съ собой лампочку, и черезъ минуту вернулся съ накрытой чашкой, поверхъ которой лежалъ хлѣбъ.

— Я поужинаю,—произнесъ онъ, а вы разговаривайте. Я вѣдь съ утра еще не ѣлъ.

Наступила тишина. Старикъ не спѣша ѣлъ. Лея, не раздѣваясь, начала укладываться, и Неси помогала ей.

— Ну я пойду уже,—со вздохомъ произнесла она, когда Лея закрыла глаза,—хочешь, не хочешь, а домой вернуться нужно. Достанется мнѣ отъ отца. Спокойной ночи!

Она на мигъ остановилась противъ Нахмана, пронзительно взглянула на него, перешла комнату и исчезла въ темнотѣ.

— Славная дѣвушка, — задумчиво проговорилъ Нахманъ.

— Дорогая,—отозвался Шлойма, отодвигая чашку отъ себя,—но тѣмъ хуже для нея.

— Почему же?—удивился Нахманъ. и покраснѣлъ.

— Дорогія—легче пропадаютъ. Вотъ Неси уже на пути... Сама она еще здѣсь, она ходитъ между нами, разговариваетъ, но душой уже тамъ, гдѣ ея гибель. Какъ дерево, брошенное въ воду, идетъ на поверхность, такъ и она уходитъ отъ насъ. Это рокъ.

— Можетъ быть, она еще раздумаетъ,—съ сомнѣніемъ произнесъ Нахманъ.

— Жизнь сильнѣе думъ,—холодно возразилъ Шлойма.—Ты видѣлъ, сколько домовъ въ нашей улицѣ?

— Какихъ домовъ?—удивился Нахманъ.

— Такихъ, — съ красными фонарями, съ освѣщенными окнами, съ музыкой. Они за нее думаютъ. Знаешь, сколько нашихъ дѣвушекъ въ домахъ? Половина. Гдѣ городъ набираетъ дѣвушекъ для улицъ? У насъ, только у насъ. Ты со мною не спорь. Я прожилъ шестьдесятъ лѣтъ и знаю, что такое нищета. Онъ задумался и такъ сидѣлъ долго. Лея спала. Нахманъ испуганно смотрѣлъ на старика, и какая-то внутренняя торопливость, отъ которой захватывало дыханіе, трясла его. Минутами ему хотѣлось встать и крикнуть: Чего вы меня держите? поговорите со мной о моемъ дѣлѣ и отпустите меня.

— Оставимъ ихъ,—произнесъ Шлойма, выходя изъ задумчивости.—Поговоримъ о тебѣ. Ты бросилъ службу...

— Сказать вамъ,—заволновался Нахманъ, точно ждалъ только перваго слова,—я почти жалѣю, что пришелъ сюда. Я столько слышался здѣсь въ эти два часа... Вотъ вы сказали: нищеты не должно быть. Теперь спрашиваю, какъ сдѣлать? Я былъ простымъ черноработчимъ,— правда, я учился въ дѣтствѣ,—но все же былъ черноработчимъ. Жизнь такъ велѣла. Потомъ сдѣлалось такъ, что я пошелъ служить,—но и тамъ не выдержалъ. Я говорилъ себѣ: нужно служить, жизнь вездѣ одна и та же; не помогало. Все-таки меня окружали люди, кото-

рые мучились. Я говорилъ себѣ: думай о службѣ, о службѣ, но вмѣсто этого думалъ о людяхъ, и они меня пугали какъ если бы лежали зарѣзанными въ моей комнатѣ. И я ушелъ...

Онъ говорилъ съ жаромъ, потрясенный тяготой, которую напелъ здѣсь. Вся жизнь за эти три года службы вставала теперь, словно живая. Какъ лишній грузъ, тянувшій къ землѣ его надежды, онъ выбрасывалъ изъ себя картины прозябанія на большомъ дворѣ, съ безсильными и искалѣченными людьми-работниками, и украшалъ эти образы своими мечтами о свободной жизни. Онъ рисовалъ ее прекрасной, свѣтлой, съ здоровыми юношами, съ здоровыми стариками, работавшими въ мѣру. И сладокъ и вкусенъ былъ каждый кусокъ хлѣба. Онъ видѣлъ ее свободной, безъ гнета и помыканія, и она вытекала отъ жажды силъ, вырвавшихся на волю—а дальше все выходило свѣтлымъ, прекраснымъ... Шлойма слушалъ, и въ глазахъ его горѣлъ огонь. Точно толпа стояла передъ нимъ и ждала его слова. Мѣнялся ритмъ его дыханія. Радостныя предчувствія овладѣвали имъ, охватывали и заливали его сознание. Образы ясные, образы выпуклые, осязаемые и осязаемые уже стояли въ душѣ, готовые вырваться.

— Выйдемъ отсюда, Нахманъ,—взволнованно произнесъ онъ,—здѣсь правда слѣпнетъ. Ты увидишь.

Онъ взялъ его за руку, и оба вышли. Старикъ шелъ быстро, лихорадочно.

— Ты увидишь,—бормоталъ онъ,—ты увидишь. Вотъ царство нищеты.

Во дворѣ было тихо. Угрюмые одноэтажные флигеля, придавившіе подвальные помѣщенія, протянулись по всеѣмъ сторонамъ. Подобные исполинскимъ червямъ, черные и отвратительные, они заползали въ сосѣдніе дома, напряживаясь буграми и извива-

ясь, и соединялись съ такими же флигелями, змѣеобразными, отвратительными. Въ квартирахъ-лачугахъ тушились огни, и большой, пустынный дворъ постепенно пропадалъ въ темнотѣ. Въ конюшняхъ фыркали лошади. И казалось, теперь страстная тоска бродила по двору, брела изъ квартиры въ квартиру; казалось, что-то живое, духъ печали, духъ состраданія стоялъ въ каждомъ уголкѣ и рыдалъ. Огромное небо, широкое, круглое, чистое поднялось безумно высоко, и оттого, что оно было такъ далеко, что было такое необъятное, широкое, чистое, здѣсь внизу, среди опустошенной жизни, тоска становилась еще страстнѣй,—будто погибали всѣ надежды.

— Здѣсь царство нищеты,—раздался голосъ Шлоймы,—смотри!

Онъ описалъ широкимъ жестомъ кругъ въ воздухѣ, и пошелъ вдоль лѣваго флигеля, останавливаясь у каждой лачуги.

— Вотъ квартира первая,—тихо сказалъ онъ,—квартира Бейлы. Торговка. Двѣ дочери работаютъ на фабрикѣ. По вечерамъ выходятъ на улицу. Голодають. Пойдемъ дальше. Вотъ квартира вторая. Три старухи калѣки. Живутъ подаянiемъ. Голодають. Пойдемъ дальше. Вотъ квартира третья, квартира Арона Биндюжникъ. Большая семья. Голодають. Квартира четвертая. Слѣпой Мотель. Дочь въ „домѣ“. Голодаеть. Квартира пятая. Столяръ—большая семья—голодають. Шестая. Маляръ—семья голодаеть. Седьмая. Сапожникъ—семья—голодаеть. Восьмая. Разнощикъ. Дочери продаются. Двѣ уже въ „домахъ“. Голодаеть. Квартира девятая. Воры. Квартира десятая. Шулерскій притонъ. Одиннадцатая...

— Довольно, довольно,—пробормоталъ Нахманъ.

— ... Пять дѣвушекъ. Сироты. Продаются. Голодають. Двѣнадцатая. Модистка Фрима. Чахоточная. Семья. Голодають.

Онъ выговаривалъ сухо и отчетливо, и было похоже, будто стучали костями. Слова соединялись, и строилось зданіе самаго большого несчастья, которое могло постигнуть людей. Нищета, голодь... Они бродили здѣсь на каждомъ шагу, проклятые, ненавидимые челоувѣкомъ, но сильные; они съ жестокостью вѣчнаго побѣдителя, беспощадно обрушивались на него, захватывая новыя и новыя поколѣнія, отъ которыхъ онъ не могъ отказаться. Нахманъ былъ подавленъ. Ему хорошо знакомы были нищета и голодь, въ которыхъ онъ выросъ, но никогда еще столь цѣльная, ужасомъ одухотворенная картина общаго несчастья, не становилась у него передъ глазами. И испуганный, измученный, онъ снова бросилъ вопль мольбы, страха.

— Довольно, Шлойма, довольно. Я умоляю...

Они стояли у воротъ, собираясь перейти къ другому флигелю.

— Хорошо,—сказалъ Шлойма, углубленный въ свои мысли,—выйдемъ отсюда. Но и тамъ не лучше.

Улица терялась вдали. Съ правой стороны городъ горѣлъ своими жемчужными огнями, а съ лѣвой темная окраина открывалась, точно опрокинутая. Оба пошли вдоль тротуара задумчивые, потрясенные. На углу Шлойма остановился. Послышались звуки фортепьянъ, и пѣсни были лихія, будто кричали развязными словами.

— Вотъ куда идутъ наши дѣвушки!—произнесъ Шлойма съ горячей ненавистью, поднимая руки и указывая,—смотри.

Нахманъ оглянулся. Во всѣ стороны, точно испуган-

ные, побѣжали низенькіе, старые дома, прижавшись другъ къ другу, какъ въ жестѣ мольбы. Подобно худымъ колосьямъ въ неурожай, не отягченнымъ зерномъ, они поднимались вялые и чахлые, и громко кричали о бѣдѣ. Казалось, несчастье, могучее и мстительное, пробѣжало въ этой сторонѣ, и разрушило высокіе просторные дворцы и сильныхъ, счастливыхъ людей, которые здѣсь были.

— И я говорю,—раздался вдругъ взволнованный голосъ Шлоймы: нищеты не должно быть!

— Пойдемъ, пойдемъ,—упорствовалъ Нахманъ,—я вѣрю вамъ.

— Въ желѣзѣ—сила,—сказалъ Шлойма,—но она есть и въ соломинкѣ. Силенъ тотъ, кто вѣритъ въ соломинку, ибо онъ вѣритъ въ самого себя. Соберите свои вѣры, обмѣняйтесь другъ съ другомъ, и она соединитъ васъ лучше, чѣмъ кровь—братьевъ. Вы, что говорите о горѣ, и вы, что жалуетесь на свою слабость, на свои болѣзни,—я утѣшу васъ всѣхъ. Споемъ пѣснь о единеніи,—и вы утѣшитесь. Вы, что съ мукой трудитесь, и вы, что голодаете и дрожите, споемъ пѣснь о людяхъ,—и вы утѣшитесь. Вы, что не вѣрите въ будущее, и вы, что бѣжите въ тюрьмы, вы, что отдаетесь разврату—слабые и сильные юноши и дѣвушки,—стройнымъ голосомъ споемъ пѣснь о единеніи,—и вы утѣшитесь. И первымъ словомъ этой пѣсни пусть будетъ: нищеты не должно быть.

Точно слѣпой, потрясенный внутреннимъ видѣніемъ, мощнымъ образомъ этой необъятной толпы, онъ про-

износилъ свои слова съ страннымъ припѣвомъ,—и Нахманъ, слушая, чувствовалъ, какъ что-то поднимаетъ его надъ землей, и отъ этого онъ испытывалъ радостное облегченіе...

Шлойма медленно повернулъ назадъ. Опять потянулась жалкая улица, съ домами, теперь еще болѣе жалкими, и въ открытыя ворота ихъ пугливо смотрѣли пустыри большихъ дворовъ. Оба молчали, не зная, что сказать другъ другу. Тѣнь, стоявшая у воротъ дома, гдѣ жилъ Шлойма, внезапно пропала, когда они подошли. Нахманъ похолодѣлъ и, стараясь не выдать своего вниманія и волненія, тихо произнесъ:

— У меня, Шлойма, не выходитъ изъ головы судьба Неси. Навѣрное ли она пропадетъ?

— Какъ эта ночь,—устало отвѣтилъ Шлойма, входя въ свою квартиру.—Теперь, Нахманъ,—прибавилъ онъ,—нужно было бы поговорить о твоёмъ дѣлѣ. Но кажется, уже поздно. Иди спокойно домой. Этого человѣка я пришлю къ тебѣ. Ты не побоишься ходить по нашимъ улицамъ?

— Нѣтъ, отчего же,—улыбаясь, отвѣтилъ Нахманъ.— У меня крѣпкія руки...

— Такъ, спокойной ночи. Я очень радъ. Сказать правду, ты мнѣ и въ первый разъ понравился. Что-то хорошее есть въ тебѣ, и мнѣ кое-кого напоминаетъ. Я былъ недурнымъ парнемъ въ молодости. Спокойной ночи!

— Прощайте,—серьезно отвѣтилъ Нахманъ, и долго стоялъ у дверей, въ которыхъ скрылся Шлойма.

— Ну, что же,—задумчиво произнесъ онъ,—нужно идти. Славный старикъ.

Когда онъ подошелъ къ воротамъ, ему опять показалось, что промелькнула тѣнь. Онъ остановился страшно

внимательный, умоляя кого-то добрыми словами, чтобы онъ не ошибся.

— Это вы, Нахманъ?—раздался вдругъ тихій, знакомый голосъ,—и этотъ голосъ показался ему теперь столь нужнымъ, что онъ готовъ былъ закричать отъ счастья.

Она стояла у воротъ и, какъ прикованная, не двигалась. Онъ подошелъ къ ней ближе, и все, что было у него тяжелаго въ душѣ, какъ ненужное, — сгинало.

— Я зналъ, что вы будете ждать меня, хотѣлось ему сказать,—но вмѣсто этого, онъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ произнесъ:

— Да, я, Неси,—вамъ нужно что-нибудь?

— Вы видите городъ, Нахманъ?

— Я вижу,—вдругъ разочарованный, отвѣтилъ онъ.

— Онъ горитъ, какъ солнце. Посмотрите на огни. Мнѣ кажется,—тамъ пляшутъ.

— Въ городѣ еще не спятъ,—равнодушно поддержалъ онъ.

— Тамъ пляшутъ,—увѣренно выговорила Неси, повернувшись лицомъ къ городу,—и мнѣ хочется плакать отъ злости, что я родилась здѣсь, а не тамъ.

— Гдѣ тамъ?—удивился Нахманъ, оглядывая ее.

— Въ городѣ, въ городѣ.

Они замолчали и долго смотрѣли на прыгавшій, переливавшій вдали свѣтъ.

— Каждую ночь,—вдругъ произнесла Неси,—я стою здѣсь и стерегу огни. И съ каждымъ днемъ, я чувствую, какъ руки мои становятся длиннѣе. Я скоро достану ихъ.

— О чемъ вы говорите?—заволновался Нахманъ.

— Спокойной ночи,—холодно отвѣтила Неси.

Онъ съ состраданіемъ взглянулъ на нее, и теперь она съ своими застывшими глазами, какъ послѣ слезъ большими, на мигъ показалась ему самой судьбой этой окраины.

— Спокойной ночи, Неси,—печально отвѣтили онъ.

Онъ пошелъ отъ нея не оглядываясь, и мрачныя, безутѣшныя мысли побѣдительно овладѣли имъ. Окраина какъ будто близко подошла къ нему,—и онъ понялъ ея душу. Точно одно слово горѣло надъ каждымъ домомъ, и это слово было мольба о пощадѣ, о помощи. Они уже не лѣзли назойливо въ глаза своей неопрятностью, своими безмолвными пустырями, своими ничтожными строеніями, а всѣ вмѣстѣ, точно сговорились, твердили одно: милосердія, милосердія. И Нахманъ, охваченный своимъ волненіемъ, съ злымъ негодованіемъ смотрѣлъ на пляшущіе впереди его огни веселаго города.

— Въ этомъ городѣ,—вспомнились ему слова Натана,—есть столько богатствъ, что мнѣ становится стыдно за людей, которые ничего не придумали противъ страданій.

Дома начинали выростать. Они выползали на глаза изъ земли, двухъ-этажныя, трехъ-этажныя, и ворота ихъ были наглухо закрыты. Задрезжалась дрожки по неровнымъ мостовымъ. Чувствовалась близость города и культуры... Огни пропали, скрывшись за высокими зданіями. Нахманъ подвигался среди наступившей тьмы. Прямо, напротивъ, упираясь въ небо, выплыла, четырехугольная башня городскихъ часовъ, а изъ прилегавшихъ улицъ уже несся шумъ отъ движенія базарныхъ торговцевъ. Сзади, торопя лошадей, кричали зеленщики.

Блѣднѣла ночь.

— Какъ нужно жить?—спрашивалъ себя Нахманъ, не въ силахъ оторваться отъ своихъ думъ. — Какъ, какъ?

Городскіе часы пробили три раза. Онъ ускорилъ шаги. Рынки просыпались.

IV.

Прошло двѣ недѣли послѣ посѣщенія Нахманомъ Шлоймы,—и теперь онъ уже стоялъ въ ряду съ компаньономъ Даніэлемъ подлѣ двухъ корзинъ съ товаромъ и громкимъ голосомъ подзывалъ покупателей. Новая, полная особеннаго интереса, жизнь началась для него. На разсвѣтѣ приходилъ Даніэль, высокій, большой человѣкъ съ фигурой цапли, и оба, подхвативъ большую корзину съ товаромъ, отправлялись въ путь. Темныя, пустыя улицы окраины оживали въ его воображеніи, и все некрасивое, мрачное въ нихъ пропадало въ блескѣ его радости. Теперь онъ не чувствовалъ себя подъ гнетомъ, рабомъ чужой воли. Шелъ хозяинъ съ товаромъ, который будетъ проданъ, вновь купленъ, вновь проданъ... Шелъ хозяинъ за деньгами, которые дадутъ еще большую свободу, еще большую увѣренность. И вся утренняя суতোлка казалась радостнымъ усиліемъ къ счастью, стоявшему вблизи, на шагъ отъ каждаго. Онъ шелъ упоенный и, какъ безумецъ, не видѣлъ муки въ этой сутолокѣ, не чувствовалъ трепетанія чужой души.

Волшебно-прекраснымъ начиналось утро ранняго гѣта, со смѣною цвѣтныхъ тѣней, отъ желтаго на флюгерѣ городскихъ часовъ до чернаго у стѣлъ на землѣ. Одинъ лишь голосъ торговца, кряхтѣвшаго надъ своей корзиной, приводилъ въ движеніе базарную жизнь. Какъ токи, пробѣгали люди по всѣмъ направленіямъ, куда-то уходили, возвращались, вновь уходили и это было чудесно и красиво, какъ во снѣ. То тамъ, то здѣсь разносились бойкіе голоса торговокъ, лавочники раскрывали тяжелыя двери, на тротуарахъ возились мелкіе торговцы, тащились телѣги съ зеленью, съ рыбой, съ молокомъ, и Нахманъ, упившись окружающимъ, принимался съ Даніэлемъ за работу. Онъ раскладывалъ свой

товаръ и, оглядывая его, испытывалъ чувство ребенка, которому дали блестящую игрушку. Ласково смотрѣли на него ситцы, хорошенькіе, пестренькіе, дешевенькіе, и ему казалось, что лучшихъ не было во всемъ ряду. Ласково смотрѣли на него кошельки, куклы, галстухи, чулки, и онъ не уставалъ ихъ перекладывать, чтобы сдѣлать замѣтнѣе, красивѣе. Когда начиналось движеніе покупателей, онъ здоровымъ, звонкимъ голосомъ выкрикивалъ товары и привлекалъ толпу своимъ открытымъ лицомъ и крѣпкой фігурою.

Въ это іюньское утро, Нахманъ съ Даніэлемъ пришли въ ряды позже обыкновеннаго. Они разложили товары, и Даніэль, оглядѣвъ мрачное лицо Нахмана, недовольно сказалъ:

— Вы хорошо начинаете день, товарищъ. Можетъ быть, вы думаете развеселить покупателей своимъ лицомъ и сомнѣваетесь,—я скажу: палками ихъ лучше не отгонишь. Не огорчайтесь же этой исторіей, послушайте-ка этого молодца о гребешкахъ. Я долженъ его перекричать.

Онъ немедленно раскрылъ ротъ, и будто кто-то вонзилъ ему ножъ въ бокъ, завопилъ:

— Ситець, ситець, кто хочетъ лучшаго ситца, лучшей російской фабрики!

И помедливъ, отрывисто выпалилъ:

— Семь копеекъ, семь, семь, семь! Подходите, дѣвушки, барышни, хорошенькія дамочки. Кто не слышитъ? Семь, семь, семь!

— Что вы скажете на меня?—добродушно обратился онъ къ Нахману.—Развѣ не сказали бы, что я передъ уходомъ съѣлъ вкуснаго теляночка. Засмѣйтесь и вамъ станетъ весело. Что покупаете, миленькая? Ситець?

Онъ упалъ на колѣни, засуетился возлѣ товара, и

будто показывалъ самый лучший, расшитый золотомъ шелкъ,—развернуть нѣсколько штукъ.

— Самый лучший ситець, россійской фабрики,—сыпаль онъ,—и если бы у меня была такая красавица—невѣста, какъ вы, я покупалъ бы ей ситець только у себя. Посмотрите, шелкъ—не ситець, подавись я первымъ брилліантомъ, который у меня будетъ. У меня, какъ я армянинъ, выступаютъ слезы на глазахъ, когда я вижу такой товаръ. Не нравится? Этотъ ситець не нравится? Я готовъ васъ поцѣловать, если вы найдете лучший.

Дѣвушка размѣялась, а онъ продолжалъ сыпать шутками, прибаутками...

Нахманъ, словно чужой, стоялъ въ сторонѣ и грустнымъ взглядомъ смотрѣлъ на кипѣвшую улицу.

— Да что это съ вами, Нахманъ?—произнесъ Даніэль, отпустивъ покупательницу.—Сегодня вѣдь пятница, дай Богъ такъ вратъ всю жизнь. Она отравилась... Но вы сумасшедшій, какъ я нѣмецъ. Она отравилась, бѣдная хромушка... Одинъ разъ, два раза, три раза на здоровье ей. Вы знаете, товарищъ, какъ нужно жить? Умеръ—похоронили...

— Но мнѣ ее жаль,—мрачно выговорилъ Нахманъ.

— Кому не жаль,—въ тонъ отвѣтилъ Даніэль,—но вѣдь хромая съ ума сошла, выдумавъ обвиняться съ шалочникомъ. Старуха Сима права, но дочери нужно было совѣсть имѣть. По правдѣ, одинъ палець этого молодца стоитъ всей дѣвушки, съ ея хромой ногою. Вы песь съ ушами, если это васъ трогаетъ.

Нахманъ отвернулся и, насвистывая, сталъ оглядывать рядъ. Мужчины и женщины, всѣ будто сбились въ одну кучу, и отсюда казалось, что они ловятъ людей, душать ихъ, а тѣ откупаются. Крикъ стоялъ стройный, веселый, и чувствовалось, не было такой силы, которая

прекратила бы ликованіе торговли. Всѣ въ ряду знали, что отравилась хромая беременная дѣвушка, брошенная своимъ возлюбленнымъ,—всѣ были знакомы съ ней, знали ея несчастную жизнь, но никто не отдалъ ей частицу своей души.

Покупатели подходили. Одни осматривали товары, какъ бы спрашивая себя, что купить, другіе брали вещи въ руки, клали назадъ, уходили, возвращались. Какая-то женщина выбрала пару чулокъ и заплатила не торгуясь. Нахманъ оживился. Теперь онъ выкрикивалъ цѣны, подзывалъ, ловилъ покупателя... Пыль носилась въ воздухѣ, осѣдала во рту и мѣшала говорить. Когда кто-нибудь переворачивалъ все, что было въ корзинѣ, и равнодушно уходилъ, ничего не купивъ, Нахманъ испытывалъ желаніе броситься въ догонку за этимъ человѣкомъ, изругать его, побить... Толпа шла точно слѣбая, напирая со всѣхъ сторонъ, десятки рукъ сразу опускались въ корзины, и самое трудное было услѣдить, чтобы ничего не пропало. Нахманъ кричалъ, ссорился, вырывалъ товаръ изъ рукъ покупателя, и волненіе было такое, что никто ничего не понималъ. Гдѣ-то уже неслись крики торговли, у которой толпа опрокинула корзину.

— Хорошій день, чтобы ихъ солнце сожгло,—огрызнулся Даніэль, — кажется, у меня раскрали четверть товара.

Онъ кричалъ отчаяннымъ голосомъ, густымъ, металлическимъ, и глаза у него были налиты кровью. Онъ вступалъ въ споръ, ругался неожиданными забавными словами, и они больше нравились, чѣмъ сердили...

Весь рядъ стоналъ отъ звуковъ. Торговцы, возбужденные шумомъ, будто испуганные или увлеченные музыкой своихъ голосовъ, корчились въ отчетливыхъ движеніяхъ, умоляли, проклинали, звали, а толпа, на-

электризованная собственной массою, покупала все, словно обезумѣла отъ крика, цвѣтовъ, формъ, дешевизны.

Часамъ къ десяти, суета стала уменьшаться, и начался отливъ.

Нахманъ, стоя на колѣняхъ, приводилъ товаръ въ порядокъ, и сердито говорилъ:

— Смотрите, что они сдѣлали,—а я и двухъ рублей не выручилъ

— Славный хлѣбъ,—угрюмо подхватилъ Даніэль, не глядя на Нахмана,—отъ нихъ Ротшильдомъ сдѣлаешься.

Торговцы уже подходили другъ къ другу, чтобы поболтать, узнать, кто какъ торговалъ, и глядя на нихъ, можно было думать, что бесѣдуютъ кровные друзья.

— Черезъ полтора часа пойдемъ въ трактиръ—произнесъ коренастый торговецъ, весь въ бородавкахъ, утирая потъ съ лица.—Эти полтора часа ежедневно отнимаютъ у меня годъ жизни. Что вы сказали бы теперь, Мелехъ, о стаканѣ горячаго чаю, но горячаго,—обратился онъ къ торговцу-старика.—Ого, вотъ идетъ старенькая Двойра. Почему она плачетъ?

Кучка торговцевъ подошла къ старушкѣ, и та, не переставая плакать, рассказала, что базарный опрокинулъ ея корзину съ лимонами и прогналъ съ мѣста.

— Дѣти,—произнесъ коренастый торговецъ,—соберемъ по грошу десять копеекъ, и заплатимъ за мѣсто Двойры. Я даю копейку.

Нахманъ вынулъ изъ кармана три копейки и отдалъ старушкѣ. Кто-то тронулъ его за плечо. Онъ живо обернулся и увидѣлъ передъ собой Мейту, пятнадцатилѣтнюю дѣвочку хозяйки, у которой поселился.

— Это вы, Мейта,—заволновался онъ,—что слышно съ Итой?

— Ее спасли,—отвѣтила дѣвочка.—Только-что пришла Сима изъ больницы, и я побѣжала вамъ рассказать.

И чувствуя важность своихъ словъ, она серьезно прибавила:

— Иту отвезли въ родильный пріютъ. У нея начались роды.

— Слава Богу, — произнесъ Нахманъ съ облегченіемъ. —

Что вамъ дать за такую добрую вѣсть?

Онъ повелъ ее къ своей корзинѣ, не отрываясь отъ стройной, отчетливой фигуры дѣвочки. Она шла медленно, и здѣсь, среди опустившихся неряшливыхъ людей, вызывала воспоминаніе о другой жизни, беззаботной, красивой, жизни желанной, оправданной, къ которой столь трудными и мучительными путями пробивается человѣчество, инстинктивно увѣренное, что добьется ея. Она шла медленно, граціозно, какъ будто впереди стояла пропасть, или что-то прекрасное, о которомъ она едза смѣла мечтать. И сурозая ули ца — словно дивилась чудесному видѣнію — провожала ее всѣми своими глазами, всѣми своими шопотами, завидуя ея беззаботности, ея нетронутой красотѣ, — тому, что жизнь еще не имѣла власти надъ ней.

Прошло больше мѣсяца, какъ Нахманъ поселился у ея матери, и съ перваго дня дѣвочка тайно покорилась ему. Съ каждымъ разомъ она все сильнѣе привязывалась къ Нахману, и теперь шла съ трепетомъ, въ первый разъ почувствовавъ, что можетъ нравиться. Она не поднимала глазъ, будто взгляды Нахмана угрожали ей сжечь ихъ, и мечтала только о томъ, чтобы не показаться ему смѣшной, глупенькой.

— Нувотъ, Мейта, моя корзина, — говорилъ Нахманъ. — Что мнѣ вамъ подарить?

— Ничего не дарите, — покраснѣвъ, отвѣтила она. — Я вѣдь пришла потому, что вы безпокоились.

— Все-таки вы меня обрадовали, Мейта. Я подарю вамъ пару гребешковъ для волосъ. Я выбираю лучшіе,

Мейта. Посмотрите, какіе они красивые, гибкіе. Они вамъ будутъ къ лицу.

Она засмѣялась оттого, что онъ упомянулъ о ея лицѣ и серьезно сказала:

— Я не могу взять, Нахманъ. Это стоитъ денегъ.

— Это и хорошо,—въ тонъ отвѣтилъ онъ ей,—я дарю то, что имѣеть цѣну.

Она обрадовалась его голосу, но когда выбирала гребешки, и ея руки касались его руки,—онѣ дрожали.

— Вотъ эта пара будетъ очень удачной,—произнесъ Нахманъ, вдругъ удивившись ея волненію,—возьмите, Мейта, вы останетесь довольны.—Не можетъ быть, промелькнуло у него въ головѣ.

Она спрятала гребешки, все не поднимая глазъ, и словно бросая слова на землю, поблагодарила его и простилась.

— Подождите,—торопливо выговорилъ Нахманъ,—я провожу васъ. Вотъ только скажу два слова Даніэлю.

Она махнула головой, и сейчасъ же ея узкія плечики замелькали въ толпѣ.

— Подождите!—крикнулъ онъ еще разъ.

— Почему же у нея руки дрожали?—думалъ онъ, стоя передъ Даніэлемъ.

И глядя ему прямо въ глаза, онъ внутренно смѣялся, отвѣчалъ невпопадъ,—какъ будто насмѣхался. Потомъ освободившись, бросился въ толпу.

— Вотъ она, — обрадовался онъ, увидѣвъ дѣвушку, заглядывавшую въ окна лавокъ,—я испугаю ее.

Все довольный, все въ сладостномъ томленіи, онъ тихо подкрался къ ней и ласково крикнулъ ей въ ухо. Мейта испуганно обернулась, но, узнавъ Нахмана, улыбнулась ему, и проговорила дрожащимъ голосомъ:

— Я такъ испугалась, Нахманъ.

Они пошли рядомъ, не думая о своемъ волненіи, и

Мейта беззаботно разспрашивала обо всемъ, что попадалось ей въ глаза. Сейчасъ направо открылась длинная, широкая улица, и, освѣщенная солнцемъ, какъ бы плавающая въ жидкомъ мраморѣ, съ чистыми людьми и домами, и пріятнымъ движеніемъ, она, послѣ бѣдноты и грязи рядовъ, показалась такой прекрасной, что Мейта, закрывъ глаза, въ восторгѣ крикнула:

— Какъ хорошо здѣсь, Нахманъ! Мнѣ кажется, что въ этой улицѣ живутъ одни избранники.

— Вы развѣ не бывали въ городѣ, Мейта?

— Очень рѣдко, Нахманъ. Когда мнѣ исполнится шестнадцать лѣтъ, мать меня отпуститъ работать на фабрику; я буду ходить сюда каждый день.

— Я могу показать вамъ городъ. Вотъ разбогатѣю...

— Разбогатѣете,—перебила его Мейта и съ сомнѣніемъ покачала головой,—не разбогатѣете. Иногда мнѣ кажется, люди выдумали богатство, чтобы заставить насъ мучиться...

— Вы много думаете, Мейта,—съ удивленіемъ произнесъ Нахманъ.

— Мы всѣ думаемъ, увѣряю васъ. Но насъ не спрашиваютъ, и мы молчимъ.

Они повернули въ сторону, и сразу очутились въ окраинѣ.

— Вотъ я вамъ новость расскажу,—произнесла таинственно Мейта послѣ молчанія,—Абрамъ, кажется, женится на Розѣ.

— Кто вамъ сказалъ?—съ изумленіемъ вырвалось у Нахмана,—онъ весь похолодѣлъ отъ радости,—Неси будетъ удивлена.

— Сама Неси рассказала объ этомъ. Она непонятная. Она плакала и смѣялась.

— Я ухожу,—взволнованно проговорилъ Нахманъ.—Такъ это правда? Вы сказали, Неси?...

Въ ряду, между тѣмъ, работа опять закипѣла, и, когда Нахманъ вернулся, вся улица была полна народомъ. Въ пятницу торговля прекращалась въ два часа дня, и теперь волненіе охватило самыхъ хладнокровныхъ. Нищія, какъ порченныя, бѣгали между людьми, мѣшали всѣмъ, и ихъ гнали, какъ гонягъ собаку, попавшую подъ ноги. Торговки кричали длинными голосами, словно не переводили дыханія, и складывали остатки въ корзины, чтобы не заеидѣться лишнюю минуту. Нахманъ стоялъ уже подлѣ Даніэля и бойко торговалъ. Какъ могъ онъ не торговать, когда у него было столько великолѣпнаго товара? И увѣренный, съ приподнятымъ настроеніемъ, онъ безъ гнѣва, позволялъ покупателю рыться въ его корзинѣ, зная, что тотъ не уйдетъ отъ него. Онъ указывалъ, командовалъ, и люди слушались, побѣжденные его обаяніемъ.

— Почему же Неси смѣялась?—вспоминалъ онъ, замирая, и говорилъ себѣ: это хорошо,—и опять продавалъ, беззаботно улыбался, думая, что радуется хорошей торговлѣ...

Шлойма уже ушелъ, и Нахманъ не помнилъ, какъ простился съ нимъ, ряды торговцевъ стали рѣдѣть, а онъ все стоялъ возлѣ своей корзины, не умѣя разстаться съ удовольствіемъ—отдавать свой товаръ, и брать за него деньги.

— Можете собираться,—произнесъ Даніэль, складывая ситцы,—народъ уже расходится.

— Хорошій день,—отозвался Нахманъ, все въ упоеніи,—дѣвочка принесла намъ счастье.

Они заперли корзины, подхватили ихъ, и вмѣстѣ съ толпой торговцевъ двинулись къ окраинѣ.

Когда онъ вошелъ во дворъ, гдѣ жилъ, старуха Сима первая встрѣтила его и затащила къ себѣ.

— Зайдите, зайдите,—говорила она, не желая за-

мѣчать его недовольства,—Иту спасли, и теперь она въ родильной.

Въ маленькой пустой комнатѣ, съ сырими стѣнами, на скамейкѣ вмѣсто стульевъ сидѣли двѣ дѣвушки и мальчикъ лѣтъ четырнадцати. При видѣ Нахмана, дѣвушки оживились и начали охорашиваться, а мальчикъ уставился на него большими, бессмысленными глазами.

— Вы еще не были у нея?—спрашивалъ Нахманъ, притворяясь, что не замѣчаетъ знаковъ, {которые ему дѣлали обѣ дѣвушки.

— Садитесь, Нахманъ,—сердечно сказала Сима,—я не могу забыть, что вы сдѣлали для меня въ эту несчастную ночь. Ита умерла бы безъ васъ.

—Зачѣмъ объ этомъ говорить,—покраснѣлъ Нахманъ.

— А теперь, сказать правду, я и не знаю, чего хочу отъ васъ. Вы мой защитникъ...

Она жалко улыбнулась, торопливо заплакала и, вытирая слезы, указывала на дѣвушекъ. Старшая засмѣялась, а младшая Фейча угрюмо проворчала:

— Онъ совсѣмъ не веселый.

— Вотъ, онѣ смѣются,—съ досадой произнесла Сима,—а обѣ корзины пустыя. Имъ что? Посмотрите, здѣсь и продать нечего, чтобы хлѣба купить. Я не говорю о дѣлахъ,—нищій, услышавъ меня, покраснѣлъ бы,—но меня бьютъ. Не вѣрите? Поклянитесь, Нахманъ, что не вѣрите, и я буду знать, во что вы вѣрите. И Ита въ родильной. Сама не знаю, Нахманъ, чего хочу, смерти, жизни.

— Она вретъ,—разсердилась старшая, Фрима.—Мать, ты выжила изъ ума.

— Я молчу,—шепнула Сима,—кто силенъ, тотъ правъ. Но посмотрите на мои руки, пусть онѣ говорятъ.

Она оттянула рукавъ къ плечу, и Нахманъ ужаснулся. Отъ локтя до плеча шли черные кровоподтеки, и рука казалась залитой чернилами.

— Не можетъ быть,—шепнулъ Нахманъ.

— Въ городѣ долженъ быть старшій,—сиплымъ шопотомъ и моргая глазами отозвалась Сима, и въ ея тонѣ послышалось что-то смѣлое, призывъ къ закону, который долженъ ее охранять.

— Она сама себя щиплетъ отъ злости,—бросила Фейча, покраснѣвъ.

— Неправда, неправда,—крикнулъ мальчикъ, вскочивъ,—это Фрима такъ щиплетъ.

— Вѣрьте моему Мехеле,—настаивала Сима.—Я здѣсь среди разбойниковъ. Ита меня тоже колотила. И спросите меня, ради чего я терплю отъ нихъ. Я старая, больная,—но вездѣ свой хлѣбъ заработаю... Спросите, ради чего я терплю?

Не ропотъ, а вопросъ лежалъ въ ея словахъ. Какъ будто до сихъ поръ она дѣлала нужное, важное, желанное, и лишь сейчасъ явилась мысль: зачѣмъ? Нахманъ, замученный, сидѣлъ, опустивъ голову, и слушалъ. Иногда у него мелькала мысль убѣжать немедленно къ Неси, чтобы отдохнуть отъ этихъ ужасовъ, но Сима, словно угадывая, что происходитъ въ немъ, опять просила: посидите, посидите.

— Зачѣмъ ты выдумываешь?—съ гнѣвомъ вырвалось у Фримы.—Ты хочешь разжалобить этого человѣка,—но онъ тебѣ не поможетъ. Уходи отъ насъ, если тебѣ не нравится. Мы прокормимся сами.

— Вы слышите, Нахманъ,—заволиновалась Сима,—имъ нужно, чтобы я ушла изъ дому. Я знаю, зачѣмъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—крикнула она,—убейте меня,—не уйду! Я, Нахманъ, мать. Вырвите мое сердце,—все-таки я буду жалѣть ихъ, оберегать... Обѣ работаютъ на коробочной фабрикѣ и приносятъ по семи рублей въ мѣсяцъ. Сотни глазъ пужны, чтобы ихъ уберечь... Вотъ Ита пропала, а шапочникъ потираетъ руки отъ удовольствія: онъ соблазнилъ хромую дѣвушку..

— Мама, мама, перестань сердиться,—просилъ мальчикъ.—Вотъ Дина идетъ!—вдругъ крикнулъ онъ, обрадованный.—Дина, Дина...

Старуха засуетилась.

— Дина,—прошептала она, и на лицѣ ея мелькнуло блаженство,—вотъ мое сокровище. Это сама доброта. Посмотрите на нее.

Она вышла изъ комнаты, и Нахманъ послѣдовалъ за ней. Дѣвушка шла раскачиваясь, чуть касаясь земли, будто боялась придавить ее.

— Моя радость,—шепнула Сима.

Теперь Нахманъ разглядѣлъ ее. Она была стройная, съ тонкими чертами лица, чуть-чуть блѣдная,—но спокойны и увѣренны были ея глаза.

— Холодная дѣвушка,—подумалъ Нахманъ.

— Это Дина, Нахманъ,—произнесла Сима.

Дина вскинула на него глаза, и ему показалось, что по лицу его прошелъ мягкій свѣтъ.

— Почему же вы стоите на порогѣ?—спросила она.

Она лишь теперь разглядѣла, что мать въ слезахъ и испуганно произнесла:

— Что случилось, мать?

Старуха зашептала. Изъ комнаты несли смѣхъ дѣвушекъ. Фейча стояла у окна, прижавшись лицомъ къ стеклу, и не сводила глазъ съ Нахмана.

— Я еще зайду къ вамъ,—произнесъ онъ, простившись.

Въ комнатѣ его поджидала Мейта, и какъ только онъ открылъ дверь, она сейчасъ же спросила:

— Зачѣмъ васъ Сима звала?

Онъ не отвѣтилъ ей, весь подъ вліяніемъ пережитаго ужаса, и прошелъ въ свою комнатку.

— Вамъ ничего не нужно?—говорила Мейта, идя за нимъ.

— Ничего, Мейта.

Она исчезла, но черезъ минуту опять появилась на порогѣ и повторила свой вопросъ:

— Вамъ ничего не нужно, Нахманъ?

Что-то странное было въ ея взглядѣ, въ ея движеніяхъ.

— Не можетъ быть,—подумалъ Нахманъ, оглядывая ея и пугаясь своей мысли.

— Сегодня мать придетъ поздно,—тихо выговорила она.—Я посижу у васъ, Нахманъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ онъ.

— Я посижу,—настойчиво повторила она, но какъ бы спрашивая позволенія.

— Мнѣ некогда, Мейта,—я сейчасъ уйду.

— Никогда вы дома не остаетесь,—посидите теперь.

— Не могу, Мейта, я долженъ увидѣться съ Неси.

Она внимательно посмотрѣла на него, отвернувшись, напѣвая, вышла изъ комнаты.

— Когда мнѣ будетъ шестнадцать лѣтъ, думала она...

И послѣ его ухода, долго стояла у окна, думала, горѣла, напѣвала, и въ голосѣ ея дрожали слезы.

V.

Нахманъ шелъ къ Неси...

Послѣ перваго знакомства онъ какъ бы покорился ей, и что-то сильное, имѣвшее власть приказывать ему, каждый день, гдѣ бы онъ ни былъ, требовало: ступай къ Неси, ступай къ Неси. Онъ видѣлъ ее всегда передъ собою, и въ воспоминаніяхъ она являлась такая же откровенная, смѣлая, дерзко рвавшая оковы, наложенные на нее окраиной... Она нравилась ему,—и очарованіе заключалось въ томъ, что онъ боялся ея, боялся ея порывовъ, влеченій, которые должны были привести ее къ гибели.

Когда она раскрывала ему правду окружавшей жизни, правду своих мечтаній, онъ самъ возбуждался и горячо поддерживалъ ее, чувствуя, что ходить съ нею надъ пропастью, въ которую легко можно было упасть. Онъ не понималъ еще, что влечетъ его къ ней. Она казалась ему холодной, безумно равнодушной къ человеческому сердцу, и то, что она была холодная, безумно равнодушная, вызывало въ немъ лучшіе инстинкты и желаніе побѣдить ее. Подобно Натану, онъ никогда не любилъ, и жилъ цѣломудренной жизнью здороваго работника, который не думаетъ о женщинахъ. Въ своемъ воображеніи, онъ ставилъ, не разбирая, каждую высоко на горѣ и поклонялся ей. Въ чистотѣ стыдливости и тайнаго влеченія онъ предпочелъ бы проститутку лучшей цѣломудренной дѣвушкѣ, чтобы вмѣстѣ съ актомъ любви совершился и актъ нравственности,—и Неси какъ будто привлекала его тѣмъ, что ходила на краю пропасти. Ему казалось, что безъ его участія она неизбежно погибнетъ, и бессознательное состраданіе требовало совершить спасеніе женщины. Съ каждымъ днемъ онъ все больше втягивался,—то, что онъ переживалъ, было гармонично, красиво, и оно стало потребностью. Нужна была Неси, съ оголенной шеей, съ ярко красной лентой вокругъ черныхъ волосъ, съ округленными, пластическими жемами, нужна была ея настороженность въ глазахъ и рѣчахъ, стремительность и хищность, и опасность, грозившая ей,—нужно было чувство страха за нее, восхищеніе, котораго онъ стыдился.

Когда она бывала милостива къ нему, онъ молча переживалъ свое блаженство... Она шла съ нимъ въ главную улицу окраины, откуда виденъ былъ городъ съ его огнями, и онъ жарко говорилъ ей о своихъ желаніяхъ и мечтахъ. И побѣжденная на мигъ свѣтлыми словами о томъ, какую должна быть жизнь, къ которой

и сама стремилась,—она смягчалась, и оба какъ будто впервые узнавали другъ друга. Она отвѣчала на его мечты дрожащимъ голосомъ, и ему и ей, хотя они еще были чужды другъ другу, хотѣлось вѣчно идти, лишь бы добраться когда-нибудь до края, гдѣ жизнь освобождала людей...

Начинало темнѣть, когда Нахманъ вошелъ во дворъ, гдѣ жила Неси. У каждой квартиры сидѣли мужчины и женщины и пили чай. Въ углу Нахманъ замѣтилъ Шлойму и Хаима. Лея, закрывъ кисеей лицо, словно боялась людей, сидѣла къ нимъ спиной.

— Ступайте сюда!—крикнулъ ему Хаимъ, махая руками,—узнаете новость...

На фабриктъ...

Нахманъ не разслышалъ окончанія, но кивнулъ головою. Изъ оконца квартиры праваго флигеля сверкнули глаза Неси.

— Я зайду къ вамъ позже, Шлойма,—крикнулъ онъ, засуетившись,—подождите!

Онъ повернулъ къ правому флигелю, открылъ дверь, и вошелъ въ сѣни. Неси не выходила. На скамейктъ сидѣлъ тринадцатилѣтній мальчикъ, Исерель, братъ Неси, и читалъ книгу. При видѣ Нахмана, онъ бросилъ книгу и съ радостью сказалъ:

— Ну вотъ вы пришли, наконецъ, Нахманъ! Я такъ доволенъ...

— Я и самъ не зналъ, что прійду,—смѣясь отвѣтилъ онъ. Отецъ дома?

— Дома. И все время сердится. Неси уже досталось отъ него.

Нахманъ поморщился отъ непріятнаго чувства, и вмѣстѣ съ Исерелемъ зашелъ въ комнату. Какъ и въ сѣняхъ, въ ней было тѣсно, стѣны пахли сыростью, и негдѣ было повернуться. Неси сидѣла у оконца и выгля-

дывала во дворъ. Торговка Энни, мать Неси, помѣстилась у дверей съ чулкомъ въ рукахъ, а на кровати увѣренными жестами слѣпой нищей, Донъ, отецъ дѣвухи, считалъ деньги.

— Кто это?—спросилъ Донъ, и сейчасъ же отвѣтилъ, пряча деньги: это—Нахманъ, я узналъ его по шагамъ.

Онъ благосклонно улыбнулся, вытаращилъ слѣпые глаза, и Нахманъ, поискавъ мѣста, усѣлся подлѣ него. Неси не оглядывалась.

— Добрый вечеръ,—произнесла Энни своимъ неприятнымъ голосомъ,—что слышно въ рядахъ?

Она очень охотно принимала Нахмана, и онъ былъ первый изъ молодыхъ людей, который удостоился ея одобренія. И она, и старикъ Донъ имѣли виды на Нахмана, и не находили ничего предосудительнаго въ томъ, что онъ къ нимъ зачастилъ.

— Да, въ рядахъ,—повторила она, играя вязальными спицами.—Неси, почему ты сидишь къ гостю спиной? Это некрасиво.

— Хочу такъ,—отвѣтила дѣвуха, бросивъ быстрый взглядъ на Нахмана.

Пусть сидитъ, гдѣ хочетъ,—отозвался Нахманъ,—мнѣ это не мѣшаетъ.

— Плохой совѣтъ,—оскалилъ зубы Донъ.—Она хочетъ,—повторилъ онъ, вдругъ разсердившись, и было непонятно, какъ изъ мягкаго, пріятнаго, голосъ его могъ сдѣлаться такимъ скрипучимъ, злымъ.—Мать говоритъ, она должна слушаться.

— Я уйду,—со страхомъ шепнулъ Исерель,—сейчасъ опять начнется.

— Я прошу,—вмѣшался Нахманъ.—Право, мнѣ все равно...

— Перестань, Донъ,—серьезно сказала Энни,—человѣкъ говорить,—ему все равно.

Неси встала, бросила на слѣплого злой взглядъ и вышла изъ комнаты.

У Дона затрепетали ноздри. И какъ только скрипнула дверь, онъ вдругъ сорвался съ кровати, и увѣренно ступая на ногахъ, протянувъ лишь руки, рѣзко закричалъ:

— Назадъ, Неси, назадъ въ комнату, я приказываю! Не слушаешь? Хорошо, уходи. Но помни, ты вернешься.

Такъ же увѣренно ступая, онъ добрался до кровати, и улегшись, проворчалъ:

— Я уже кожу сдеру съ нея, непременно сдеру, такая проклятая душа разъ въ вѣкъ рождается.

Нахману едва сидѣлось. Надъ интимной жизнью Неси какъ будто взвился занавѣсъ, и онъ увидѣлъ эту жизнь,—такую неприглядную, жизнь подъ властью дикаго надсмотрщика. Каждое слово этого отца было краснорѣчивой повѣстью мученій. Вставали длинные годы страданій въ одиночку, и вся жестокость ихъ лежала въ каждомъ дрожаніи мускула на этомъ деревянномъ лицѣ, въ этихъ изувѣрскихъ, будто равнодушныхъ глазахъ, во всей крупной фигурѣ старика-нищаго, съ длинной сѣдой бородой.

Теперь Нахманъ начиналъ понимать дикость и настороженность характера Неси, ея рѣчи, порыванія и безумную неосторожность, съ какой она искала свободу...

— Она упряма, какъ сталь,—согласилась Эни.

— Я сломаю ее,—съ ненавистью отвѣтилъ Донъ.

— Не знаю, что она сдѣлала дурного,—не вытерпѣлъ Нахманъ,—честное слово, вы несправедливы.

— Не говорите пустяковъ,—нахмурился Донъ.—Съ дѣвушкой нужно разговаривать, держа кнутъ въ рукахъ. Со всякой дѣвушкой. Я такъ всегда съ ними говорилъ. Человѣкъ долженъ работать, Нахманъ, а не быть сталью... Спросите Неси, какъ она работаетъ?

День да, день нѣтъ. Что это, спрошу васъ? У тебя здоровыя руки, здоровыя ноги,—пусти ихъ въ оборотъ. Я двѣнадцать лѣтъ, какъ ослѣпъ, и никто мнѣ еще ко пейки не подарилъ. Я работаю, я работаю...

— Онъ работаетъ,—серьезно подтвердила Энни, играя спицами,—и если бы не онъ, мы умерли бы съ голоду

— Не понимаю,—хотѣлъ сказать Нахманъ, но удержался.

— Я работаю.—съ гордостью повторилъ Донъ, поглаживая бороду,—и ни у кого не сижу на шеѣ, какъ моя дочь. Я работаю головой, руками, голосомъ... Вы слышали мой крикъ? А я могу сдѣлать мой голосъ, какъ у ребенка, когда его мучать, какъ у котенка, когда его душать. Я упрямый, но гнусь, какъ молодая вѣтка, полная соковъ. Изъ моихъ глазъ текутъ рѣки слезъ, когда нужно, но если бы потребовали рѣки меда,—я заплакалъ бы медомъ. Я такъ выучился пѣть пѣсни, что разбойника трону. Я работаю...

— Онъ работаетъ,—съ гордостью повторила Энни, и глаза у нея заблестѣли.

— Почему Неси не хочетъ?—вспомнилъ онъ опять. Принеси копейку, но потрудись надъ нею, вотъ чего я хочу, и добыюсь. Въ чемъ сила человѣка? Въ работѣ. Работай, ловко работай. Дорога работа, а человѣкъ самый дешевый товаръ...

Онъ уже перешелъ къ другому, заговорилъ о людяхъ окраины, и Нахманъ съ недоумѣніемъ слушалъ.

— Всѣ, кажется, трудятся,—произнесъ онъ, наконецъ,—что толку? Я не видѣлъ еще ни одного рабочаго, который бы жилъ хорошо.

— Не люблю, когда говорятъ пустяки,—съ досадой перебилъ его Донъ,—и машина работаетъ. Чѣмъ труднѣе жить, тѣмъ ловчѣе нужно работать. Они дураки. Въ городѣ тысячи нищихъ—я выручаю лучше всѣхъ. Хо-

тите, я сейчасъ сдѣлаю такъ, что вы заплачете и отдадите мнѣ все, что у васъ въ карманѣ? Вотъ какъ нужно работать! Они думаютъ, что если бѣдны, то имъ все слѣдуетъ.

Въ его словахъ сквозила ненависть, и нельзя было понять, чего онъ хочетъ. Нахманъ, не возражая, пересѣлъ къ окну, мечтая увидѣть Неси. Старуха вышла въ сѣни и долго возилась тамъ. Совсѣмъ стемнѣло.

— Уже поздно, — съ безпокойствомъ произнесъ Донъ, — я помолюсь.

Нахманъ кивнулъ головою, не оглядываясь. Дворъ освѣтился огнями. Словно желая избавиться отъ муки, Нахманъ искалъ теперь Неси. Старикъ сталъ читать молитвы.

— Ея нѣтъ, съ тоской думалъ Нахманъ, можетъ быть, она поджидаетъ меня. Странное волненіе охватило его. Оттого, что во дворѣ было людно, а онъ не находилъ Неси, и оттого, что въ комнатѣ благоговѣйный голосъ произносилъ важныя слова, которыя облегчали и сбрасывали съ человѣка отвѣтственность за все, что творится на землѣ, — радость и печаль смѣшались въ въ его душѣ. Онъ не смѣлъ оглянуться, чувствуя на своей спинѣ взглядъ слѣпого, но и хотѣлось ему вырваться отъ его чаръ, и крикнуть громко, чтобы ему отдали Неси... чтобы не мучили людей.

Онъ видѣлъ ихъ изъ оконца, и какъ уставшіе волны, казались они ему. Они безпомощно толпились у своихъ лачугъ, и ему хотѣлось отъ состраданія вырвать свое сердце и отдать имъ для утѣшенія, для просвѣтленія.

Съ дрожащими губами, со слезами на глазахъ, онъ повернулся къ Дону и, какъ отцу своему, сказалъ:

— Если бы, Донъ, вы могли увидѣть людей во дворѣ, вы не сказали бы: люди — самый дешевый товаръ. Самый дорогой, Донъ, самый дорогой... Посмотрите на

нихъ. Они устали, они разбиты. Ради чего они работали? Мнѣ стыдно назвать ихъ людьми... Это души, Донъ, живыя души. Они трудятся, страдаютъ,—ради чего? На ихъ пути я вижу: потъ, слезы, кровь... Ради чего? Потъ, слезы, кровь,—повторилъ онъ въ волненіи,—слезы, кровь...

Слѣпой замахалъ руками,—и снова, одни властные, полились твердые звуки изъ святыхъ словъ, которыя сбрасывали со всѣхъ отвѣтственность за то, что происходитъ на землѣ съ человѣкомъ. Они лились глухо и свѣтло, звали куда-то далеко отъ земнаго ничтожества, и какъ будто прикрѣпляли крылья къ тѣлу, чтобы оно взвилось.

— Ну вотъ,—произнесъ Донъ,—я кончилъ. Будемъ разговаривать.

Теперь, послѣ молитвы, онъ казался добродушнымъ, а длинная борода придавала ему видъ святого.

— Вы сказали,—началъ онъ...

Въ сѣняхъ кто-то затопалъ рѣзко, съ шумомъ. Донъ оборвался. Въ комнату влетѣлъ Исерель и, блѣдный отъ ужаса, крикнулъ:

— Ступайте, Нахманъ, скорѣе къ Шлоймѣ. Кажется, Лея повѣсилась. Весь дворъ тамъ!

Слѣпой вскочилъ съ кровати... Нахманъ, не простившись, выбѣжалъ изъ комнаты и очутился среди толпы, которая неслась съ крикомъ къ квартирѣ Шлоймы. Въ ворота вбѣгалъ народъ, и мальчишки летѣли впереди. Въ толпѣ мелькнули глаза Неси, и Нахманъ на мигъ страшно обрадовался.

— Слава Богу, слава Богу,—послышался возлѣ него знакомый голосъ.

— Это, кажется, Хаимъ, подумалъ Нахманъ въ смятеніи, да, Хаимъ.

— Не бѣгите такъ,—попросилъ тотъ,—я задыхаюсь. Ее спасли...

— Я сильно встревожился,—пробормоталъ Нахманъ...

Онъ не имѣлъ словъ отъ радости, и шелъ, и смѣялся. Хаимъ началъ подробно рассказывать, какъ хитро Лея устроила висѣлицу въ сараѣ, укравъ для нея у Шлоймы длинный шарфъ, и закончилъ съ восторгомъ:

— Шлойма—герой. Одно сердце есть въ мірѣ,—его найдешь у Шлоймы.

Они растолкали толпу и вошли въ комнату. Любопытныхъ уже выпроводили, и въ ней было просторно. Шлойма сидѣлъ, подперевъ голову руками, и задумчиво смотрѣлъ на улицу. На кровати лежала Лея, неузнаваемая, съ посинѣвшимъ лицомъ, тяжело дышала и каждый разъ въ испугъ закрывала лицо руками.

—...Скажи что-нибудь отцу,—говорила знакомая Нахману черноглазая женщина,—скажи, милая...

— Хотѣла бы не жить, отецъ,—тихо произнесла Лея.

—...И вотъ,—какъ бы продолжала какая-то старуха, не отходившая отъ Леи,—прилетѣлъ ангель и сказалъ: отъ Бога я... Дѣвочку твою возьму къ Нему. И сказалъ: и будетъ она сидѣть съ Нимъ рядомъ, и видѣть дѣла Его.

— Такъ онъ сказалъ,—съ восторгомъ прошептала Лея.

— И еще сказалъ: Ты, мать, подожди на землѣ. Придетъ день, и Онъ пошлетъ меня за тобою. И мать увидитъ дѣвочку...

— Я буду ждать, — сказала Лея, закрывая лицо руками.—Теперь она тамъ, и видитъ меня?

— Мужайтесь, Шлойма,—произнесъ Нахманъ, повернувшись къ старику.

— Я твердъ, Нахманъ. Но сталь портится, желѣзо портится, — отчего сердце не портится и чувствуетъ? Безсильно время надъ нимъ... Онъ отвернулся. Нахманъ

стоялъ, какъ прибитый гвоздями, и молчалъ. Сидѣлъ въ печали большой человѣкъ, раздавленный правдой жизни.

— Выйдемъ, Нахманъ,—шепнуть Хаимъ,—ему лучше быть одному.

Во дворѣ уже было тихо. Толпа расходилась. У пороговъ квартиръ, устроившись на ночь, лежали мужчины, женщины, дѣти. Было жарко и звѣздно.

— Я вамъ, Нахманъ, вотъ что хотѣлъ рассказать,—говорилъ Хаимъ.—Завтра фабрика начинаетъ работать...

Онъ торопливо простился съ Нахманомъ, и его худая фигура быстро исчезла въ темнотѣ.

— Какая жизнь, съ ужасомъ подумалъ Нахманъ, съ недоумѣніемъ оглядываясь и какъ бы спрашивая себя, что ему теперь дѣлать.

— Нахманъ!—раздался вдругъ тихій голосъ.

Онъ радостно оглянулся. Отъ стѣны отдѣлился Исерель и, крадучись, пошелъ къ нему.

— Я давно васъ жду,—шепнуть онъ,—мнѣ Несиприказала. Не уходите, она скоро выйдетъ къ вамъ.

— Когда она тебѣ сказала?—усомнился Нахманъ.

— Сказала. Мнѣ нельзя долго оставаться здѣсь, Нахманъ. Мать два раза выходила звать меня. Можетъ быть, отецъ меня побьетъ теперь. Но я обѣщаль Неси... Я васъ такъ люблю, Нахманъ!—вдругъ вырвалось у него.— Отчего я васъ люблю, Нахманъ?

Онъ стоялъ и дрожалъ отъ волненія, и порывался къ нему руками.

— Дома нехорошо, — прошепталъ онъ, — въ мастерской нехорошо, — только васъ я люблю.

— Иди, иди, милый, — съ нѣжностью выговорилъ Нахманъ.

Онъ [дружески улыбнулся ему, и мальчикъ, помедливъ, скрылся во дворъ.

— Неси, Неси! — слышался неприятный голосъ Энни.

Нахманъ сталъ ходить. Какъ будто всѣ опоры, которыя поддерживали его, рушились, и его охватили страхъ и уныніе.

— Неси, Неси! — доносился ноющій голосъ старухи.

Онъ остановился у стѣны. „Отецъ побьетъ ее ночью“, — пронеслось у него. Онъ сжалъ кулаки, замученный противорѣчіями, которымъ не зналъ разрѣшенія. Неси, Шлойма, Сима, Хаимъ, и весь дворъ, усѣянный спавшими и наработавшимися людьми, всѣ завертѣлись передъ нимъ, всѣ какъ бы вошли въ одну огромную мельницу, и оттуда раздавались ихъ страстные крики: почему, почему?

— Я уйду, — говорилъ себѣ, Нахманъ, — я не въ силахъ ждать. Отчего она не идетъ?

Какая-то парочка приближалась къ нему, и густой мужской голосъ говорилъ:

— Завтра, Роза, я буду...

— Это Абрамъ, — въ волненіи подумалъ Нахманъ, прижимаясь къ стѣнѣ, чтобы они его не замѣтили, — онъ счастливъ.

Настроеніе его вдругъ перемѣнилось, какъ будто радость этой пары освѣтила и его жизнь.

— Ну вотъ и я, — вдругъ произнесла Неси, тронувъ его за плечо. — Я такъ и знала, что вы не увидите. Вы бы и до утра не ушли отсюда.

Онъ разсмѣялся отъ радости, и весь еще подъ вліяніемъ милыхъ чувствъ, только-что вызванныхъ чужимъ счастьемъ, бросился къ ней, какъ къ родной, и взялъ ея руки въ свои.

— Конечно, конечно, Неси,—произнесъ онъ.—Наконецъ-то вы пришли!

— Пустите мои руки...

Она пристально посмотрѣла на него, какъ бы соображая о чемъ-то, и сейчасъ же уныло бросила:

— Какой тяжелый вечеръ сегодня, Нахманъ, какой тяжелый!..

Она взяла его подъ руку, и они молча пошли, не прижимаясь другъ къ другу, будто только сила одиночества свела ихъ на мигъ, чтобы сейчасъ же развести въ разныя стороны. Ночь росла. И она была унылая кругомъ, во всѣхъ улицахъ, переулкахъ, гдѣ они проходили. Низенькіе дома, какъ упавшія на колѣни чудовища, повсюду ползали за ними, и не было ни одного свѣтлаго луча, который пересѣкъ бы ихъ путь.

— Сегодня,—говорила Неси,—отецъ пригрозилъ мнѣ. Я вижу, какъ онъ не спитъ и злится, и поджидаетъ меня. Онъ приготовилъ палку, и она лежитъ рядомъ съ нимъ.

— Мать звала васъ, Неси,—отвѣтилъ Нахманъ испуганнымъ голосомъ.—И я не знаю, какъ помочь вамъ... Вернитесь домой.

— Не заботьтесь обо мнѣ,—сухо произнесла она.—Я прожила безъ васъ семнадцать лѣтъ, проживу и эту ночь. Вы трусливы.

Она вдругъ отняла свою руку, словно что-то осквернило его въ ея глазахъ, и съ мольбой сказала:

— Мнѣ, Нахманъ, человекъ нуженъ... Вы смѣетесь? Нѣтъ, вы не смѣетесь,—но у васъ опять испуганное лицо. Посмотрите на меня мужественно,—умоляю васъ...

Здѣсь такъ тяжело,—я бѣгу къ вамъ; но вы такой сла-
бый, что я готова заплакать.

— Неси, Неси,—умоляль Нахманъ.

— У васъ, Нахманъ, сердце,—у меня его нѣтъ, и
я потому еще бѣгу къ вамъ. Но вы слабы, слабы,—я
это чувствую даже въ вашей походкѣ. Нѣтъ, нѣтъ?
Такъ прикажите мнѣ что-нибудь! Поднимите вашу руку
и ударьте меня!

Она вдругъ повернулась и быстро пошла отъ него,
а онъ побѣжалъ за ней, весь въ огнѣ, упоенный ея го-
лосомъ, жестами, ея молящей фигурой, въ которой бы-
ло столько искренняго страданія. Теперь онъ чувство-
валъ свою власть, бѣжалъ за ней, нарочно не догоняя,
и, словно вдыхалъ раскаленный воздухъ, запинаясь
твердилъ:

— Не уходите еще, Неси, не уходите!

Она внезапно остановилась и долго всматривалась
въ его лицо.

— Я не знаю,—выговорила она наконецъ,—зачѣмъ я
слушаю васъ, когда вы просите. Вы умѣете что-то за-
трагивать во мнѣ,—но это, Нахманъ, не то... Я бы въ
огонь пошла, если бы вы знали настоящее слово. Мнѣ
нужно пойти въ огонь...

Она въ отчаяніи всплеснула руками.

— Мнѣ хорошо, когда вы говорите, о людяхъ, Нах-
манъ. Расскажите мнѣ о нихъ. Пойдемъ въ большую
улицу, и будемъ смотрѣть на городъ. Огни еще не
потухли...

Она взяла его подъ руку, и они опять пошли мед-
ленно и оглядываясь.

— Говорите, говорите,—просила она.

Они проходили длинный, темный переулокъ, впа-
давшій въ главную улицу окраины, и въ темнотѣ и въ
тишинѣ было какое-то очарованіе отъ шороховъ этихъ

молодыхъ тѣтъ, съ трепетомъ прижимавшихся другъ къ другу. Нахманъ молчалъ. Какъ будто его голосъ долженъ былъ вызвать къ жизни что-то дурное, притаившееся въ темнотѣ,—онъ не смѣлъ говорить. Она требовала: говорите, говорите, — а онъ зналъ лишь одно слово, отъ котораго кружилась голова.

— Но меня ждетъ отецъ, — нетерпѣливо умоляла Неси, — дайте мнѣ немного силъ. Вы молчите? Зачѣмъ же вы зовете, поджидаете меня. Посмотрите на меня смѣло! Нѣтъ, не можете? Скажите, ступай за мной! Не можете?

Она все болѣе раздражалась. Развѣ Нахманъ не какъ всѣ? Она хочетъ человѣка,—его нѣтъ. Она хочетъ свободы,—ея нѣтъ. Она хочетъ свѣта,—его нѣтъ.

— Вы слышите, Нахманъ! — крикнула она, — ничего у меня нѣтъ. Съ дѣтства меня гнали на работу, и я устала, голодна. Я зла, но дайте немного свободы, и я смягчусь. Я смягчусь, Нахманъ. Отецъ бьетъ меня, но я чиста еще не потому, что боюсь его, а потому что хочу большаго. Я могу завтра же бросить домъ,—но я жду...

Она говорила, бросала слова, терялась...

— Скажите,—продолжала она,—если я пойду въ городъ, и попрошу перваго богача, котораго встрѣчу, чтобы онъ взялъ меня,—онъ сдѣлаетъ? Посмотрите на меня скорѣе, и скажите.

Она остановилась и близко придвинулась къ нему.

— Смотрите, Нахманъ, оглядите меня... Не лгите. О, будьте смѣлы хоть теперь! Подумайте,—продать это негодное тѣло, которое здѣсь никому не нужно, отдать живаго человѣка, надъ которымъ издѣвается отецъ, преслѣдуютъ нищѣ бѣдняки, и на мигъ стать сильной, крѣпкой какъ золото, ходить среди гордыхъ, богатыхъ людей, и хоть одинъ разъ сказать „я“,—что можетъ меня удержать?

— Но вы безумная, Неси,—возмутился Нахманъ,— какъ можете вы со мной говорить объ этомъ?

Онъ хотѣлъ разсердиться, прикрикнуть на нее, но когда онъ взглянулъ на ея лицо, его охватила жалость. Теперь онъ чувствовалъ себя обязаннымъ ей за правду, которой она какъ бы связала свою измученную, тоскующую душу, и довѣрчиво отдала ему на судъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ состраданіемъ—и видѣлъ зло. Но оно шло не отъ нея, а отъ этихъ проклятыхъ домовъ нищеты, грязныхъ, заброшенныхъ, утопавшихъ въ великомъ горѣ. Въ этой замученной дѣвушкѣ, кричали тысячелѣтія рабства, плакали тысячелѣтія обидъ, униженій, можетъ быть, возмутились лучшіе инстинкты человѣка, который не выдержалъ... И со всей нѣжностью, на которую былъ способенъ, онъ сказалъ ей:

— Пожалуйте себя, Неси!

— Вы понимаете, вы вѣрите? Я хочу вздохнуть, только вздохнуть, дорогой мой.

Теперь они завернули въ большую улицу и вдругъ увидѣли огни города. Точно въ ожиданіи пляски, притаились они, и широкій полукругъ ихъ казался чудеснымъ ожерельемъ изъ крупнаго жемчуга. Прорвавши темноту, они кивали, манили, и рождалось непоборимое желаніе бѣжать къ нимъ, обнять ихъ, кружиться, благодарить.

— Городъ, городъ!—воскликнула Неси, всплеснувъ руками.—Дорогой мой, уведите меня туда, дорогой мой...

— Но я люблю васъ, Неси,—вырвалось вдругъ у Нахмана,—люблю... Развѣ вы этого не знали?

— Я знала,—смѣялась Неси, и плакала, не отрываясь отъ огня.—Поцѣлуй меня, Нахманъ!

Она покорно отдалась его ласкамъ, и оба счастливые, свѣтлые, смотрѣли на городъ, на огни...

— Если я скажу: богатый господинъ, возьми меня,

—онъ возьметъ?—иногда спрашивала Неси.—Дорогой мой, посмотри на меня и скажи...

— Не говори,—умоляль онъ ее,—и тогда она повторяла:

— Ты боишься? Ты трусливъ, какъ мальчикъ...

И опять она цѣловала его, смѣялась, о чемъ-то думала, а Нахманъ, опьяненный, безъ думъ отдавался ей.

— Смотри, дорогой мой,—печально произнесла она вдругъ,—огни пропадаютъ.

— Но я съ тобою, радость моя...

— Они гухнуть,—все скучнѣе, и'какъ бы приходя въ себя, говорила она.—Вотъ еще, еще.. Прощай, Нахманъ!

Она неожиданно пошла отъ него, по прежнему глухая, неприступная, и онъ, догнавъ ее, съ мольбой говорилъ:

— Отчего ты уходишь, Неси,—отчего?

А она не слушала и все быстрѣе уходила, и онъ шель быстрѣе и, не понимая, что случилось, безнадежно умоляль:

— Отчего ты уходишь, скажи. О, не молчи!

Начинало свѣтать...

VI.

Нахманъ переживаль тяжелые дни. Послѣ памятнаго вечера Неси упорно избѣгала его, и онъ никакъ не могъ добиться поговорить съ ней съ глазу на глазъ. Какъ только онъ приходиль, она сейчасъ же исчезала, и ее нельзя было дожидаться. Онъ просиживаль у Шлоймы, у ея родныхъ, возилъ съ Исерелемъ, и оба они ее искали повсюду,—все было напрасно. Онъ горѣль, и ему казалось, что если бы она услышала его голосъ, одно его слово, то опять бы вернулась къ нему покор-

ная, какъ въ ту ночь, когда отдавалась его ласкамъ. Онъ негодовалъ, чувствуя за собой правоту, и это подсказывало ему тысячи словъ, горячихъ, пылкихъ, которыми онъ раздавить бы ее, если бы она захотѣла его выслушать... Самое мучительное было въ томъ, что онъ не понималъ ее, и все-таки онъ любилъ въ ней именно это непонятное. Она преслѣдовала его всюду своими словами, своей мольбой, жаждой чего-то смутнаго, прекраснаго, и онъ не понималъ, какъ могъ отпустить ее въ тотъ вечеръ. Какая великолѣпная, чудесная жизнь наступила-бы, если бы она была съ нимъ!.. Онъ закрывалъ глаза отъ свѣта радостныхъ образовъ и видѣлъ, какъ прижимается къ ней, цѣлуетъ ея руки, шею... Онъ чувствовалъ ея теплоту; ему казалось, что онъ ее цѣлуетъ... Вся чистота, которая дѣлала его стыдливымъ, ушла, ушелъ и страхъ передъ ея красотой, и осталось одно въ воображеніи: бѣлое дѣвичье тѣло, ослѣпительное, жгучее, ласковое, которое отдавалось ему...

Время между тѣмъ подвигалось. Наступали послѣдніе дни жаркаго лѣта, и въ рядахъ, передъ осенью, наступало самое тяжелое время: торговля падала, покупатели уменьшались, и нужна была вся изворотливость опытныхъ торговцевъ, чтобы продержаться до весны. Шестьдесятъ рублей, вложенные Нахманомъ въ дѣло, давно разошлись, незамѣтно, по мелочамъ: кормился Даніэль съ семьей, Нахманъ раздавалъ деньги направо и налево, не умѣя отказать просившимъ бѣднякамъ-товарищамъ, но въ дни упоенія торговлей, ничего не замѣчалось. Теперь нужно было подумать о кредитѣ, который единственно могъ спасти, и Нахманъ отдался заботамъ минуты. Онъ бѣгалъ къ Шлоймъ за совѣтомъ, сходилъ съ торговцами и старался подражать имъ въ веденіи дѣла, и постепенно образъ Неси начиналъ отходить отъ него.

По утрамъ приходилъ Даніэль и приносилъ свѣжія новости, всегда забавныя, всегда интересныя. Онъ былъ болѣзненный, худой, похожій на цаплю, и плохо залѣченный плевать оставилъ его навсегда слабымъ. Онъ никогда не былъ спокоенъ, вѣчно находился въ движеніи, вѣчно у него горѣла мысль, и походилъ на костеръ, который не потухалъ. Подобно всѣмъ въ окраинѣ, Даніэль любилъ образованность, газеты, хорошую книжку... Изъ послѣднихъ грошей, онъ посылалъ мальчика своего, Мойшеле, въ школу,—старшій, пятнадцатилѣтній, работалъ на фабрику,—и объ этомъ Мойшеле рассказывалъ съ восторгомъ Нахману удивительныя вещи. Когда торговля утихала, у него, неизвѣстно откуда, появлялась газета въ рукахъ, и онъ читалъ ее вслухъ, съ комментаріями, а Нахманъ, не отрываясь, слушалъ. Въ послѣднее время онъ часто заговаривалъ объ евреяхъ и ихъ судьбахъ, и однажды, совершенно неожиданно, открылъ Нахману, что сталъ сіонистомъ и записался въ кружокъ.

Оба сидѣли у корзины и тихо разговаривали. Наступилъ обѣденный перерывъ. Торговцы, укрывшись въ тѣни своихъ огромныхъ зонтиковъ, не спѣша завтракали.

—...Еврейское царство,—продолжалъ Даніэль, устремивъ взоръ къ далекому горизонту и указывая пальцемъ.—Когда мы будемъ у себя, Нахманъ...

Онъ мигнулъ глазомъ, будто зная, какъ это сдѣлать, и Нахманъ, меланхолически глядя на него, монотонно повторилъ:

— Когда мы будемъ у себя...

— Видите ли, Нахманъ,—произнесъ Даніэль, обезпокоенный недоувѣріемъ товарища,—я человѣкъ простой, совсѣмъ простой человѣкъ, пустячокъ, но я не скажу: не вѣрю. Такого человѣка, какъ я,—посмотрите на меня хорошенько—если бы онъ сказалъ: не вѣрю, мало

было бы убить. Вѣрь! Положи голову подъ крыло, какъ птица, и вѣрь! Что намъ осталось, кромѣ вѣры? У насъ былъ одинъ Моисей... Мы оба, Нахманъ, не сильны въ исторіи, но о Моисеѣ слышали. Вотъ онъ вывелъ насъ изъ Египта. Что значить насъ? Кого насъ, что насъ? Насъ тогда не было...

— Я васъ уже не понимаю, Даніэль,—выговорилъ Нахманъ, глядя на него во всѣ глаза.

— Такъ,—добродушно разсмѣялся Даніэль,—но объ этомъ нельзя ясно говорить. Тутъ все въ угадываніи. Здѣсь, Нахманъ, душа работаетъ. Послушайте нашихъ, другихъ... Иногда мнѣ кажется, что я скорѣе понялъ бы француза, турка, чѣмъ ихъ. Но я, Нахманъ, угадываю. Я понюхаю, и въ головѣ какъ будто солнце загорается. Это трогаетъ сердце, что-то дрожить въ васъ, и слезы подступаютъ къ горлу...

— Я тоже что-то почувствовалъ, Даніэль,—признался Нахманъ.—Еврейское царство... Сердце поднимается такъ высоко, что не хватаетъ воздуха въ груди. Я никогда не думалъ о немъ, но это трогаетъ, какъ если бы возлѣ меня стояла мать и плакала. Наше царство. Гдѣ оно? Когда сидишь въ этой шумной и грязной улицѣ, среди бѣдныхъ, несчастныхъ людей, то просто не вѣрится, что мы были когда-то свободными, сильными. Зачѣмъ мы ушли изъ нашего царства?—вдругъ вырвалось у него.

Они молча посмотрѣли другъ на друга, оба охваченные одною печалью.

— Когда сидишь въ этой грязной, шумной улицѣ, повторилъ Даніэль,—какъ отрадно думать о своей странѣ, которая ждетъ насъ, тоскуетъ...

— Мнѣ кажется,—тихо произнесъ Нахманъ,—лучше жить такъ, какъ мы живемъ теперь, съ надеждой на лучшее, чѣмъ жить тамъ и потерять ее...

— Я не понимаю васъ, Нахманъ, но я чувствую,

угадываю... Вы говорите: „тамъ“. Что такое, „тамъ“? Тамъ, насъ... Я кладу голову подъ крыло и вѣрю.

Они долго сидѣли молча, и оба думали объ еврейяхъ. Раньше ни одинъ изъ нихъ не отдасть бы минуты своего времени для большаго вопроса, — теперь объ еврейяхъ нельзя было не думать. Евреи шли отовсюду, со всѣхъ сторонъ, и требовали вниманія, отвѣта. Что-то свѣтлое носилось въ воздухѣ, бросало по пути лучи, и ихъ нельзя было не замѣтить. Раньше никто не думалъ объ общемъ: еврей страдалъ за себя, страдалъ вдвоемъ, — но общей мысли, общей причины никто не зналъ. Теперь сразу открылась вѣковая тайна, — она шла въ ширь и въ глубь, и, какъ прилипчивая болѣзнь, заражала быстро и вѣрно. Никто не зналъ, что случилось, но одинъ сказалъ первое слово, и слово неслось, какъ молнія, какъ побѣдитель, было и здѣсь и тамъ, и отъ него нельзя было укрыться.

— Если я скажу, — произнесъ, наконецъ, Даніэль, — Авраамъ, Моисей, Герцль, а вы повторите: евреи, рабство, домой, то это будетъ одно и то же. Вдумайтесь хорошенько. Развѣ въ этихъ улицахъ, или здѣсь въ рядахъ родина еврея? Вѣдь это все равно. что имѣтъ собственный дворець, и сидѣть у сердитаго сторожа въ сараѣ. Намъ не нужна чужая земля. Конечно, когда мы были псами и не хотѣли вспомнить, что у насъ есть дворець, — сарай тоже кое-что. Но у насъ, Нахманъ, своя дорогая, святая земля...

Онъ сталъ объяснять, какимъ образомъ вернется святая земля въ руки евреевъ, и когда дошелъ до момента возстановленія царства, голосъ его звучалъ торжественно, и глаза выражали прекрасное и трогательное.

— Мы засѣмъ нашу землю, — говорилъ онъ, — и намъ не скажутъ: не смѣй. Наши виноградники расцвѣтутъ, нашъ хлѣбъ уродится тяжелый и густой, мы начнемъ

собирать жатву, и намъ не скажутъ: не смѣй. Мы построимъ дома и дворцы, мы углубимся въ страну, и заселимъ всѣ уголки,—намъ не скажутъ: не смѣй...

— Откуда вамъ это все извѣстно?—съ удивленіемъ спрашивалъ Нахманъ,—вы говорите, какъ по книгѣ.

— Я ловлю слова въ воздухѣ, и сердце поетъ. Когда живешь въ рабствѣ, то обучаешься славить свободу. Отъ одного слова надежды становишься натянутой струной, и она радостно звучитъ.

— Но мы не въ рабствѣ,—возразилъ Нахманъ.—Если рабство, гдѣ оно? Мы свободны. Я знаю, что трудно жить въ нищетѣ, въ голодѣ. Но гдѣ нѣтъ нищеты, гдѣ ея не будетъ? Мнѣ сладко думать о старой родинѣ, но это, Даніэль, не то, что мнѣ нужно.

— Я тоже такъ думалъ, Нахманъ. Приходите въ субботу къ намъ, когда мы собираемся... Теперь я живу такъ, какъ будто у меня были крылья, и ихъ обрѣзали. Я хочу летѣть,—не могу и страдаю. Когда мы будемъ у себя, я спрошу васъ: гдѣ лучше? Въ тотъ день, когда мы будемъ ходить по улицамъ нашей родины, и наши дѣтишки будутъ играть подлѣ дворовъ,—мы, Нахманъ, безъ крыльевъ полетимъ, мы безъ хлѣба будемъ сыты. Родина, родина!..

Онъ остановился, задыхаясь отъ волненія. Онъ видѣлъ ее, онъ страстно рвался къ ней, увѣренный, что при одномъ взглядѣ на святые города, исчезнуть, какъ обманъ, всѣ бѣды евреевъ. Родина! И звуки нѣжные, звуки ласковые дрожали въ его горлѣ... Вставали, милые сердцу, образы библейскихъ людей, Авраамы, Исааки, Яковы, Иосифы, вставали герои, пророки, и вся легендарная жизнь избраннаго народа, когда онъ еще былъ въ общеніи съ Иеговой. Какой жалкой и обидной казалась жизнь кругомъ...

Кто были эти евреи, бритые и бородатые, женщины

въ чужихъ одеждахъ,—всѣ покорившіеся рабы, пере-
нявшіе у господъ внѣшность, языкъ, нравы...

Куда дѣвались библейскіе длиннородые люди, ихъ
одежда, ихъ мощь, ихъ святость? Куда дѣвался свя-
щенный языкъ народа?

И, какъ крикъ боли и какъ вопль торжества, онъ
воскликнулъ:

— Родина, родина!..

Тяжелое, неразрѣшимое переживалъ Нахманъ. Ро-
дина! Но она была здѣсь подлѣ него, въ каждой улицѣ,
въ каждомъ камнѣ, по которому онъ ступалъ.

Она была здѣсь, и въ домѣ, гдѣ онъ родился, и на
кладбищѣ, гдѣ лежали родные, близкіе... При мысли
о старой родинѣ, далекой и невѣдомой, томительно
вздыхалось,—но все же родина была здѣсь, гдѣ сотни
лѣтъ проживали евреи, и отъ нея невозможно было
отказаться.

И отвѣчая не Даніэлю, а самому себѣ, онъ прого-
ворилъ:

— Родина здѣсь...

Ряды оживали. Опять, неизвѣстно откуда, какъ будто
ихъ высыпали, появились люди. Стало тѣсно. Толпа
лѣниво передвигалась, иногда останавливаясь подлѣ
торговцевъ. Даніэль отдался дѣлу, и странно было
теперь слушать его бойкую, базарную рѣчь... Августов-
ское солнце немилосердно жгло, и духота стояла какъ
въ серединѣ лѣта. Нахманъ изнемогалъ.

Весь въ поту, темный отъ пыли, съ пересохшимъ
горломъ, онъ убѣждалъ, клялся, зазывалъ, какъ будто
дѣло шло о всей его жизни. Покупатель лѣниво пере-
биралъ товары, торговался, набавлялъ по грошу, и бы-
вали минуты такой досады, что Нахманъ едва сдержи-
вался...

— Здѣсь долго не проживешь,—шепнулъ ему Дані-

эль, у котораго глаза смыкались отъ усталости,—къ осени они меня похоронять...

И опять хрипло кричалъ: купите, барышня, гребешокъ, кому нуженъ самый лучший гребешокъ?

День передвигался медленно, тяжело. Раза два Нахманъ уже подходилъ къ Шлоймъ, чтобы перебраться словомъ. Торговли не было.

— Что скажете, Нахманъ, на сегодняшній день?— угрюмо произнесъ Даніэль.

Какая-то женщина, толстая, въ веснушкахъ съ заплаканнымъ лицомъ, подошла къ нему сзади и тронула его за плечо. Даніэль обернулся, и на лицѣ его появился испугъ.

— Что случилось, Хана?—упавшимъ голосомъ произнесъ онъ,—ты плачешь? Нахманъ, спросите ее. Посмотрите, у меня похолодѣли пальцы...

Хана снова начала плакать и тихо шепнула:

— Лейбочкѣ машиной оторвало два пальца. Не кричи, Даніэль... Лейбочка въ больницѣ.

Она со страхомъ глядѣла на него, и въ глазахъ ея была смерть. Нахманъ засуетился. Хмурый и какъ будто неумолимый къ кому-то, онъ схватилъ Даніэля за руки и, крѣпко держа ихъ, съ ненавистью пробормоталъ:

— Нужно быть человѣкомъ, Даніэль,—въ этой проклятой жизни оно одно еще помогаетъ.

Даніэль не слушалъ. Лейбочка, кроткій и послушный, стоялъ передъ его глазами, и только его, окровавленнаго, искалѣченнаго онъ видѣлъ, только его плачь онъ слышалъ.

— Мой бѣдный мальчикъ,—умолялъ онъ, блуждая

глазами по окружавшей его толпѣ.—Мой бѣдный, невинный мальчикъ!

Кругомъ люди шумѣли и волновались. Словно очнувшись отъ глубокаго сна, стояли они, вспоминая, какъ сами живутъ, что ихъ ожидаетъ. На мигъ какъ бы сверкнула правда, и она была въ плачущемъ голосѣ мужчины. Они перебирали свои бѣды, всѣ опасности, которыя имъ ежеминутно угрожали и тѣснились другъ къ другу, какъ испуганныя дѣти. Даніэль съ женою давно ушелъ, а они все стояли, сбившись въ кучу, не имѣя мужества окунуться въ свои дѣла, и весь день были печальны, растроганы.

Нахманъ съ трудомъ дождался вечера. Онъ былъ молчаливъ и съ ненавистью наблюдалъ суету людей, кончавшихъ трудовой день. Раньше работа здѣсь казалась ему важной, словно она и въ самомъ дѣлѣ спасала человѣка отъ ударовъ. Теперь онъ видѣлъ въ ней хитро придуманный соблазнъ, заставлявшій забывать объ опасности, о бѣдѣ. Лишь ей отдаваясь, можно было спокойно, закрывъ глаза, приближаться къ пропасти, поджидавшей каждого, только благодаря работѣ несчастные упорно оставались рабами. Что стало съ нимъ самимъ? Безъ денегъ, въ долгахъ, которые теперь сидѣли прочно на его спинѣ и какъ змѣи высасывали всю свѣжесть мысли, всю чуткость его сердца,—развѣ онъ не жилъ той же мертвой, темной жизнью?

Въ тяжеломъ раздумьѣ возвращался онъ домой. „Нужно положить голову подъ крыло и вѣрить“,—вспоминались ему слова Даніэля.

— Во что вѣрить?—спрашивалъ онъ себя въ скорбномъ недоумѣннн, шагая по пыльнымъ улицамъ.

Промчалась конка. Нахманъ поднялъ глаза, и внезапно остановился отъ изумленія. На одной изъ скамеекъ сидѣла Неси, разодѣтая, и лицо ея было полно печали.

— Побѣгу за ней,—мелькнуло у него.

Конка была уже далеко. Онъ повернулся, охваченный страннымъ предчувствіемъ и, размахивая руками, побѣждалъ по улицѣ, крича:

— Неси, Неси!

Шумъ дροжекъ заглушалъ его крикъ.

— Неси, Неси!—не унимался онъ, совершенно потерявшись.

Конка летѣла и какъ будто подсмѣивалась надъ его усиліями. Кучеръ трубилъ въ рожокъ, лошадей, казалось, несли крылья, и черезъ минуту конка, завернувъ въ другую улицу, скрылась.

— Она была разодѣта,—размышлялъ Нахманъ, оставившись, и чувствуя, какъ его проникаетъ ужасъ.—Я увижу ее вечеромъ...

Когда онъ пришелъ домой, его встрѣтила мать Мейты, Чарна. Она сидѣла у порога своей квартиры и пила чай.

— Добрый вечеръ,—ласково произнесла она,—вотъ сегодня, Нахманъ, вы поздно вернулись... Вы напоминаете мнѣ ту жену, у которой обѣдъ былъ готовъ всегда на полчаса позже. Васъ спрашивала хорошенькая дѣвушка.

— Дѣвушка? — пробормоталъ Нахманъ, вдругъ похолодѣвъ.

Онъ вошелъ въ комнату, а старуха въ догонку лукаво говорила:

— Хорошенькая дѣвушка... Неси. Вы вѣдь съ ней знакомы.

Нахманъ уже догадался. Онъ зашелъ къ себѣ и, не зажигая лампы, опустился на стулъ.

— Зачѣмъ Неси приходила?—монотонно спрашивалъ онъ себя,—и отвѣчалъ: не знаю, не понимаю.

Онъ хотѣлъ встать, но чувствовалъ себя такимъ разбитымъ, что побоялся не удержаться на ногахъ. Въ соседней комнатѣ слышались шаги Мейты.

Она заглянула въ комнату и, увидѣвъ, что въ ней темно, сказала:

— Я зажгу лампу, Нахманъ, — вы не можете оставаться въ темнотѣ.

— Подождите, Мейта,—произнесъ онъ.

Она остановилась на порогѣ въ ожиданіи, и сердце у нея билось быстро.

— Здѣсь была Неси, Мейта. Вы ее видѣли?

— Я ее видѣла, Нахманъ. У нея глаза были заплаканы.

— Заплаканы,—вдохнулъ Нахманъ, издавъ звукъ горломъ.—О чемъ она говорила?

— Она говорила: мнѣ нужно увидѣть Нахмана, мнѣ очень нужно увидѣть Нахмана. Только на одну минуту.

— Только на одну минуту,—съ сожалѣніемъ произнесъ онъ.—Отчего же меня не было дома?

— Она ходила по комнатѣ, садилась, вставала. Она казалась мнѣ больной. Она выглядывала изъ окна, утирала глаза, выходила во дворъ, возвращалась, и все повторяла: мнѣ нужно увидѣть Нахмана, мнѣ очень нужно увидѣть Нахмана...

— Бѣдная, бѣдная дѣвушка!—вырвалось у него.

— Вы ее любите?—раздался въ темнотѣ робкій дрожащій звукъ.

— Я не знаю, Мейта, но теперь у меня разрывается сердце. Я бы для нея жизни не пожалѣлъ.

Что-то задрожало у дверей. Пронесся глубокий вздох.. обрвался... Нахманъ внимательно слушалъ.

— Мейта,—позвалъ онъ,—Мейта!

Никто не откликнулся. Вошла Чарна и своимъ добрымъ голосомъ спросила:

— Вамъ что-нибудь нужно, Нахманъ?

Онъ ничего не отвѣтилъ, а старуха, вертясь по комнатѣ, говорила:

— Старому человѣку нужно что-нибудь, а молодому и всего міра мало. Я вамъ расскажу исторію о чело-вѣкѣ, и она васъ чему-нибудь научить. Куда это Мейта пропала? Мейта, Мейта... Вы видите,—ее нѣтъ. Это тоже имѣетъ свою хорошую исторію. Однажды у одного сильнаго царя...

— Подождите,—прервалъ ее Нахманъ, начавъ при-слушиваться,—кажется, кричать во дворѣ.

Старуха высвободила уши изъ-подъ косынки и на-сторожилась.

— Да, да,—произнесла она,—кричать. Человѣкъ не можетъ не кричать: онъ рождается съ крикомъ, въ крикѣ проходить его жизнь...

Нахманъ вскочилъ. Шумъ становился все громче, и врывался въ комнату, какъ будто бы окна въ ней были раскрыты.

— Это у Симы, — объяснила Чарна.—Своими несча-стями она мнѣ напоминаетъ исторію съ человѣкомъ, который, однажды зѣвнувъ, не могъ закрыть рта. Но Нахманъ уже не слушалъ и выбѣжалъ изъ комнаты. Во дворѣ стояла толпа сосѣдей, и Сима о чемъ-то кри-чала, указывая на хромую Иту.

Мехеле держался возлѣ нея и надорваннымъ отъ рыданій голосомъ умолялъ:

— Довольно, моя мама, довольно, перестань уже!

— Никто моего сердца не знает!—крикнула Сима, отбросивъ мальчика и тоскливо оглядывая толпу.—Я одна какъ палець, кто хочетъ пожалѣть больную старуху?

— Говори уже, что случилось,—съ нетерпѣніемъ перебила ее сосѣдка старуха.

— Ты спрашиваешь? Я тебя спрошу. Въ городѣ долженъ быть старшій, скажи! Вотъ Ита вышла изъ больницы... Только тотъ, кто наверху, кто все видитъ и знаетъ,—знаетъ, что мое сердце перенесло. Былъ стыдъ, былъ ядъ, больница, выкидышь,—спрашиваю у всѣхъ, въ чемъ я виновата? Развѣ я велѣла ей влюбиться въ этого разбойника... Она вернулась изъ больницы,—ни одного слова я не сказала ей. И съ перваго же вечера началось: хочу отравиться, хочу отравиться.

— Ты еще говоришь,—перебила ее Ита страстно.

— Вы слышите: я говорю...! Научи меня молчать,—покажи, какъ это сдѣлать. Я прихожу домой вечеромъ мертвая, спрашиваю васъ, зачѣмъ меня мучить? Я не прошу любви у нихъ.—но пусть дадутъ отдохнуть. И начинается...

— Довольно, моя мама,—послышался голосъ Мехеле,—довольно.

Толпа хмуро молчала. Женщины, сложивъ руки на груди, утрюмо переговаривались. Старики сочувственно кивали головами, и сжимая кулаки, отъ сознанія своего безсилія противъ новой жизни, развращавшей ихъ дочерей, съ яростью выбрасывали:

— Ихъ нужно задушить, задушить!

Нахманъ не отрывался отъ хромой дѣвушки, столько перестрадавшей. Она стояла въ угрожающей 'позѣ и дикимъ взглядомъ окидывала толпу.

— Позоръ мнѣ,—иногда вскрикивала она,—это дѣлаетъ мать...

— Посмотрите на вторую, — неистовствовала Сима, подойдя къ своей квартирѣ и указывая на Фриму. — Довольно уже скрывать. Что скажете на мое несчастіе? Вотъ она пришла съ подбитыми глазами. Кто ее билъ, спросите? Гдѣ она была? А Фейчи еще нѣтъ...

Она какъ будто лишь теперь поняла весь ужасъ своей жизни, и всплеснувъ руками, зарыдала дикимъ голосомъ. Мехеле опять началъ кружиться, прыгать вокругъ нея, и жалобнымъ голосомъ просилъ.

— Моя мама, — моя мама!..

Толпа медленно расходилась. Старуха сосѣдка подошла къ Симѣ и увела ее. У порога стояла Фрима, покачивалась и, обращаясь къ двумъ дѣвушкамъ, спрашивала:

— Я пьяна? Неправда. Я выпила только одну рюмочку сладкой водки. Можетъ быть, двѣ... И теперь мнѣ весело. Я не чувствую жизни.

— Она пьяна, — съ ужасомъ говорила Сима, наклоняясь къ уху старухи. — Если бы кто-нибудь меня убилъ, я благословила бы его руку...

— Ты сердисься, мать, — смѣялась Фрима, — но я и слушаю тебя. Что такое вся жизнь, мать? Мука, проклятіе... Такъ повеселюсь немного. Твои корзины еще успѣю носить.

Нахманъ, не въ силахъ больше слушать, вышелъ на улицу и повернулъ къ дому, гдѣ жила Неси. Онъ старался ни о чемъ не думать, чтобы не лишиться мужества. Надъ нимъ бѣжали густыя, сѣрыя тучи, и молочное небо, освѣщенное луной, быстро темнѣло. Поднялся вѣтеръ, крѣпкій какъ на морѣ. Короткія тѣни домовъ слились съ темнотою.

— Сейчасъ дождь пойдетъ, подумаль онъ съ безпокойствомъ.

Мелькнула молнія и, какъ лезвіе, разрѣзала небо на

двѣ половины. Запахло фосфоромъ, выстрѣлили громъ, и дождь начался. Нахманъ ускорилъ шаги. Деревья трещали, телеграфные столбы гудѣли, у стѣнъ неся свистъ, и минутами вѣтеръ такъ шумѣлъ, что Нахманъ переставалъ слышать.

— Я не увижу ее, — тревожно думалъ онъ, входя во дворъ.

Въ квартирѣ ницаго Дона было свѣтло. Нахманъ заглянулъ въ окно и увидѣлъ старуху Энни. Неси не было въ комнатѣ. Онъ вышелъ на улицу, рѣшивъ подождать ее. Промокшій и продрогшій, онъ прижался къ стѣнѣ и забылся. Время тянулось медленно. Дождь усиливался, и казалось, что вблизи сѣкли кого-то, — переставалъ, опять начиналъ... Изъ города неожиданно донесся плачущій звонъ башенныхъ часовъ.

— Уже поздно, — лѣнливо подумалъ Нахманъ, — гдѣ она можетъ быть?

Онъ снова сталъ ждать. Дождь утихалъ. Далеко впереди небо очистилось и было похоже на матовое стекло. Показалась луна и освѣтила улицу. Опять съ плачемъ прозвонили часы.

— Я не дождусь ее, — встрепенулся Нахманъ, — вдругъ почувствовавъ, что напрасно стоитъ здѣсь.

Онъ отошелъ отъ стѣны и, весь въ печали и скорби, зашагалъ по грязнымъ тротуарамъ. Какъ страшна была жизнь здѣсь въ окраинѣ! Чѣмъ больше она раскрывалась ему, тѣмъ шире разрасталось что-то огромное, свинцовое, и мысль передъ этимъ оставалась такой же беззащитной, какъ человѣкъ, на котораго навалилась гора. Жизнь мчалась, разнузданная, мелочная, и онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, откуда шло главное зло, кто былъ истиннымъ врагомъ людей.

Каждый здѣсь дѣлалъ только то, что неизбѣжно коверкало его существованіе, и въ этомъ было что-то

роковое. Одни убѣгали изъ окраины и гдѣ-то погибали; другіе пропадали здѣсь. Въ семьяхъ не было связи, единства, старые ненавидѣли молодыхъ, молодые ненавидѣли старыхъ. Здѣсь отравлялись отъ отчаянія, отъ неудачъ, погибали дѣти, подростки пьянствовали, отдавали послѣдніе гроши на игру, и вездѣ и во всемъ неизлѣчимыя бѣды безъ отпора били по тѣсягамъ людей...

У воротъ его дома, какая-то женщина нагнала его и, заглянувъ въ лицо, страстно шепнула:

— Это вы, Нахманъ,—откуда такъ поздно?

Нахманъ испуганно обернулся и увидѣлъ передъ собою Фейчу.

— Вы тоже не рано возвращаетесь,—произнесъ онъ съ досадою.

— Вотъ какъ,—отвѣтила она, сверкнувъ глазами,—и вы сердитесь?

Она вдругъ потянула его за руку, улыбнулась и, не давъ опомниться, быстро обняла его и жарко поцѣловала.

— Какой вы пріятный,—шепнула она,—ваше лицо теплое...

— Вы съ ума сошли, Фейча,—проговорилъ онъ, покраснѣвъ и чувствуя, что не можетъ разсердиться,—перестаньте же! Вы опять?

Но она по его голосу поняла, что съ нимъ, и теперь все крѣпче сжимала, увлекая подальше отъ воротъ, и онъ шелъ за ней и бормоталъ:

— Это стыдно, Фейча,—я прощу васъ. Вы такая молоденькая...

— А она сдавленно смѣялась, прижималась къ нему, цѣловала и страстно говорила:

— Не сердитесь, — вы такъ мнѣ нравитесь. Я сказала себѣ: Нахманъ будетъ моимъ... Я не свяжу васъ, нѣтъ, нѣтъ. Дайте только надышаться вами, а потомъ ступайте куда хотите. Обнимите меня. Обними меня! Смотри, Нахманъ, — меня не видно въ твоихъ объятіяхъ. Ты не умѣешь цѣловаться... Милый Нахманъ!..

Она смѣло взяла его за руку, и онъ покорно пошелъ за ней.

Свѣтало, когда Нахманъ вернулся домой. Въ первой комнатѣ онъ увидѣлъ Мейту. Она сидѣла на стулѣ и спала. Услышавъ его шаги, она проснулась, быстро поднялась и отошла въ сторону.

— Какъ поздно, — прошептала она...

Нахманъ не отвѣтилъ ей и, съ страннымъ отвращеніемъ къ себѣ, прошелъ въ комнату...

Въ тишинѣ раздались подавленные звуки. Кто это плакалъ?

VI.

Съ каждымъ днемъ Мейта все болѣе влюблялась въ Нахмана, съ каждымъ днемъ... Какъ будто проклятіе повисло надъ ней. Чѣмъ откровеннѣе онъ избѣгалъ ее, тѣмъ страстнѣе и упорнѣе она тянулась къ нему, не смѣя отъ стыда и страха выразить свои чувства. Молчаливая и внимательная, она краснорѣчивѣе говорила о томъ, что съ ней, чѣмъ если бы объяснялась самыми пылкими словами. Она не понимала, какъ это случилось, и поджидая его прихода, съ ужасомъ спрашивала себя: я люблю Нахмана? и съ изувѣрской стыдливостью ребенка отвѣчала: нѣтъ, нѣтъ.

Когда онъ приходилъ, она молча говорила съ нимъ, ссорилась, мирилась, капризничала, будто онъ ее обожалъ, и не могъ жить безъ ея улыбки. Весь день она

проводила дома, стирая бѣлье,—и тяжелый трудъ, отъ котораго ломило въ груди и ныло тѣло, теперь проходилъ въ пѣни, въ какомъ-то созерцательномъ восторгѣ оттого, что вся квартира дышала Нахманомъ, была для Нахмана, оттого, что Нахманъ придетъ вечеромъ и скажетъ: Мейта, дайте мнѣ умыться, — и она будетъ слышать, какъ онъ плещетъ водой. Потомъ, чистый, здоровый, красивый, онъ сядетъ пить чай, и она ему будетъ услуживать, а онъ посмотритъ на нее своими большими глазами, въ которыхъ она желала бы утонуть.

Она работала, и каждый разъ какъ птица, которая еще не научилась пѣть, но уже пробуетъ,—чирикала и замирала.

— Я люблю Нахмана,—люблю, люблю.

День пробѣгалъ въ сладостномъ ожиданіи, и минуты, какъ добрые враги, быстро уходили, чтобы приблизить время его прихода. Онъ былъ повсюду, во всѣхъ углахъ стояли тѣни его фигуры, и она отъ счастья закрывала глаза, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ здѣсь и не отрывался отъ нея. Она цѣловала его вещи, перебирала ихъ въ рукахъ, чтобы упиться радостью чистаго общенія съ нимъ. Она безъ конца возилась въ его комнатѣ, становилась у окна, замѣтивъ его привычку, и старалась глядѣть, какъ онъ, на стѣну дома, и думать его мыслями. Ей было неприятно все свое: одежда, тѣло, свои жесты, и она легко претворялась въ него. Ходила медленными шагами по комнатѣ, и подражая голосу Нахмана, въ странномъ несознанномъ волненіи, тихо говорила:

— Нищеты не должно быть,—нужно умѣть желать.

И нищета, скверный Богъ, безъ устали бичующіи людей, — образъ жестокаго хозяина надъ безсильными рабами, — нищета носилась въ трогательныхъ звукахъ любви. И что-то смирялось въ душѣ Мейты, когда она произносила эти слова.

Лишь только дворъ засыпалъ, а огни въ квартирахъ исчезали, она выкрадывалась изъ комнаты, гдѣ спала ея мать, и трепещущими шагами шла къ Нахману, который сидѣлъ у порога. Какъ повелитель, открывался онъ ей. О чемъ онъ думалъ? Косой, синей полосой поднималось звѣздное небо надъ стѣной дома, и нѣжно и ласково манило ее въ даль.

— Я скажу ему, — и она не знала, о чемъ хотеть сказать—я скажу ему...—Нахманъ...

Шопотъ падалъ подлѣ нея, и она со страхомъ вздрагивала.

— Нахманъ, Нахманъ? произнесла ли она это имя?

И убѣгала въ комнату, не смѣя потревожить его.

Иногда Нахманъ рассказывалъ ей о своей жизни, и она, подперевъ подбородокъ руками, задумчиво слушала, умиляясь отъ звуковъ его голоса, и несмѣло возражала своимъ тихимъ, нерѣшительнымъ тономъ, какъ бы желая убѣдить себя, что онъ правъ вездѣ и во всемя. Она знала уже о Натанѣ, по которомъ Нахманъ часто тосковалъ, и ревновала его къ нему и ко всѣмъ. И когда думала, что онъ можетъ полюбить какую-нибудь другую дѣвушку, то закрывала глаза и мечтала о смерти.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Фейча сошлась съ Нахманомъ, Мейта, сидя съ ней у порога квартиры Симы, оживленно разговаривала о побѣгѣ Неси. То, что во дворѣ было темно, и серебряныя капли звѣздъ смиренно висѣли надъ ними, сближало обоихъ, и казалось имъ, — онѣ всегда оставались сестрами. Изъ комнаты иногда доносился голосъ Симы, голосъ Дины, и была радость оттого, что есть старшіе люди, которые за все отвѣтятъ.

— Я думаю, — она вернется, — тихо говорила Мейта, подперевъ по привычкѣ подбородокъ руками и кусая свои тонкіе пальцы. — Она была странной дѣвушкой, и городъ ей скоро надоѣсть.

— Меня мучить,—возразила Фейча,—гдѣ она можетъ быть? Я тоже люблю городъ, но въ немъ тысячи дорогъ. Когда-то я мечтала о богатомъ человѣкѣ. Онъ долженъ былъ полюбить меня и... и какой глупенькой бываешь въ четырнадцать лѣтъ!

— Я тоже мечтала,—поглядѣвъ на небо, произнесла Мейта,—но о городѣ, о богатствѣ я никогда не думала. Мать мнѣ рассказывала чудесныя исторіи... Я мечтала о добромъ человѣкѣ. Онъ долженъ былъ быть добрымъ, Фейча, ослѣпительно добрымъ. Я никогда не видѣла красивой лошади, но его я видѣла на красивой лошади, и она казалась мнѣ доброй. Я теперь тоже мечтаю,—со вздохомъ прибавила она,—и если бы не это, я не могла бы работать...

— Неси хотѣла богатства,—послѣ раздумья, проговорила Фейча,—оттого она нигдѣ не работала, не держалась. Ее принимали за красоту, но она была гордой и всѣмъ отказывала. Ей будетъ трудно жить. Ты еще не знаешь, Мейта, что тебя ждетъ на фабрикѣ...

— Я умру честной, Фейча, — покраснѣвъ, отвѣтила Мейта,—клянусь тебѣ!

— Не думаю, Мейта. Вотъ я не выдержала. Развѣ я хотѣла? Но и тянетъ и толкаетъ. Посмотри, — насъ четверо дѣвушекъ дома, а три уже испортились. Даже калѣка Ита не выдержала, а я вѣдь еще въ пятнадцать лѣтъ сбросила...

— Правда?—съ ужасомъ вырвалось у Мейты.

— Я и не хотѣла бы, чтобы это было ложью. Ты дурочка... Я знаю дѣвушекъ некрасивыхъ, которыя готовы годъ работать даромъ, лишь бы кто-нибудь захотѣлъ ихъ. Это открываетъ дорогу, Мейта. Развѣ можно, зарабатывая шесть, восемь рублей въ мѣсяцъ, жить, одѣваться, быть сытой... Она пересѣла, чтобы не слышать голоса матери, и тихо шепнула:

— Вотъ я въ пятнадцать лѣтъ сбросила, потому что нечаянно забеременѣла. Но я въ тринадцать уже не была дѣвушкой. Какъ это случилось? Если съ тобой еще не было — не спрашивай. Я и сама не могу объ этомъ вспомнить. Ты уже любила, Мейта?

Мейта со страхомъ посмотрѣла на нее и, вздрагивая, скороговоркой произнесла:

— Это было страшно, Фейча, это было страшно...

— Ты не отвѣчаешь, — сердилась Фейча, — а я думала, что Нахманъ...

Она разсмѣялась, вспомнивъ, какъ легко овладѣла имъ, какъ онъ былъ жаденъ къ поцѣлуямъ, и чуть не проговорила.

— Нахманъ еще не вернулся, — со вздохомъ произнесла Мейта. — Должно быть, онъ денегъ не досталъ, и ему придется бросить ряды.

— Какъ ты произносишь его имя, — настаивала Фейча, — можетъ быть, уже началось...

— Когда ты поймешь, мать, — раздался голосъ Дины, — что означаетъ еврейство, то будешь вѣрить...

— О чемъ они говорятъ? — съ изумленіемъ спросила Мейта.

— Не слушай, — отрѣзала дѣвушка. — Еврейское царство... Царство. Я не знаю, какъ кончу жизнь, — вдругъ съ грустью выговорила она, и слезы блеснули въ ея глазахъ. — Я живая, Мейта, я живая... Я дѣвушка, а съ десяти лѣтъ должна была зарабатывать, какъ мужчина. Царство... Теперь я не дѣвушка, но это еще не кормить. Скоро совсѣмъ придется пойти на улицу, чтобы прокормить мать, калѣку Иту...

Мейта, словно кто-то ей угрожалъ, и нужно было умолить, чтобы ее пощадили, опять шепнула:

— Я умру честной, клянусь.

Въ темнотѣ обрисовались двѣ фигуры. Фейча всмотрѣлась въ нихъ и сказала:

— Это Фрима съ Маней. Вотъ кого мнѣ жалко. Обѣ совѣмъ глупенькія и сгорятъ, какъ свѣчи. Особенно Фрима.

Она пошла имъ навстрѣчу, и когда онѣ встрѣтились, то заговорили. Мейтѣ еще не хотѣлось уходить, и она осталась ждать. Теперь ее начинало тревожить глухое безпокойство. Она никогда не думала о себѣ, увѣренная, что ее должна миновать судьба дѣвушекъ окраины, и не представляла себѣ возможности своего паденія. Она не была жадной, избѣгала мужчинъ, страшилась разврата... Но Фейча взволновала ее. Было такъ, будто ей приснился злой сонъ о себѣ, и она знала, что онъ осуществится.

— Я боюсь чего-то, — думала она, вздрагивая отъ предчувствій, — чего я боюсь?

Мимо нея быстро прошла семилѣтняя Блюмочка, и Мейта машинально спросила:

— Куда ты идешь, Блюмочка?

Дѣвочка, не останавливаясь и хмуря глаза отъ свѣта, шедшаго изъ оконца Симы, пѣвучимъ голоскомъ отвѣтила:

— Мать меня послала купить кофе. У нея опять сжимается сердце.

Дѣвочка была очень умненькая, очень разсудительная, добренькая, услужливая, и всѣ во дворѣ, взрослые и дѣти, крѣпко любили ее. Она была одна у матери модистки и безъ памяти обожала ее. Она улыбалась только тогда, когда мать чувствовала себя хорошо, жалѣла всѣхъ во дворѣ, понимала значеніе смерти, и если кто-нибудь умиралъ, пряталась въ комнатѣ, долго рыдала, и молилась о здоровьѣ всѣхъ людей. Теперь у матери начался припадокъ, и она со всѣми своими опа-

сеніями, дѣтскимъ страхомъ, мученіями, одна помогала ей.

— У нея сжимается сердце, — торопливо повторила она, — я куплю кофе, ледь...

Фейча вернулась съ Фримой, и у обоихъ голоса были веселые, увѣренные. Сегодня Фрима въ первый разъ сошлась съ настоящимъ господиномъ, хорошо одѣтымъ, щедрымъ, и тотъ ей назначилъ новое свиданіе черезъ три дня. Онъ далъ ей два новенькихъ рубля, и ей казалось, что пуды серебра тянутъ ея карманы къ землѣ.

— Очень нужно работать! — не стѣняясь, громко говорила Фрима. — Гдѣ дѣвушка, тамъ хорошій охотникъ. Я куплю себѣ хорошенькую шляпку, Фейча! Пусть на фабрику работаетъ, кто хочетъ.

Мейта поднялась, почувствовавъ, что дѣвушкамъ не до нея, и пошла къ себѣ. Но уже на полдорогѣ замедлила шаги и насторожилась. Изъ воротъ неся голосъ Нахмана...

— Нахманъ, — радостно подумала она, усаживаясь на порогѣ, — съ кѣмъ это онъ разговариваетъ?

Прошла долгая минута. Блюмочка уже вернулась, пробѣжала мимо въ припрыжку и скрылась въ одной изъ квартиръ.

— Какъ у меня сердце бьется, — подумала Мейта, — буду думать о другомъ.

Голоса приближались. Показался Нахманъ, подъ руку съ незнакомымъ человѣкомъ и, увидѣвъ Мейту, весело и громко сказалъ:

— Добрый вечеръ, Мейта! Посмотрите, кого я привелъ. Вы не повѣрите. Это Натанъ... Со вчерашняго дня онъ меня ищетъ и липъ къ вечеру нашелъ въ рядахъ.

Дѣвочка растерялась отъ неожиданности и, не ображая, пробормотала:

— Натанъ, какой Натанъ?

— Товарищъ мой, Мейта, — солдатъ. Развѣ вы не помните? Посмотрите на него! Вотъ онъ Натанъ, Натанъ...

Онъ говорилъ радостнымъ голосомъ, былъ возбужденъ, но Мейтѣ въ его тонѣ слышалась печаль.

— Зайдите, — произнесла она, все еще не умѣя опомниться, — вы мнѣ послѣ расскажете. Не разбудить ли мать?

— Нѣтъ, нѣтъ, — попросилъ Натанъ, — никого не нужно беспокоить.

Мейта быстро оглянулась на него, и въ душѣ ея сразу установилось разочарованіе. Она успѣла разсмотрѣть его, и ничего похожего на то, что представляла себѣ, не было въ немъ. Онъ былъ худой, съ плоскими плечами, обросшій бородой и держался сгорбившись. Говорилъ хриплымъ шопотомъ и употреблялъ усилія, чтобы его слышно было.

— Онъ боленъ, — промелькнуло у Мейты.

Она побѣжала въ комнату Нахмана, зажгла лампу, и, когда оба вошли, снова оглядѣла его и чуть не всплеснула руками. {Здѣсь, при свѣтѣ, худоба Натана казалась ужасной. Въ лицѣ не было кровинки. Глаза съ длинными рѣсницами, смягчавшими взглядъ, лихорадочно блестѣли, а черная курчавая борода, плохо заполнявшая худыя щеки, выдвигала впередъ, какъ тупыя острія, обѣ челюсти.

— Онъ долго не проживетъ, — съ жалостью подумала Мейта, не смѣя заговорить.

Натанъ вдругъ закашлялся. Сначала тихо, будто былъ увѣренъ, что сейчасъ пройдетъ. Потомъ сильнѣе, — покраснѣлъ, посинѣлъ, и звукъ былъ такой, какъ если бы дули въ отверстіе ключа: металлическій, тонкій. Потомъ уперся кулаками въ колѣни, сотрясался вверхъ и внизъ и, иногда дѣтски улыбаясь, съ усиленіемъ произносилъ:

— Подождите, я сейчас перестану.

И опять кашлялъ, мучительно гадко. Нахманъ въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ и, чувствуя на себѣ взглядъ Мейты, каждый разъ оборачивался и печально качалъ головой. Когда же смотрѣлъ на Натана, — безъ силы улыбался ему.

— Теперь дайте мнѣ воды,—устало произнесъ Натанъ, вытирая потъ съ лица.

Мейта вышла, а Натанъ тонко, точно зная тайну и не хотѣлъ ее выдать, сказалъ:

— Сколько мнѣ еще осталось жить?

— Садись, садись,—жалостно проговорилъ Нахманъ.— Что они съ тобой сдѣлали?

— Не будемъ говорить объ этомъ, Нахманъ... Я прошелъ хорошую школу... Теперь у меня такое богатство, что я не отдаю бы его за время, которое мнѣ осталось жить. Я смирился, Нахманъ, я понялъ...

Вошла Мейта съ водой, и онъ оборвался. Нахманъ опять сталъ ходить.

Натанъ оглядывалъ комнату и долго останавливался на каждомъ предметѣ. Потомъ внимательно посмотрѣлъ на Мейту.

— Ты хорошо устроился, Нахманъ,—тихо сказалъ онъ,—никогда не повѣрилъ бы...

Мейта, сидя въ сторонѣ, жадно смотрѣла на Натана, стараясь отыскать на этомъ замученномъ, изможденномъ лицѣ все то прекрасное, о которомъ съ такой любовью рассказывалъ Нахманъ. Постепенно она начинала привыкать къ звукамъ его голоса, и что-то ласкающее, что то близкое своему сердцу уже слышалось ей въ немъ.

— Я о себѣ расскажу позже,—отозвался Нахманъ,—это такъ немного, такъ мало хорошаго я могу рассказать,—прибавилъ онъ, покраснѣвъ.

И въ наступившемъ молчаніи странно прозвучали его слова.

— Хотѣлъ бы смириться, Натанъ.

Въ его тонѣ звучала тоска, растерянность. На себя онъ бралъ вину въ побѣгѣ Неси, и невыносимо было вспомнить, какъ легко онъ палъ, когда Фейча поманила его. Казалось ему, что Натанъ перевалилъ уже большую гору, и тяжело было признаться, что самъ онъ еще совершаетъ мучительный подъемъ.

— Я прошелъ школу, — сказалъ Натанъ: — я хорошо страдалъ. И если бы можно было показать душу послѣ страданія, какая она чистая, свѣтлая, — всякій благословилъ бы страданіе. Дай мнѣ чаю, Нахманъ...

Въ его глазахъ стояло что-то упрямое, будто въ рукахъ онъ держалъ сокровище, которое нашелъ и его хотѣли отнять. Нахманъ сдѣлалъ знакъ Мейтѣ, и, когда она вышла, оба сидѣли молча.

Дѣвушка скоро вернулась съ кипяткомъ, приготовила чай, разлила въ стаканы, дала Натану, Нахману, и опять усѣлась въ сторонѣ.

— Я хотѣла спросить, — тихо сказала она, — развѣ люди не всегда мучатся отъ страданія? — Она сдѣлала жестъ. — Вотъ здѣсь есть дѣвушка... Фейча... Она мученица.

Нахманъ оглянулся на Мейту. Какъ будто гѣнь прошла мимо и заслонила ее.

— Я поговорю съ ней, — подумалъ Нахманъ.

Люди мучатся отъ страданій, — отвѣтилъ Натанъ, — я знаю. Но виноваты въ этомъ люди, Мейта, а не страданія.

— Я не понимаю, — перебилъ Нахманъ.

— Дайте мнѣ еще чаю... Въ этой жизни, Нахманъ, нужно устроиться такъ, чтобы полюбить страданія, — въ этомъ спасеніе. Надо дѣлать ихъ приятными. Вы огля-

нитесь, Мейта!—Онъ поднялъ обѣ руки и такъ держалъ ихъ. — Жизнь вѣдь одно страданіе, и необходимо сдѣлать изъ него наслажденіе. Если бы люди уже могли...

У Мейты завертѣлось въ головѣ. Какъ будто Натанъ открылъ дверь въ новый міръ, и она заглянула въ него. Какъ ясны были теперь слова Фейчи. Страданіе она превратила въ радость, изъ позора и обидъ она сдѣлала украшеніе.

— Я понимаю васъ!—съ увлеченіемъ произнесла она.— Я вѣрю, я вѣрю...—Она начинала, обрывалась... Какъ хороша она была въ своемъ волненіи! Свѣтъ отъ лампочки дѣлалъ ее всю золотистой, и въ этомъ подвижномъ золотѣ, точно въ оправѣ, какъ что-то отдѣльное живое, переливались блестяшіе восторгомъ глаза.

— Не понимаю,—повторилъ Нахманъ,—когда больно, то больно, и къ этому не привыкнешь.

Ему становилось досадно, непріятно. Лишь вчера онъ былъ у Хаима и насмотрѣлся такихъ ужасовъ, что теперь казалось позоромъ слушать Натана. А Натанъ, какъ человѣкъ, познавшій истину и пожелавшій отдать ее другому, сердечно говорилъ:

— Ты сердисься, Нахманъ, я вижу. И мнѣ какъ будто стыдно передъ тобой. Но я понялъ... Зачѣмъ бороться, биться, когда страданіе неизбежно?..

Онъ замолчалъ. Нахману стало грустно. Опять сидѣлъ прежній Натанъ, ласковый, нѣжный, съ милыми жестами... Во дворѣ бродила тишина, пустая, безстрастная, безнадѣжная. Люди безъ тревоги спали послѣ дня трудовъ и мученій, и мнилось что-то освященное въ этой ночной покорности, когда они запасались силами для безцѣльныхъ страданій. Чего еще хотѣлъ Натанъ? Развѣ въ окраинѣ не въ конецъ искалѣчили себя, чтобы не бороться?

— Мнѣ не нравится все, что ты говоришь,—произнесъ Нахманъ послѣ молчанія,—я теряюсь.

— Нужно пройти школу,— съ силой возразилъ Натанъ.— Какая цѣль жизни? Быть сытымъ? Это ужасно, Нахманъ... Страданіе вѣчно, претворимъ его въ радость. Сложимъ руки,—пусть бьютъ насъ по щекамъ.

— Мнѣ страшно слушать тебя,—съ испугомъ проговорилъ Нахманъ, взглядываясь въ его возбужденное лицо.— Перестанемъ говорить объ этомъ.

— Мнѣ страшно,—прошептала Мейта про себя.

— Перестанемъ,—согласился Натанъ,—но я нашель утѣшеніе, я смирился, я счастливъ... Я былъ единственный еврей въ полку... У меня болѣло тѣло, кружилась голова... Но душа моя грѣлась, какъ у теплаго очага. Я сказалъ себѣ: страданіе вѣчно, нужно умѣть претворить его въ радость...

Онъ всталъ и заходить по комнатѣ. Нахманъ, опустивъ голову, слушалъ и уже не разбирался, правъ ли Натанъ, и хотя сердце его кричало: нѣтъ, но восхищенная душа просила покориться.

— Выйдемъ,—произнесъ Натанъ,—я задыхаюсь.

Они вышли и уѣлись на порогѣ. Мейта осталась въ комнатѣ, иногда засыпала, грезила, пробуждалась, и ей сладко было слушать неумолкавшіе голоса.

Теперь Натанъ вспоминалъ и тихимъ голосомъ рассказывалъ о своей поѣздкѣ въ полкъ...

— Довольно,—попросилъ Нахманъ,—я свалился бы гораздо скорѣе тебя...

— Теперь мнѣ дали чистую отставку,—усмѣхнулся Натанъ.

Оба замолчали и долго глядѣли на луну. Она шла тихо, тихо по небу и какъ бы передвигала тѣни на землѣ, чтобы ей удобно было видѣть все, что внизу. Но что-то безконечно доброе лежало на ея гругломъ лицѣ, въ ея человѣческой улыбкѣ. И только темная кайма губъ была искривлена на бокъ, какъ будто отъ состраданія.

— Поговоримъ о тебѣ,—произнесъ Натанъ: — я конченый человѣкъ... Завтра пойду въ больницу, можетъ быть навсегда. Странно,—вдругъ выговорилъ онъ,—какъ далеки наши мечты. Помнишь вечера на томъ дворѣ?

— Да, да,—подхватилъ Нахманъ, обрадованный этимъ вопросомъ, — я и самъ не понимаю, что произошло съ нами. Я теряюсь, Натанъ... Я спрашиваю себя: чего я хочу? Можетъ быть, я знаю... но какъ сдѣлать? Не знаю, Натанъ, не знаю. Столько загадокъ кругомъ... Меня окружаютъ горы людей, мнѣ тяжело ихъ носить...

Горы людей,—шопотомъ повторилъ Натанъ.

— Да, да, горы. Вотъ видишь этотъ дворъ? Ступай изъ комнаты въ комнату, ты услышишь все стоны, какіе можетъ издать человѣкъ. Ступай изъ дома въ домъ, ты услышишь худшее. Я весь день съ ними, весь день, Натанъ!..

Онъ замолчалъ, подавленный. Какъ будто токъ прошелъ между обоими и соединилъ ихъ.

— Нахманъ!—тихо произнесъ Натанъ.

— Что, Натанъ?

— Смерть лучше жизни. Клянусь тебѣ...

Мейта показала на порогъ и громко сказала:

— Ему пора спать, Нахманъ. Я все приготовила въ комнатѣ.

— Хорошо, хорошо,—засуетился Натанъ,—я падаю съ ногъ.

— Я еще посижу, Натанъ. Мейта тебѣ покажетъ, гдѣ лечь. Спокойной ночи!

Натанъ скрылся въ комнатѣ, и Нахманъ остался одинъ. И въ скорбномъ недоумѣніи сидѣлъ, опустивъ голову на руки.

Шорохъ раздался сзади него.

— Это вы, Мейта?—произнесъ онъ, не оборачиваясь.

— Да я, Нахманъ. Натанъ уже спитъ.

— Сядьте возлѣ меня... Что вы думаете о немъ?

— Я думаю, что онъ не будетъ жить.

— Не будетъ жить,—съ сожалѣніемъ повторилъ онъ, будто хоронилъ что-то родное.

— Онъ хорошій, Нахманъ, хорошій, дорогой...

— Если спрашиваешь, и нѣтъ отвѣта,—не слушая, произнесъ Нахманъ,—нужно погибнуть.

Онъ замолчалъ, смутно чувствуя, что съ нимъ происходитъ что-то важное. Мейта сидѣла рядомъ и тихо дрожала отъ его близости. Она не смѣла взглянуть на него, но чувствовала его всего, какъ будто держала на рукахъ и прижимала къ сердцу. И словно ждала одного слова, чтобы предаться ему.

— Вы говорили съ Фейчей?—опять раздался его голосъ.

— Я говорила, Нахманъ. Она мученица..

— Ну да,—съ усиленіемъ проговорилъ онъ, — мы всѣ тутъ похожи на людей, которые стоятъ у высокой стеклянной стѣны и хотятъ взобраться на нее. Знаете,—жена Хаима умираетъ...

Она близко придвинулась къ нему, испугавшись мысли о смерти, и онъ сталъ ей рассказывать о несчастной женщинѣ. И оттого, что она почувствовала теплоту его плечъ, прижимавшихся къ ней,—у нея закружилась голова.

— Нахманъ!—замирая, шепнула она.

Онъ живо обернулся къ ней и, кивая головой, какъ будто говорилъ: нѣтъ, со страхомъ ждалъ.

— Нахманъ, Нахманъ!—повторила она...

— Ты еще не спишь?—неожиданно раздавался подлѣ нихъ голосъ Чарны.

Дѣвушка испуганно вскрикнула, а Нахманъ сердечно сказалъ: Мейта...

— Ложись, моя кошечка,—съ нѣжностью просила Чарна:—ночь уже поблѣднѣла, а подняться нужно рано. Ложись, моя работница.

Мейта покорно встала и скрылась съ матерью въ комнату. А Нахманъ еще долго сидѣлъ, думаль о Натанѣ, о Мейтѣ... о людяхъ, и съ лица его не сходило скорбное недоумѣніе...

Разсвѣтало...

VIII.

Понадобился цѣлый мѣсяць хлопотъ и тревогъ, чтобы помѣстить Натана въ больницу. На дворѣ уже стояла глубокая осень,—больница была переполнена больными, и только благодаря Шлоймѣ, который былъ знакомъ съ больничнымъ фельдшеромъ, удалось устранить всѣ преграды.

Въ рядахъ, не умолкая, раздавался сдержанный стонъ, и мучительнымъ кошмаромъ протекало время; страшная осень требовала напряженія всѣхъ силъ, чтобы не свалиться. Тѣ первые дни опьяненія собственностью, когда Нахману все казалось гладкимъ впереди, и можно было полноправно распоряжаться своей жизнью, своимъ досугомъ, своими желаніями, — тѣ дни скоро прошли. И то, что собственныя деньги давно разошлись, а товаръ всегда нужно было покупать въ кредитъ, постепенно превратило его въ истиннаго торговца, запутаннаго, замученнаго...

Въ рядахъ между тѣмъ пропали звонкіе голоса, пропали люди, радость оживленія, и торговцы въ своихъ

теплыхъ рваныхъ одеждахъ сидѣли теперь нахохлившись, какъ хмурыя птицы. И когда начинало дождить, ничего несчастнѣе, безпомощнѣе этихъ людей нельзя было себѣ представить. Они бѣгали вокругъ своихъ корзинокъ, торопливо, съ испуганными лицами, издавая стоны отчаянія, защищали ихъ огромными дырявыми зонтиками, сами прятались въ подворотняхъ, въ лавкахъ, если имъ разрѣшали, и, глядя на нихъ, казалось страннымъ, непонятнымъ, почему другіе люди могли сидѣть въ своихъ теплыхъ сухихъ комнатахъ, могли безъ ужаса и страха ходить по своимъ дѣламъ, а эти должны были оставаться здѣсь и бороться съ природой. Понять невозможно было, почему такъ кротко они переносили свою судьбу?

Самое ужасное въ ихъ существованіи было то, что всегда, во всякую минуту, нужно было оставаться во враждѣ другъ съ другомъ. Изнемогая отъ невиднаго имъ рабства, они яростно боролись между собой и каждый безжалостно желалъ другому зла, лишь бы чуточку подняться на его счетъ. Они вырывали покупателя другъ у друга, хвалились такимъ умѣніемъ, передъ способнымъ дрожали и преклонялись, и, погруженные въ ничтожество, связывали свои отношенія такими жалкими интересами, что охватывало отчаяніе за собственное сочувствіе ихъ страданіямъ. Съ какой легкостью они забывали тяжелыя минуты, свое подневоліе, свою беззащитность!...

Нахманъ, любя, ненавидѣлъ ихъ...

Они дрожали передъ всѣмъ, боялись всякаго, кто

быть выше ихъ положеніемъ, съ отвратительнымъ раболѣпіемъ гнулись ихъ спины, и безъ словъ они отдали бы все, что было въ корзинахъ, если бы этого серьезно потребовали. Въ ежедневной борьбѣ на улицѣ, гдѣ каждая минута требовала защиты самыхъ ничтожныхъ правъ,—только одинъ способъ, могущественный и низкій, они признавали. Это было—выкупъ. Что бы ни произошло, они знали одно—нужно заплатить.

Нахманъ ненавидѣлъ ихъ. Онъ любилъ ихъ со всей силой товарища по несчастію, по жизни, и вся жалость, все его сердце, залитое теплой кровью сочувствія, было на ихъ сторонѣ,—но все же онъ ненавидѣлъ ихъ, какъ ненавидятъ несчастнаго брата, виновника своего страданія. И лишь теперь, когда осень ударила всей силой своихъ мокрыхъ холодныхъ дней, своей грязью, всѣми ужасами затишья въ торговлѣ и голодовки, и крѣпкая болѣзнь бѣдноты повалила всѣхъ торговцевъ—когда онъ увидѣлъ, что происходило теперь въ домахъ окраины, гдѣ сотни семей притихли въ ожиданіи мучительныхъ дней,—лишь теперь его ненависть къ нимъ пропала.

— Они не выдержатъ, — говорилъ онъ Даніэлю въ въ минуты отчаянія,—а вѣдь зима еще впереди.

Даніэль моталъ головой и, тихо покашливая, задумчиво отвѣчалъ:

— Мы выдержали тысячелѣтія рабства, Нахманъ. Что такое одна осень, когда вся наша жизнь осень?..

Съ Даніэлемъ Нахманъ все больше сближался, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ бывать у него, они стали добрыми друзьями. Даніэля Нахманъ легко полюбилъ. Тотъ былъ чистый, увлекающійся человекъ, сердечный, влюбленный въ своихъ дѣтей, въ свою жену, и съ того момента, какъ отдался сіонизму, еще свѣтлѣе, лучше стала его душа. Онъ жилъ теперь такъ, будто случайно попалъ на станцію и съ минуты на минуту ждалъ

поѣзда, который долженъ былъ отвезти его въ святую землю. Дѣтей онъ началъ воспитывать, какъ будущихъ гражданъ еврейскаго царства, и Мойшеле, восьмилѣтній мальчикъ, какъ и Лейбочка были посвящены во всѣ тайны дорогой мечты. Словно въ станѣ враговъ,—онъ напрягалъ все пониманіе, чтобы бѣды евреевъ объяснить жизнью въ изгнаніи, и милой лаской звучать его голосъ, когда онъ говорить о грядущемъ исходѣ.

Иногда Нахманъ приходилъ къ нему съ Натаномъ, съ Мейтой, иногда съ Шлоймой, и длинные вечера проходили въ разговорахъ о дѣлахъ, и бѣдствіяхъ евреевъ, о родинѣ, и каждый разъ всѣ тѣснѣе сближались.

Мейта переживала первый праздникъ дружбы съ новыми людьми, и Нахманъ невольно поддавался чарамъ ея восторга. Она не бросалась ему въ глаза, но въ каждую минуту, проведенную дома, онъ чувствовалъ ея ласковое присутствіе, чувствовалъ ея нѣжные глаза, которые слѣдили за нимъ, и всю радость, таинственность этой любви оба пережили молча. Онъ уже легко открывался ей, и она узнавала по его глазамъ, когда онъ тосковалъ. И тогда она исчезала, какъ тѣнь, чтобы не мѣшать ему, увѣренная, что онъ позоветъ ее, если можно будетъ. И когда онъ звалъ ее, она развлекала его своими наивными разговорами и мечтала при немъ вслухъ.

Все ярче раскрывалась ея красивая душа... Она говорила ему о людяхъ, могущественныхъ, добрыхъ, которые явятся въ окраину и сдѣлаютъ жизнь нетрудной... Но описывая могущественныхъ людей, она невольно рисовала Нахмана, и любовь къ нему прорывалась въ каждомъ ея словѣ.

— Онъ будетъ добрымъ, Нахманъ,—разсказывала она, подперевъ подбородокъ руками и кусая пальцы,—ослѣпительно добрымъ...

Нахманъ чувствовалъ ея томленіе, и это вызывало въ немъ образъ Неси, который преслѣдовалъ его, какъ живой. Онъ вспоминалъ послѣднія минуты свиданія съ ней, и все очарованіе отъ Мейты пропадало. Какъ статуя смѣха, какъ символъ радости, стояла Неси передъ его глазами, и губы ея роняли восторженныя слова о городѣ...

Точно это было вчера, онъ вспоминалъ, какъ шель и просилъ ее, а она не отвѣчала ему. Онъ ее спрашивалъ: почему Неси, о не молчи,—а она уходила, какъ изъ стали, упрямая...

Когда онъ случайно узналъ отъ Шлоймы, что Неси пріѣзжала къ матери и оставила ей денегъ, онъ ушелъ на весь вечеръ въ городъ и до поздней ночи бродилъ по улицамъ, мечтая встрѣтить ее и убить. Какъ безумный, углубленный въ свое желаніе, онъ проходилъ мимо богатыхъ домовъ и, заглядывая въ освѣщенныя окна, грозилъ кулаками. И дома онъ долго потомъ сидѣлъ неподвижно, а на вопросы Мейты съ мольбой отвѣчалъ:

— Уйдите, Мейта! Мнѣ ничего больше не нужно... будьте доброй дѣвушкой! Мнѣ ничего больше не нужно...

Но дни шли, шли, и снова Мейта находила путь къ его сердцу. Даже тотъ ужасъ и отвращеніе, которые онъ испытывалъ при {вспоминаніи о Фейчѣ, перестали пугать его, и теперь онъ уже безъ страха глядѣлъ дѣвушкѣ въ глаза и слушалъ ея насмѣшливыя слова.

— Вы меня ненавидите, Нахманъ? Почему? Но... идите своей дорогой.

Внутренняя жизнь, однако, не покрывала надвигавшейся осенней бѣды, и когда Нахманъ не уплатилъ въ двухъ лавкахъ къ сроку, кредитъ его пропалъ.

— Я думаю,—сказалъ онъ Даніэлю, которому только что сообщилъ печальную вѣсть,—намъ скоро придется бросить дѣло. Я сдѣлалъ ошибку съ самаго начала.

— Я такого года не припомню,—отвѣтили Даніэль...

— Не говорите, Даніэль, я самъ виноватъ. Торговать въ рядахъ нужно умѣть. Шлойма предупреджалъ меня.

Онъ вспомнилъ о первыхъ дняхъ, о томъ, какъ постепенно охватывала его жажда собственности, какъ любилъ свой товаръ и мечтательно сказалъ:

— Въ этомъ, Даніэль, было очень хорошее... но торговать въ рядахъ все-таки нужно умѣть...

— Не мы одни пропадемъ,—мрачно сказалъ Даніэль.

— Что же мы зимой будемъ дѣлать?

— Перестаньте, Нахманъ, спрашивать,—до зимы, можетъ быть, еще и не доживемъ.

Оба стали хмурыми. Но часамъ къ тремъ торговля поправилась, и Нахманъ повеселѣлъ.

— Вотъ видите, — сказалъ онъ,—сколько мы выручили... Поборемся еще. Теперь пойду за товаромъ... на наличные.

Вечеромъ, возвращаясь домой, Даніэль предложилъ Нахману зайти къ нему: будетъ Дина съ женихомъ,—сапожникомъ Лейзеромъ, старикъ Эзра сапожникъ, столляръ Файвель съ женой...

— Я приѣду,—сказалъ Нахманъ, кивнувъ головой.—Можетъ быть, и Мейту приведу.

Они разстались, а Нахманъ, все возбужденный и довольный, лишь только зашелъ въ комнату, сейчасъ же сказалъ:

— Собирайтесь, Мейта! Мы сейчасъ пойдемъ къ Даніэлю. Вотъ только поужинаемъ.

Онъ наскоро поѣлъ, между тѣмъ какъ Мейта переодѣвалась, и когда ночь совсѣмъ наступила, оба отправились.

Мейту встрѣтила жена Даніэля и посадила ее между собой и дочерью Симы, Динной. Даніэль перехватилъ Нахмана и повелъ его къ мужчинамъ.

— Ну вот и хорошо,—проговорилъ онъ, похлопывая его по плечу,—я думалъ, что вы уже не придете.

Нахманъ оглянулся и поздоровался съ сидѣвшими: со старикомъ Эзрой, человѣкомъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ большими глазами и короткой сѣдой бородой, — съ женихомъ Дины, сапожникомъ Лейзеромъ, и съ маклеромъ Перецомъ. Маленькаго Мойшеле, не сводившаго глазъ съ Дины, онъ погладилъ по щекѣ.

— Стаканъ чаю,—говорилъ Даніэль, довольный обществомъ, которое его окружало,—не будетъ лишнимъ послѣ холода. Что вы отвѣтите, Нахманъ? Мойшеле, работай! Налей и для Мейты,—она навѣрно не откажется.

Онъ засмѣялся, а Мейта, неизвѣстно отчего, покраснѣла и отвѣтила:

— Благодарю васъ, Даніэль, мнѣ и такъ хорошо.

— Ничего, Мойшеле,—настаивалъ Даніэль,—можешь налить,—оба выпьютъ.

Маклеръ Перець, старый человѣкъ съ печальными глазами и трясущейся головой, подобострастно слушавшій до сихъ поръ Эзру, громко сказалъ:

— Продолжайте, Эзра! Когда слушаешь васъ,—забываешь о своихъ дѣлахъ.

Онъ оттянулъ свой длинный, заплатанный сюртукъ, и голова его начала тряситься, словно онъ тайно кому то кланялся.

Опять, какъ до прихода Нахмана, наступила пріятная тишина. Эзра, мигая большими глазами, спокойно заговорилъ, и всѣ придвинулись, чтобы лучше его услышать.

— Такъ я сказалъ, — началъ онъ, взглянувъ на Мейту,—что намъ нужно пойти домой. Самый пріятный гость начинаетъ надоедать, если засидится. Вотъ какъ я понимаю. Это и не криво и не прямо, и не длинно и не коротко. Это ясно: нужно пойти домой. Я человѣкъ

маленькій, но голова у меня не узенькая. Я знаю одно: нужно пойти домой.

— Нужно пойти домой,—подтвердилъ Перець и стала долго кланяться.

— Что мнѣ здѣсь нужно?—спросилъ Эзра съ удивленіемъ.—Что вамъ здѣсь нужно?—обратился онъ къ Нахману.—Можетъ быть, вы знаете? А вамъ, Даніэль, я думаю, и Мойшеле здѣсь ничего не нужно. Пойдемъ домой...

— Для чего?—произнесъ Нахманъ, поставивъ стаканъ на столъ,—и всѣ посмотрѣли въ его сторону, а Даніэль замахалъ въ волненіи руками.

— Но вы песь съ ушами, какъ я Даніэль,—горячо сказалъ онъ,—если спрашиваете. Хорошій вопросъ... Можно думать, что вы здѣсь въ медѣ купаетесь.

— Не купаюсь, — возразилъ Нахманъ, взглянувъ на Эзру,—но кому хорошо?

— Всѣмъ хорошо, но не намъ,—сердито проговорилъ Лейзеръ.—Вы слѣпецъ.

— Вы не еврей,—произнесла Дина, вставъ съ своего мѣста и подходя къ нему... Вы не еврей...

Она стояла, блѣдная отъ гнѣва, возмущенная до глубины совѣсти этимъ чужимъ человѣкомъ, котораго нужно было считать своимъ... Не въ первый разъ она слышала его рѣчи...

Съ тѣхъ поръ, какъ Дина прониклась идеей освобожденія народа, ея жизнь превратилась въ подвижничество. Она была темной, безграмотной, но національное чувство творило чудеса. Она начала учиться, и трогательно было видѣть, какъ по ночамъ, послѣ трудового дня въ мастерской портныхъ, она отдавалась занятіямъ.. Ея завѣтной мечтой была поѣздка на родину, гдѣ она хо-

тѣла зажить крестьянской жизнью, и изъ двѣнадцати рублей жалованья часть откладывала на поѣздку, рассчитавъ, что за пять лѣтъ соберетъ нужную сумму. Женихъ Лейзеръ, ея же ученикъ, смотрѣлъ на все глазами дѣвушки и считалъ Дину героиней. Она дрожала, какъ отъ пощечины, когда затрогивали ея національное чувство, и въ каждомъ еврейѣ, еще не сознавшемъ свою обязанность передъ народомъ, она видѣла раба, измѣнника и ненавидѣла его больше, чѣмъ чужихъ враговъ.

Нахманъ, закрывъ глаза, слушалъ ее, и ему казалось, что его бьютъ... Если бы онъ обладалъ ея вѣрой! Какъ она произносила: еврей. Еврей! Это звучало, какъ укоръ, какъ нѣжный призывъ. Былъ ли онъ евреемъ? Чѣмъ заполнить это ясное и такое непонятное слово, чтобы задрожать отъ радости и гордости?

— Но я еврей,—громко сказалъ онъ,—и все-таки не понимаю, почему нужно уйти отсюда? Не сердитесь,—подхватилъ онъ, предупреждая ея жестокий отвѣтъ,—я вижу, какъ худо намъ живется, но вѣдь и другимъ не лучше.

— „Тамъ“ наши поля запущены, — перебилъ его Даниэль.

— Наши дома разрушены,—подхватилъ Перець...

— Мы пойдемъ домой,—выговорилъ Эзра съ волненіемъ.—Я человѣкъ маленькій, но голова у меня не узенькая, и знаю, что Моисей далъ намъ страну и ска- залъ: живите въ ней. Спрашиваю, какъ, имѣя свою родину, свой народъ, работать на чужой землѣ, отдавать всѣ силы чужому народу? Я не хочу многого. Я люблю свой народъ, свою страну. У меня крѣпкое чувство и хочу, чтобы у всѣхъ евреевъ было крѣпкое чувство и они могли сказать, какъ я: пойдемъ домой... Я работаю въ нашемъ кружкѣ... Нужны деньги, деньги и деньги для великаго дня. Я собираю ихъ среди нашихъ по ко-

пейкѣ—мы вѣдь не богачи,—и человѣческую радость я испытываю въ тотъ день, когда соберу рубль для фонда. Вѣдь каждая копейка идетъ на покупку земли въ нашей странѣ. Вы слышите,—земли на копейку, но это будетъ наша земля, откуда насъ уже нельзя будетъ согнать.

Даніэль кивалъ головой, и въ глазахъ его стояли слезы. Какая дивная мечта улыбалась ему!.. Земли только на копейку. Но онъ не взялъ бы всѣхъ дворцовъ въ этомъ городѣ за землю на копейку, гдѣ его народъ будетъ отдыхать отъ тысячелѣтнихъ мукъ.

— У Мойшеле,—выговорилъ онъ съ волненіемъ, указывая на мальчика,—уже есть марокъ на цѣлый рубль.

— У меня будетъ марокъ на много рублей,—убѣжденно сказалъ мальчикъ, не сводя глазъ съ Даніэля.— Мы выкупимъ нашу страну.

— Кто нашъ вождь?—въ восторгѣ спросилъ Даніэль, мигнувъ Ээрѣ.

— Герцль,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ты любишь Герцля?

— Я его люблю, какъ Мессію. Онъ нашъ освободитель.

— Такъ, такъ,—кивая головой, говорилъ Даніэль, расстроганный,—мы всѣ его любимъ. Герцль! Какъ хорошо это звучитъ. Какъ удары сердца оно звучитъ, Герцль! Надежда народа...

Нахманъ сидѣлъ, опустивъ голову и не поднимая глазъ. Что-то похожее на стыдъ грызло его душу, и всетаки онъ чувствовалъ, что не убѣждается.

— Это меня трогаетъ до слезъ,—откровенно сказалъ онъ, обращаясь къ Динѣ,—но вѣдь каждый камень здѣсь на улицѣ кричитъ мнѣ: ты мой, ты мой. Выслушайте меня. Я вѣдь не врагъ. Я хочу хлѣба для народа, вы посыпаете камень сахаромъ и говорите: возьми,

вотъ это его накормить. Но народъ хочетъ хлѣба, свободы...

Мейта смотрѣла на него, и по ея глазамъ онъ не могъ теперь разобрать, одобряетъ ли она его, или осуждаетъ. Онъ многое хотѣлъ сказать, но мысль не претворялась въ ясныя слова, ясныя истины, которыя бы убѣдили его самого. Евреи страдаютъ въ чужой странѣ, отчего же не меньше страдаютъ тѣ, кому страна принадлежитъ? Вѣдь онъ это видѣлъ на каждомъ шагу, зналъ съ ранняго дѣтства...

Мейта сидѣла задумчиво, прислушиваясь къ спору, и чудное волненіе и страстные порывы колебали ея душу. Родина! Она не въ первый разъ слыхала о ней, и Эзра вызывалъ своими словами слезы обиды, слезы радости. Что-то мощное, свѣтлое выросло на ея глазахъ, и было оно такое ласковое, родное, что отъ него, какъ отъ матери, нельзя было отвернуться. Оно сияло еще вдали, но уже будило въ ней тысячи трогательныхъ настроеній, которыя къ чему-то привязывали, о чемъ-то заставляли жалѣть, вздыхать. И она сидѣла, вся во власти этихъ новыхъ, милыхъ чувствъ, и, думая о Нахманѣ, спрашивала себя, правъ ли онъ, или не правъ?

Эзра мигалъ глазами, пытался говорить, а Даніэль и Лейзеръ перебивали его, не желая ему уступить чести возразить Нахману. Но уже несся голосъ Дины, и среди шума онъ повелительно требовалъ:

— Дайте мнѣ сказать, — вы должны дать мнѣ отвѣтить!

И всѣ замолчали отъ ея голоса, а она громко спросила: почему?

Какъ будто лавина шла на Нахмана, такъ смотрѣлъ онъ на дѣвушку. А она стояла уже передъ нимъ, какъ человекъ привыкшій говорить и, съ негодованіемъ глядя на него, еще разъ повторила: почему, почему?

— Только тотъ,—страстно произнесла она,—кто измѣнилъ родинѣ въ сердцѣ своемъ, можетъ спросить „почему“... Духъ народа упалъ. Намъ не нужно довольства, мы и тамъ будемъ страдать, но только на родинѣ оживетъ и снова расцвѣтетъ душа народа. Никто не плачетъ, когда говорятъ: мы на чужбинѣ. Подобно обезьянамъ мы переняли чужую жизнь... Мы потеряли собственное лицо... Есть ли среди насъ, кто пожертвовалъ бы своей жизнью для народа? Гдѣ наши герои? Чужбина развратила насъ, и сердце наше спокойно бьется, когда мы говоримъ: евреи, родина. Мы стали мелочны, трусливы, равнодушны, наши спины гнутся, будто мы всегда ходили сгорбившись... Духъ народа понизился. Такъ уйдемъ же отсюда! Уйдемъ для спасенія народа, для спасенія его духа и всего, что дало и еще дастъ еврейство...

Всѣ слушали, затаивъ дыханіе, и переживали высокое страданіе о потерянной красотѣ народа. И страстно хотѣлось немедленно напрячь всѣ силы, зажечь душу героизмомъ, чтобы совершить спасеніе народа — духа, который согнулся и грозитъ упасть.

— Мы пойдемъ домой,—раздался взволнованный голосъ Эзры.

— Молчите, — сдавленно крикнулъ Даніэль, — о, молчите!

— Вы спрашиваете, почему?—продолжала Дина.—Но развѣ есть мука глубже, когда видишь эту жизнь великаго народа, который далъ міру столько сердець, столько умовъ...

Она горѣла на глазахъ. Она звенѣла, переживая святой гнѣвъ, и всѣмъ въ комнатѣ хотѣлось пасть на колѣни передъ этой дѣвушкой и цѣловать ей руки, платье... Евреи были повсюду, окружали со всѣхъ сторонъ, и будто тысячи уставшихъ рукъ простирались къ нимъ,—каждый здѣсь въ комнатѣ давалъ свой отвѣтъ.

— Вы слышите, Нахманъ,—говорилъ Даніэль, вытянувшись во весь ростъ.—Возражать не нужно. Я умоляю васъ. Это высоко—какъ самая маленькая звѣзда, и это близко, какъ собственное сердце. Нужно закрыть уста и улыбнуться. Нужно улыбнуться и раскрыть объятія. Нужно раскрыть объятія и заплакать отъ радости. Вы чувствуете, Нахманъ? Если нѣтъ—положите голову подъ крыло. Вѣра придетъ...

Онъ говорилъ уже непонятнымъ языкомъ, но обнаженность его души вызывала сочувствіе. Теперь онъ стоялъ, склонивъ голову на бокъ, и нѣжно улыбался, прищуривъ глаза.

Наступила тишина,—и въ тишинѣ этой происходило высоко-человѣческое, важное... Работали души, доживая побѣдную радость единенія одного съ милліонами, и такъ шло время.

— Ну вотъ,—вздохнувъ, произнесъ Лейзеръ,—мы и вернулись. Какъ тяжело каждый разъ, когда просыпаешься и все находишь себя здѣсь!..

Онъ сталъ говорить меланхолическимъ голосомъ о томъ, какъ страдаетъ здѣсь, на чужбинѣ, и тяжело было слушать эти яркія слова о тоскѣ. Онъ не выносилъ

воздуха чужбины, и ему казалось, что онъ дышетъ отравой, и болѣть...

— Я и самъ не знаю, что со мной, — рассказывалъ онъ, и все слушали, опутивъ головы. — Я тоскую. Я какъ будто давно ушелъ изъ дому и хочу туда. Я работаю и говорю себѣ: родина, — вотъ что меня держитъ.

Нахманъ всталъ. Словно укоръ чему-то рѣшенному въ его душѣ казались эти люди, и онъ не могъ больше ставаться съ ними.

— Я не чувствую, — произнесъ онъ громко. — Я не чувствую, — повторилъ онъ въ отчаяніи. Я готовъ заплакать отъ вашихъ словъ. но все же моя кровь смѣшалась съ землею чужбины... Я хочу счастья, — но здѣсь.

— Вы не еврей! — рѣзко оборвала его Дина.

— Вы не еврей! — съ ненавистью повторилъ Лейзеръ.

— Уже поздно, — уныло произнесъ Нахманъ вмѣсто отвѣта. — Вы идете, Мейта?

Онъ началъ искать свою шляпу, а Даніэль, помогая ему, тихо говорилъ:

— Не огорчайтесь, Нахманъ. Вы или онъ, — это все равно. Вы одинъ сынъ, онъ другой. Не огорчайтесь, прошу васъ, мнѣ это больно.

— Ничего, Даніэль... Я въдь все-таки чувствую себя правымъ.

Мейта уже ждала его. Нахманъ простился съ каж-

дымъ отдѣльно, и оба вышли. Дворъ былъ темный, и оттого, что падалъ дождь и ноги увязали въ грязи, Нахманъ и Мейта подвигались, держась за руки. На улицѣ пахнуло вѣтромъ. Впереди ихъ шли люди и, казалось, они понурились и отъ отчаянiя не хотѣли чувствовать ни вѣтра, ни своей жизни, ни безцѣльности того, что ихъ окружало, что ихъ поджидало. И дождь какъ будто безнадежно звенѣлъ надъ ними.

— Вы молчите?—тихо проговорилъ Нахманъ.

Они все не разнимали рукъ, словно боялись потерять что-то дорогое, важное, которое было такъ нужно теперь въ темнотѣ, въ одиночествѣ...

— Мнѣ трудно рассказать, Нахманъ, но тамъ я чувствовала такъ, будто передо мною раскрылось небо!..

Она не хотѣла выдать всей своей мысли и нахмурилась.

— Я не знала, что я еврейка,—задумчиво выговорила она.—Еврейка, Нахманъ? Вѣдь это совсѣмъ другое...

Они углубились въ самое сердце окраины, и отъ огоньковъ въ квартиркахъ шла такая тоска, будто мертвецовъ освѣщали они. И все кругомъ, и широкія, потонувшiя въ грязи улицы, и оголенные деревья, и убогіе дома были полны такой тоски, что казалось, и они какъ живые здѣсь молча молили, чтобы ихъ убрали куда нибудь, гдѣ лучше..

— Еврейка,—вспомнала Мейта, робко прижимаясь къ Нахману.—Какая радость въ этомъ словѣ! Мы евреи. Вы еврей, Нахманъ, еврей!..

Она какъ бы ушивалась словомъ. Она произносила громко и понизивъ голосъ, и шопотомъ, и было такъ, какъ будто она влюблялась во что-то хорошее и любовалась имъ...

— Отъ этого кружится голова,—говорить Нахманъ,— но не нужно опьяняться. Наша родина здѣсь. Сила не въ бѣгствѣ...

Онъ радостно оглянулся, и крѣпкая любовь звучала въ его голосѣ, когда онъ сказалъ:

— Вы видите небо, Мейта,—оно черное. Но это черное небо я люблю больше солнца, которое свѣтитъ „тамъ“... Пройдетъ ночь, и наступитъ день. Но день будетъ здѣсь...

Дождь безнадежно звенѣлъ... Онъ звенѣлъ сзади, впереди, догонялъ, обгонялъ и будто преслѣдовалъ, чтобы погасить мечту.

IX.

Теперь Мейта проводила дни, какъ во снѣ. Время ея по прежнему проходило въ трудѣ, но въ душѣ она неживала что-то нѣжное, блестящее, и минуты проходили, сотканныя изъ порывовъ. Она просыпалась съ улыбкой, улыбалась комнатѣ, двору, и всѣ милые образы, которые были ей такъ дороги, цѣлый день окружали ее. Казалось ей,—лишь только она скажетъ Нахману о своей любви къ нему, и онъ отвѣтитъ ей тѣмъ же, протянется

нннн къ родннн, къ Дннн, н сотворнтся мостъ для перехода евреевъ на родину, гдѣ онн будутъ счастливы н свободны. Всѣ дѣвушкн превратятся въ работннцѣ, разсыпятся по полямъ, н жнзнь станеть пляской радостн. Какнмъ-то непостнжнмымъ чудомъ все, что она пережнвала, претворялось въ любовь, н какъ въ рѣкѣ нельзя отличнть образовавшнся се воды, такъ н она не знала теперь, какой любовью любить Нахмана, какой родину, Днну... Къ Дннѣ ее неудержнмо влекло, н, разговарнвая съ Нахманомъ, она часто упоминала о ней. Она представляла ее себѣ страдающей н непреклонной н хотѣла бы отдать себя всю на служенне ей. И оттого, что чувствовала себя недостонной заговорнть съ ней, готова была пасть ннцѣ, лншь бы Днна ее замѣтнла, ободрнла... Часто вечеромъ она подстерегала Фейчу, мечтая что-ннбудь разузнать о Дннѣ, н была недовольна холодностью Фейчн къ сестрѣ.

Если бы у меня была такая сестра,—сказала ей однажды Мейта,—я не отходила бы отъ нея.

Это было въ концѣ ноября, вскорѣ послѣ того, какъ старуху Снму подобрали на улицѣ, сбнтой съ ногъ пьянымъ тачечннкомъ. Дѣвушкн сндѣли въ комнатѣ Нахмана, н Фейча торопнлась, чтобы тотъ не засталъ ее.

— Некогда, Мейта,—отвѣтнла Фейча.—Мы любимъ Днну, но намъ некогда показывать любовь. Вотъ осень прошла,—монотонно продолжала она,—н знма гоннть нзъ фабрнкн на улицу, нзъ улицы на фабрнку. Мать все не

встаетъ, и ноги ея остаются толстыми, какъ бревна. Корзины лежатъ на печи, и когда она смотритъ на нихъ,— то плачетъ.

— Конечно,— нетерпѣливо возразила Мейта,— веселаго въ жизни мало. Но Дина—солнце...

— Солнце,— все такъ же монотонно повторила Фейча,— но насъ и солнце не согрѣетъ. Когда посидишь въ комнатѣ, гдѣ мать лежитъ на одной кровати, а Ита, теперь опять забеременѣвшая отъ какого-то мальчика, на другой, и подумаешь, какъ онѣ обѣ мучатся, то и о себѣ забудешь. Обѣ говорятъ, кричатъ отъ злости, ругаются, плачутъ... И голодъ сидитъ съ ними, какъ живой.

Мейта уже молчала. И казалось, то были слова изъ книги зла, которыя произносила дѣвушка.

— Если бы не я, не Фрима,—продолжала Фейча,— онѣ давно умерли бы съ голоду. А ночью на улицѣ уже прохода нѣтъ отъ дѣвушекъ. И злишься на нихъ, что отбиваютъ хлѣбъ.

— Это страшно,—бормотала Мейта съ гримасой, какъ будто ее ударили.

— Привыкнешь, Мейта,—съ спокойнымъ уныніемъ отозвалась Фейча, и въ этомъ былъ ужасъ.— Оно придетъ и къ тебѣ, какъ самый вѣрный другъ. Оно отыщеть домъ, гдѣ ты живешь, твою квартиру, постучитъ тебѣ въ окно, и ты выйдешь. Если зима не вытолкаетъ, весна заманитъ. И толкаетъ, и тянетъ, Мейта...

Послышались шаги Нахмана, и Фейча стремглавъ выбъжала изъ комнаты.

— Ну вотъ я и свободенъ,—произнесъ онъ усталымъ голосомъ.—Добрый вечеръ, Мейта! Что теперъ дѣлать?

Онъ, не раздвываясь, усѣлся, а Чарна, выглянувъ на него изъ двери, скрылась опять у себя въ комнатѣ...

Днемъ Нахманъ сидѣлъ съ Даніэлемъ въ трактирѣ, послѣ того какъ распродалъ торговцамъ остатокъ товара, и, подѣлившись съ нимъ деньгами и выглядывая изъ окна на ряды, говорилъ:

— Мнѣ Шлойма предсказываль, Даніэль, что такъ кончится. Не горюйте, товарищъ, можетъ быть, весной, мы снова начнемъ торговать.

— Да,—отвѣтилъ Даніэль, сисясь улыбнуться,—зима таки отрѣзала голову. Мы, правда, продержались до ноября, и это отличное утѣшеніе. Вѣдь четверть разбѣжалась еще въ началѣ октября...

— Торговцемъ нужно родиться,—упорствовалъ Нахманъ.

— Не будемъ спорить,—согласился Даніэль.—Передайте-ка мнѣ чайничекъ. Теперъ у меня одно осталось: продержаться до весны, а тамъ уѣхать. Насъ четверо съ дѣтьми, и всѣ будемъ работать... на родинѣ. Только бы добраться до тѣхъ, которые помогаютъ уѣхать отсюда.

— Что же вы будете дѣлать всю зиму?—мрачно спросилъ Нахманъ.

— То же, что и вы,—то же самое. Немного поголодаемъ, немного выпросимъ, немного заработаемъ... Повѣрьте, я не думаю объ этомъ. Только бы не свалиться отъ болѣзни и найти тѣхъ, кто бросить добрый взглядъ на мою семью. И „тамъ“ я всегда буду молиться на нихъ.

Нахманъ не отвѣтилъ, и они долго сидѣли задумчивые, потрясенные несчастьемъ, которое предвидѣли и ждали со дня на день...

— Теперь я вамъ надоѣмъ, Мейта,—ласково произнесъ Нахманъ, пожалѣвъ дѣвушку, которая не поднимала головы отъ печали.—Но не хороните меня,—я, можетъ быть, отыщу что-нибудь другое.

— Мы не гонимъ васъ, Нахманъ,—раздался въ сосѣдней комнатѣ голосъ Чарны.—Живите пока! Вы думаете, я жадная?—послышался ея смѣхъ, добрый, тихій, долгій...—Ваше положеніе теперь напоминаетъ мнѣ положеніе одного торговца съ яблоками въ тотъ день, когда у него украли корзины, и онъ не зналъ, что ему дѣлать съ яблоками.

— Не печальтесь, Мейта, — шепталь Нахманъ, — въ жизни ко всему нужно быть готовымъ.

— Мы не жадныя,—повторила Чарна, показываясь на порогѣ.—Мейта работаетъ руками, я ногами... Живите пока у насъ.

— Хорошо, Чарна, я не забуду вашей доброты.

— Ай, ай,—смѣясь выговорила она,—доброта! Вы это сказали, какъ одна птица, когда хозяинъ отнял у нея пшеницу, которую она собиралась съѣсть.

...Доброта! Нужно быть добрымъ, Нахманъ, истинно добрымъ! Я только и живу, когда я добрая. Тогда я какъ-то дѣлаюсь выше, шире...

— Слышите, Нахманъ?—шепнула Мейта, съ восторгомъ глядя на старуху.

— Когда мнѣ становится худо, я только доброй и дѣлаюсь. Я потеряла рано мужа, я плакала, и мнѣ казалось, что солнце потухло, но я была доброй, доброй... Я потеряла троихъ дѣтей, я плакала, но я была доброй, доброй... Что скажете, Нахманъ? Вы бы подумали, что я похожа на того несчастнаго извозчика, который цѣловалъ лошадь, когда та отказывалась везти...

Она опять вышла изъ комнаты, и долго еще слышался ея голосъ, ея смѣхъ, ея шопотъ.

— У васъ хорошая мать, Мейта,—проговорилъ Нахманъ, безотчетно радуясь чему-то.

— Ее всѣ любятъ,—серьезно сказала дѣвушка,—хотѣла бы быть похожей на нее.

— Вы тоже такая,—началь онъ и оборвался, замѣтивъ, что она покраснѣла.

— Я скажу ему,—думала Мейта, не поднимая глазъ,—я скажу ему...

А Нахманъ уже рассказывалъ ей о Даніэлѣ, о томъ, что онъ собирается весной уѣхать, и Чарна, слушавшая въ другой комнатѣ, кивала недовольно головой.

— Все это уже было,—произнесла она, появляясь въ комнатѣ.—Есть хорошенькія исторіи...

И она щурила глаза, и беззубый ротъ ея умно улыбался, и она говорила, а Нахманъ, едва слушая, смотрѣлъ на Мейту и думалъ о своемъ.

Прошло нѣсколько дней. Начались снѣга, и теперь горы его лежали во дворѣ и напирали на окна... Нахманъ сильно скучалъ и не находилъ себѣ мѣста. Стяруха Чарна искала для него работы, но бесплодно.

— Пойду къ Шлоймѣ,—сказалъ онъ себѣ какъ-то въ одно утро.

Шлойма уже зналъ, что произошло съ Нахманомъ, и встрѣтилъ его восклицаніемъ:

— Ага, Нахманъ!—произнесъ онъ.—Садись гдѣ-нибудь. Помнишь, я тебѣ предсказывалъ?

Нахманъ поискалъ мѣста, оглянулся и спросилъ:

— Отчего же я не вижу Леи?

— Она у сосѣдки. Рассказывай. А что Даніэль?

— И рассказывать не о чемъ. Самъ не понимаю, какъ я продержался до сихъ поръ.

— Я видѣлъ все, какъ на ладони,—серьезно произнесъ Шлойма, но ты все-таки долженъ былъ попробовать. Здѣсь потерялъ,—въ другомъ выиграешь.

— Я не жалѣю объ этомъ. Для себя найду что-нибудь. Даніэля жалко. Теперь онъ задумалъ уѣхать...

Шлойма одѣлъ очки и внимательно посмотрѣлъ на Нахмана.

— Ты не смѣешься?—спросилъ онъ.

— Конечно нѣтъ, Шлойма.

Старикъ замолчалъ, огорченный...

— Да, ѣдутъ,—съ сожалѣніемъ выговорилъ Шлойма, точно ему трудно было признаться и онъ не хотѣлъ солгать...—Это не горячка, но ѣдутъ. Куда ни обернешься—видишь повозку, а изъ квартиръ выносятъ вещи бѣдняковъ. Да, да, не горячка, не лихорадка, не кричатъ, не шумятъ, но ѣдутъ. Куда? Кто знаетъ? Какъ будто на границѣ стоитъ большой другъ и манитъ рукой...

— Ну вотъ,—произнесъ Нахманъ, внимательно вслушиваясь,—вы сами говорите.

— Хотѣлъ бы кричать, Нахманъ, но кто послушаетъ? Рѣку не остановишь, когда она разливается, и если даже уносить самое драгоцѣнное для тебя.

— Я понимаю васъ,—съ жаромъ выговорилъ Нахманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не понимаешь... Оно такъ трудно. Я смотрю на несчастную жизнь... Какъ лѣсъ, въ водѣ разбухшій и уже гнѣющій,—такъ вижу я людей. Но увозится и молодое вино въ старыхъ мѣхахъ, хочу я крикнуть, и крикъ мой обрывается...

— Что же дѣлать, что дѣлать?—шепнулъ Нахманъ.

Старикъ сидѣлъ, поднявъ очки на лобъ, и въ глазахъ его бѣгала огонь.

— Пусть слабые уходятъ, пусть сильные останутся,—выговорилъ онъ.—Пусть уйдетъ тотъ, у кого больная жена, больной ребенокъ, пусть уйдетъ несчастный и немощный, пусть уйдетъ калѣка и нищій, пусть уйдетъ тотъ, кто слабъ умомъ, слабъ сердцемъ... Но

уходятъ наши надежды... И крикъ мой обрывается...

Нахманъ сидѣлъ насупившись, и мучительно работала его мысль.

— Вернемся къ тебѣ, — произнесъ, наконецъ, Шлойма, выходя изъ задумчивости, — что ты теперь думаешь дѣлать?

— Скажите вы, Шлойма. Какое несчастіе, что я не знаю ремесла.

— Ремесла? А почему бы тебѣ не поучиться у Хаима, пока ты ходишь безъ дѣла.

— Какъ вы сказали, Шлойма? — съ волненіемъ спросилъ Нахманъ.

Что-то блеснуло передъ его глазами. Будто онъ стоялъ у стѣны, и вдругъ стѣна раздалась, и открылся широкій путь.

— Отличная мысль, — пробормоталъ онъ. — Не понимаю, какъ эго мнѣ въ голову не пришло.

— Что подблываетъ Мейта? — съ улыбкой спросилъ Шлойма.

— Мейта? — Онъ покраснѣлъ. — Работаетъ... Вы думаете, Хаимъ согласится?

— Конечно, согласится. Будешь чай пить? Ну, такъ возьми чайникъ и принеси кипятку. Не тамъ, не тамъ ищешь. Вотъ тутъ за печкой стоитъ чайникъ.

Нахманъ принесъ чай, и оба усѣлись за столъ. Они опять заговорили, но уже объ упадкѣ дѣлъ, о безработицѣ, и Шлойма постепенно раскрылъ ему весь ужасъ, который принесла зима бѣднякамъ. Люди голодали, болѣли, и глядя изъ окна на чистый снѣгъ во дворѣ, такой бѣлый и невинный, никогда нельзя было догадаться, что мучительныя страданія были вызваны имъ. Они просидѣли долго въ разговорахъ и разстались дружно.

Теперь Нахманъ такъ привыкъ къ Шлоймѣ, что все

время проводилъ съ нимъ. Онъ уходилъ къ нему съ утра, и по цѣлымъ днямъ они разсуждали о жизни, о томъ, что происходитъ въ окраинѣ, и опытъ Шлоймы, какъ живая книга, училъ его. Иногда они посѣщали Натана въ больницѣ, и въ немногіе часы бесѣды всѣ трое сближались тѣснѣе, и что - то новое, никому въ отдѣльности раньше неизвѣстное, открылось каждому. Натанъ оставался въ томъ же положеніи, но еще больше укрѣпился въ своей мысли о необходимости приспособленія къ страданію, былъ терпѣливъ къ своей болѣзни, спокойно ждалъ смерти и краснорѣчиво говорилъ о своемъ счастьи, что позналъ истину. Шлойма горячо спорилъ съ нимъ, Нахманъ съ обоими, и всѣ втроемъ пережили что-то невыразимо прелестное, свѣжее.

Дни текли. Какъ-то въ началѣ января Шлойма сказалъ Нахману:

— Вчера у меня былъ Хаимъ. Я говорилъ съ нимъ о тебѣ. Онъ согласенъ выучить тебя набивать папиросы, а весной сможешь поступить на фабрику.

Въ тотъ же вечеръ Нахманъ, распросивъ у Чарны,— она была Хаиму дальней родственницей—куда Хаимъ выбрался, отправился къ нему. Когда онъ завернулъ въ переулочъ, гдѣ тотъ жилъ, то очутился въ длинномъ проходѣ, шириною въ три шага.

— Я никогда не зналъ объ этомъ переулкѣ,—подумалъ Нахманъ, зажигая спичку, чтобы отыскать дорогу въ глубокомъ снѣгу.

Двухъ-этажныя зданія, ветхія, сѣрыя, были такъ близки, что отъ малѣйшаго вѣтра грозили упасть другъ на друга. Они протянулись далеко, а въ концѣ переулка какъ свѣча горѣла керосиновая лампа въ фонарѣ. Нахманъ все зажигалъ спички и, сердясь на вѣтеръ, который тушилъ ихъ, съ трудомъ добрался до узенькихъ воротъ дома и зашелъ во дворъ. Тамъ, увязая въ снѣгу, онъ

долго бродилъ, пока натолкнулся на живое существо, которое хриплымъ голосомъ прокричало ему, что Хаимъ живетъ въ серединѣ внутренняго флигеля, и что чортъ бы побралъ незнакомыхъ людей и чахоточныхъ сосѣдей... Нахманъ поднялся по узенькой лѣстницѣ и употребилъ силу, чтобы открыть примерзшую къ рамѣ дверь.

— Это ты, Хаимъ?—послышался тихій женскій голосъ.

— Нѣтъ, не Хаимъ,—отвѣтилъ Нахманъ.—Я самъ пришелъ къ нему. Скоро онъ придетъ?

— Зайдите и закройте дверь. Кажется, вы Нахманъ? Нахманъ вошелъ въ комнату и на ходу произнесъ:

— Да, Нахманъ. Я былъ у васъ, помните?.. У меня дѣло къ Хаиму.

Теперь лишь онъ оглянулся, и тяжелая тоска сейчасъ же охватила его. На желѣзной кровати лежала Голдочка, жена Хаима, и черты ея лица такъ измѣнились, что Нахманъ едва узналъ ее. Щеки у нея горѣли, а скулы и верхняя челюсть придавали ей такой суровый видъ, что чувство жалости мгновенно смѣнялось страхомъ. Комната имѣла форму маленькаго ящика, и сырость отъ стѣнъ и тяжелый запахъ табака дѣлали воздухъ удушливымъ, раздражающимъ. На столикѣ лежала горка табаку, покрытая мокрой тряпкой. Чуть тлѣла зола въ казанкѣ.

— Садитесь,—медленно, съ одышкой выговорила Голдочка.—Я васъ сразу узнала,—она улыбнулась отъ радости, что память не измѣнила ей.—Хаимъ пошелъ за гильзами. Сядьте поближе.

Онъ пересѣлъ и, чтобы утѣшить ее, сказалъ:

— Вы лучше смотрите, чѣмъ тогда, когда я былъ у васъ. Честное слово! Какъ вы себя теперѣ чувствуете?

— Вотъ и вы обманываете,—печально сказала она.—Всѣ обманываютъ Голдочку. Я вѣдь измѣнилась? Мо-

жете говорить правду, я не боюсь. Голдочка не боится. Я, слава Богу, видѣла смерть,—всѣ вѣдь тутъ такъ кончаютъ,—и привыкла. Можете сказать правду. Вотъ, слава Богу, что у насъ дѣтей нѣтъ...

Она отпила чай изъ стакана, который стоялъ тутъ же на стулѣ, и оправилась.

— Что у васъ слышно?—спросила она.—Вы, кажется, торговали въ рядахъ?

— Ей становилось все пріятнѣе съ нимъ. Ее такъ рѣдко посѣщали теперь, и она страстно тосковала по улицѣ, по людямъ... И то, что съ ней сидѣлъ свѣжій, новый человѣкъ, что у него были широкія плечи, цвѣтущее лицо и громкій голосъ, доставляло ей большое наслаждение.

— Да, торговалъ,—отвѣтили Нахманъ, закашлявшійся,—но теперь разорился. Ряды не кормятъ.

— Вотъ какъ,—удивилась она... Правда, мы всегда съ Хаимомъ думали, что ремесло лучше торговли, и только одного понять не могли, почему Хаимъ сталъ папиросникомъ. Можетъ быть, на другихъ фабрикахъ не лучше,—я вѣдь видѣла жизнь,—но хуже нашего ремесла не можетъ быть. Вы чувствуете воздухъ? Табакъ ложится на грудь и съѣдаетъ ее.

— Человѣкъ никогда не знаетъ, гдѣ упадетъ,—возразилъ Нахманъ.—Вотъ и я попался. Я потерялъ половину здоровья за эти полгода въ рядахъ. Не пугайте меня фабрикой. Развѣ Хаимъ вамъ не рассказалъ, о чемъ Шлойма съ нимъ говорилъ?

Она испуганно посмотрѣла на него, а онъ, улыбаясь ея страху, тихо повторилъ:

— Не смотрите такъ на меня, я могу отказаться работать съ Хаимомъ, и тогда не знаю, что со мною будетъ!

— Я не мѣшаю вамъ,—съ грустью выговорила она,—

но посмотрите на меня. Я не смотрюсь въ зеркало,— это вѣдь трудно вынести. Я была здоровой, свѣжей,— красная, какъ яблоко, когда вышла за Хаима. Онъ былъ уже тронуть табакомъ. Да, тронуть, это правда. Но я любила... Мы сняли одну комнатку и, кажется, если бы ангелы тамъ жили,—не могло быть лучше. Онъ зарабатывалъ тридцать рублей въ мѣсяць,—и я стала хозяйкой. Но скоро цѣны начали падать... Хаимъ изъ кожи лѣзъ. Спрашиваю,—кто сидѣлъ бы сложа руки? И я принялась помогать ему. Посмотрите, что сдѣлалось со мной за пять лѣтъ...

— Но что же мнѣ дѣлать?—упрямо настаивалъ Нахманъ,—отъ болѣзни нигдѣ нельзя уберечься.

Она замахала руками и съ ужасомъ въ голосѣ стала рассказывать о жизни рабочихъ-табачниковъ. Всѣ болѣли чахоткой, грудными болѣзнями, всѣ бѣдствовали, дѣти погибали рано или позже, отравлялись табакомъ...

— Тутъ такія несчастія,—говорила она,—что лошадь свалилась бы! Вотъ я вамъ расскажу... Недавно взяли въ больницу товарища Хаима, Лейбу, въ послѣдней чахоткѣ. Черезъ недѣлю слегла жена его,—она тоже была чахоточная,—пришлось и ту отправить въ больницу. Дѣти остались на рукахъ девятилѣтней дѣвочки. Вчера умерла мать, а наканунѣ Лейба, и оба такъ и умерли, ничего не зная другъ о другѣ... Даже проститься не удостоились...

Она вдругъ и совершенно неожиданно заплакала, и отъ ея слезъ у Нахмана, какъ будто наступили на него, сжалось сердце.

— Не плачьте!—попросилъ онъ...

Она лежала неподвижно, какъ ребенокъ, и продолжала плакать.

— Намъ ни въ чемъ не везеть,—произнесла она сквозь слезы.—Съ фабрикой не везло, съ лейпцигскимъ биле-

томъ не везло, съ здоровьемъ не везло... И отчего намъ не везло? Мы все дѣлали. Мы работали, недоѣдали, недосыпали, все готовились къ лучшему и никогда не жили.

— Такъ, такъ,—качалъ головой Нахманъ.

— Съ каждыиъ днемъ становится труднѣе жить. Народъ прѣзжаетъ со всѣхъ сторонъ и убиваетъ цѣны. Дошло до того, что съ неохотой платятъ тридцать копѣекъ съ тысячи. Теперь, говорятъ, есть уже машинки для выдѣлки папирозъ... Вы слышали объ этомъ? Вотъ болѣзнь мучить,—но когда вспомнишь, что ожидаетъ насъ дальше, то и ей радуешься... Кто это тамъ? Кажется, Хаимъ. Да, да, это онъ...

Нахманъ обернулся. Дверь уже была открыта, и въ комнату входилъ Хаимъ. Онъ тяжело дышалъ и отдувался.

— Добрый вечеръ, Хаимъ!—произнесъ Нахманъ.

— А, Нахманъ,—обрадовался Хаимъ,—откуда вы прѣехали? добрый вечеръ!

Онъ положилъ гильзы на столъ и сталъ снимать пальто.

— Кто бы могъ подумать, Голдочка,—произнесъ онъ,—что придетъ Нахманъ. Какой сегодня праздникъ у насъ? Когда человекъ отправляется разъ въ годъ въ гости къ пріятелю, онъ говоритъ себѣ: пусть сегодня будетъ праздникъ; я иду къ пріятелю.

— Вы угадали,—засмѣялся Нахманъ,—у меня уже больше мѣсяца праздникъ.

— Да, да, мнѣ Шлойма рассказывалъ.—Онъ сѣлъ.— Попали уже въ колесо?

— Я хочу попасть въ другое, Хаимъ...

— И объ этомъ знаю. Чай еще горячій, Голдочка? Поработайте со мной. Если идти не спѣша на тотъ свѣтъ,—не все ли равно, придешь ли туда табачникомъ

или торговцем? Земля принимает всѣхъ безъ разговоровъ... Даже пріятнѣ висѣть надъ ямой и покуривать.

Нахманъ разсмѣялся, хлопнулъ Хаима по колѣну и весело сказалъ:

— Вы остались тѣмъ же шутникомъ... Честное слово, вы славный человѣкъ, и я съ радостью буду работать съ вами! Немножко жира только не хватаетъ вашему тѣлу. Вы похудѣли, Хаимъ.

Голдочка сдѣлала ему незамѣтно знакъ. Нахманъ смутился и пробормоталъ:

— Конечно, я говорю, вы похудѣли, но это потому, что я сравниваю васъ съ собою. Вотъ если бы вы были такимъ здоровымъ, какъ я...

— Да,—говорилъ Хаимъ, поставивъ стаканъ на стулъ и блуждая глазами по комнатѣ,—похудѣлъ. Всѣ похудѣли. Теперь, кого ни встрѣтишь, сейчасъ подумаешь: онъ похудѣлъ. Куда это человѣческій жиръ уходитъ, Нахманъ? Ребята говорятъ, что знаютъ. Вы повѣрите, что въ полной рукѣ нашего хозяина лежитъ мой жиръ? Вы не смѣетесь, Нахманъ?..

— Это пустяки,—промормоталъ Нахманъ.

— Ну не говорите! Въ каждой правдѣ есть немножко лжи, вотъ какъ въ лейпцигскомъ билетѣ. Выиграть можетъ, а обманываетъ... Я, право, завидую вамъ Нахманъ. Вы здоровый парень, у васъ нѣтъ билета, который не выигрываетъ...

— Вы еще выиграте, Хаимъ,—утѣшилъ его Нахманъ.

— Слышишь, Голдочка? Я тоже говорю. Тогда позову десять докторовъ, пошлю Голдочку въ деревню, и она станетъ полненькой, какъ была. Возьму ей ребенка у какой-нибудь несчастной женщины, и она станетъ матерью.

Онъ началъ фантазировать на тему о выигрышѣ, и какъ будто сами стѣны обрадовались, такъ стало пріятно отъ его мечтаній. Голдочка не долго боролась и, раскрывъ глаза отъ наслажденія, слушала чудную повѣсть о будущей жизни.

— Я вамъ говорю,—настаивалъ Хаимъ, красный отъ волненія,—что это одна, но крѣпкая надежда. Все обманеть, только не билетъ. Жизнь скучна, какъ проклятая ночь. Дѣтей нѣтъ, здоровья нѣтъ, хлѣба нѣтъ... Кто думаетъ о насъ?

— Конечно,—поддержалъ Нахманъ,—никому до насъ дѣла нѣтъ.

— Раскошелится ли богачъ для Хаима? Вѣдь такой Хаимъ, какъ я, ему нуженъ больше, чѣмъ онъ мнѣ...

— Хаимъ,—перебила его Голдочка,—даѣй Нахману чаю!

— Я ему дамъ чай... А съ билетомъ живешь такъ, будто высунулся изъ окна и смотришь, идетъ ли уже тотъ, кого ждешь. И ночью снятся марш, деревья, ребенокъ...

Онъ засмѣялся отъ радости, и Голдочка и Нахманъ вторили ему.

— Право,—прибавилъ онъ,—безъ этого жить нельзя. Здѣсь вѣдь бываетъ такъ, что даже изъ пальцевъ текутъ слезы. Теперь ей легче, моей Голдочкѣ... Онъ досталъ чайникъ и налилъ Нахману въ стаканъ.

— Посидите и напейтесь чаю,—сказаль онъ,—я уже ночью буду работать. Онъ перенесъ столъ къ кровати, отодвинуль табакъ, переставиль лампочку, чтобы было свѣтлѣе, и всѣ начали дружно разговаривать о дѣлахъ, о знакомыхъ, о фабрикахъ, о намѣреніи Нахмана, и онъ очень поздно ушелъ отъ нихъ...

Теперь Нахманъ подвигался по пустыннымъ бѣлымъ улицамъ, весь подъ вліяніемъ этихъ добрыхъ людей, и безотчетно радовался, въ предчувствіи чего-то славнаго, крѣпкаго, что поставитъ его твердо на ноги. И мысли тянулись у него, легкія, какъ послѣ большой усталости, и думалось о Мейтѣ, которая, онъ зналь, поджидала его.

— Она не спитъ,—говориль онъ себѣ, все болѣе довольный,—я обрадую ее.

Когда онъ вошелъ въ темную комнату и сталъ искать спичекъ, до его ушей донесся шопоть, и онъ не сразу узналь голосъ Мейты.

— Это вы, Мейта?—тихо спросиль онъ, почувствовавъ, что дрожить.

— Я, Нахманъ... Фрима поступила въ „домъ“, Симу едва спасли...

— Кто вамъ сказаль?—съ ужасомъ спросиль онъ.

— Фейча,—шепнула Мейта.—Фрима въ „домъ“ съ вчерашняго дня. Ее уже видѣли.

— Дина знаетъ?

Онъ нашель въ темнотѣ ея руку и невольно сжалъ ее. Мейта не отвѣтила, и оба стояли безъ словъ, погруженные въ страхъ.

— Я боюсь,—шепнула вдругъ Мейта, легонько при- тягивая его къ себѣ,—какъ я боюсь!

— Чего вамъ бояться,—тихо говориль онъ, усаживаясь на кровати:—я вѣдь здѣсь! Я вѣдь здѣсь,—маши- нально повториль онъ, усаживая ее рядомъ съ собой.

Они опять замолчали, все болѣе волнуясь оттого, что были такъ близки въ темнотѣ. И какъ будто что-то лучезарное, прекрасное притаилось подлѣ нихъ и теперь не могло уже прятаться,—счастье раскрылось. Мейта вдругъ обняла Нахмана и испуганно шепнула:.

— Я уже не могу, Нахманъ, я люблю васъ, люблю! Я боюсь,—я люблю... Не сердитесь! Я не буду вамъ въ тягость, я буду работать, работать...

Нахманъ слушалъ, и кружилась его голова. Теплыя слова, чистыя, добрыя, послѣ ужаса согрѣли его душу и, не отвѣчая, онъ нѣжно прижимался къ Мейтѣ, ожидая ея признаній.

— Весной мнѣ будетъ шестнадцать лѣтъ,—шептала она.—Я поступлю на фабрику... Я буду работать, помогать вамъ... любите меня!

И когда, отдавшись своей радости, онъ отдалъ ей душу и сталъ цѣловать, она съ трепетомъ спросила:

— Вы еще любите Неси? Вы любите?

И онъ отвѣчалъ ей, кивалъ головой, обнималъ ее, и они сидѣли до утра, пока блѣдный свѣтъ дня не разогналъ ихъ...

Они были пьяны отъ счастья.

Х.

Жизнь Нахмана вдругъ наладилась. Какъ будто до сихъ поръ онъ ходилъ съ повязкой на глазахъ, наткнулся на острія,—внезапно повязка упала, и открылся весь бѣлый, свѣтлый, прекрасный путь. Только теперь, съ раскрытіемъ тайны, ясно стало, какъ хорошо быть человѣкомъ и имѣть эту неистощимую и ненасытимую способность радоваться всему. И для Нахмана, и для

Мейты какъ бы наступило второе дѣтство, и въ иныхъ гармоническихъ краскахъ и звукахъ, въ иныхъ чудесныхъ видѣніяхъ проходило окружающее, и оба съ трепетомъ, словно познавали тайну истины, принимали все, что шло на нихъ и отъ нихъ.

Они стали мягче, чувствительнѣе. Меланхоличное проникло въ ихъ предвидѣніе будущаго. Оно рисовалось имъ такимъ сладостнымъ, и ярко чувствовалось, какъ оскорбительна, нечеловѣчна была ихъ прежняя жизнь.

Старуха Чарна своеобразно приняла ихъ любовь, рассказала, смѣясь, исторію о царской дочери и славномъ дурачкѣ... Тогда стало совсѣмъ легко, и жизнь потекла здоровая, хорошая. Нахманъ работалъ весь день у Хаима, совершенно счастливый, что научается ремеслу... Весело было у Хаима, и занято, и интересно, хотя въ комнатѣ вѣчно раздавались вздохи больной Голдочки, — необыкновеннымъ казался Хаимъ и приходившіе, — и о нихъ и о томъ, что самъ чувствовалъ, вечеромъ обсуждалось съ Мейтой.

Въ напряженіи всѣхъ силъ своихъ жила дѣвушка. Чудесной радостью начинался день, весь заполненный любовью, чудесной радостью начинался вечеръ, когда приходилъ Нахманъ... Словно всѣ сказки, рассказанныя Чарной, выдѣлили изъ себя самое драгоцѣнное и нѣжное и превратились въ правду, — такъ переживала она дѣйствительность. Она не узнавала прежнихъ людей, не узнавала своей комнаты, двора и наслаждалась, будто

перенеслась въ другой городъ, полный чудесъ. Иногда приходили Шлойма, Даніэль, и тогда Нахманъ сіялъ отъ радости. Мейта усаживалась въ сторонѣ и, какъ ребенокъ, почтительно внимала разговорамъ. Она любила слушать Шлойму, Даніэля, но больше всего ей нравилось то, что говорилъ Нахманъ, и за его звонкій голосъ, за блескъ въ глазахъ, за жесты, ей хотѣлось цѣловать землю, на которой онъ стоялъ... Она уходила къ матери, изнемогая отъ волненія, и та добрымъ голосомъ рассказывала ей, какъ длинна и разнообразна жизнь.

Когда она оставалась съ Нахманомъ, начиналось очарованіе безконечное, мгновенное. Они говорили о своемъ дѣтствѣ, о любви, о своихъ надеждахъ и о народѣ, но обо всемъ спѣша и волнуясь, будто сейчасъ нужно было дать отвѣтъ, который ждали отъ нихъ... По временамъ, случалось, ее охватывалъ страхъ. Она не знала, откуда онъ приходилъ, и мучилась отъ него. Казалось ей, будто кто-то поджидаетъ момента, когда ея счастье поднимется до самой большой высоты, чтобы разомъ пресѣчь его. И тогда она страстно плакала, словно несчастье уже совершилось...

Въ началѣ марта Даніэлю удалось получить работу на кожевенной фабрикѣ; и Нахманъ вечеръ этого счастливаго дня провелъ въ его семьѣ.

— Теперь,—говорилъ Нахманъ, прощаясь,—я за васъ спокоенъ, Даніэль. Что-то становится веселѣе...

— У насъ есть Онъ,—произнесла жена Даніэля, посмотрѣвъ на небо.

— Ну, ну, ступайте уже —выговорилъ, смѣясь, Даніэль,—вы вѣдь стоите, какъ на иголкахъ. Ступайте, ступайте, мы все понимаемъ...

Они дружески улыбнулись другъ другу и растались.

Нахманъ уже былъ далеко отъ дома, гдѣ жилъ, какъ его окликнуть знакомый женскій голосъ.

— Неси!—закрывъ глаза, подумаль онъ.

— Подождите же, Нахманъ!—снова раздался ея голосъ.

— Это вы,—пробормоталь онъ, почувствовавъ, какъ радость покидаетъ его.

— Конечно, я,—развѣ я такъ измѣнилась?

Онъ быстро осмотрѣль ее. Что-то какъ будто пере-мѣнилось въ ней, но трудно было уловить, что именно. Казалось, она возмужала, и это было ей къ лицу такъ же, какъ ребенку, который изъ шалости надѣль платье взрослога. Глаза оставались ясными, открытыми, смотреѣли прямо, и въ нихъ лежала новая суровость, которой прежде не было.

— Да, да, это я,—говорила она, глядя передъ собой...

Они пошли рядомъ,—она какъ бы догоняя его, а онъ медленно, словно сожалѣя, что удаляется отъ окраины. Снѣгъ лежалъ повсюду, все сѣрое, печальное исчезло подъ нимъ,—но скука царила въ безлюдныхъ переулкахъ и улицахъ. Нахманъ шель, опутивъ голову, не смѣя вѣрить, что рядомъ съ нимъ идетъ Неси, и иногда съ недовѣріемъ взглядываль на нее. Что-то далекое, юношеское поднималось въ его душѣ, и ему казалось, что въ насмѣшку вернулось столь желанное нѣкогда, столь дорогое. И съ сожалѣніемъ взрослога, съ нѣжной печалью смотреѣль онъ на это прошлое, которое уже не имѣло власти надъ нимъ. Какъ давно это было, какъ это было близко...

— Я иду съ вами,—говориль онъ,—и стараюсь думать, что ничего не произошло... Не произошло, Неси! Вотъ я вернулся изъ рядовъ. Я пошелъ къ вамъ, и вы встрѣтили меня. Повернемъ въ этотъ переулокъ, чтобы казалось—мы идемъ гулять.

— Нѣтъ, нѣтъ, Нахманъ!.. Я не узнаю этихъ улицъ. Расскажите мнѣ о себѣ...

— Вот вы уходите отъ меня, — продолжалъ Нахманъ. — Помните, какъ я любилъ васъ?

— Я не любила васъ, — холодно сказала Неси.

— . . . а теперь иду съ вами и ничего не чувствую. И все-таки мнѣ чего-то до слезъ жалко... Зачѣмъ вы ушли, не повидавшись со мною?

Она пошла быстрѣе, взволнованная воспоминаніями, растроганная, и онъ рассказывалъ ей о мученіяхъ, которые пережилъ.

— Но я пришла къ вамъ, — крикнула она, не выдержавъ и схвативъ его за руку, — я была у васъ, я ждала!..

Они смотрѣли другъ другу въ глаза и оба были въ отчаяніи.

— Какое несчастье! — бормоталъ онъ.

— Я такъ любила васъ, Нахманъ, — созналась она, сбросивъ холодность, и опять взяла его за руку, — но вы были слабый, слабый... Потому и съ этимъ помирилась и уже хотѣла васъ, одного васъ, видѣть васъ, слушать. Расскажите мнѣ о людяхъ... У меня дрожала душа, когда вы говорили. И только одного слова вашего не хватало... Нѣтъ, нѣтъ, расскажите лучше о себѣ!

Они уже вошли въ широкую улицу, упиравшуюся въ городъ, и Неси, взглянувъ на огни, просто сказала:

— Вот я смотрю на городъ, и опять что-то бьется въ груди по прежнему, и хочется крыльевъ, чтобы полетѣть на огонь. Не городъ звалъ меня — скажите, кто? Но есть что-то, чѣмъ я довольна. Я не вижу этой нищеты, этой грязи, этихъ фабрикъ. И все-таки, Нахманъ, душа становится меньше...

— Какъ я жалѣю васъ, — тихо сказалъ Нахманъ, сжимая ея руку, — какъ жалѣю!

Она вдругъ отняла руку у него и съ неожиданной ненавистью произнесла:

— Не жалѣйте меня, Нахманъ, это хорошо для ка-
лѣкъ!

Она оборвалась, а онъ, чтобы успокоить ее, сталъ
разсказывать о своей жизни.

— Ну что же, — произнесла она, — у васъ весело.
Скажите Мейтѣ, что я ее люблю. Будете работать на
фабрикѣ? Кто можетъ вамъ позавидовать? И куда
васъ не тянетъ? Почему же я жалѣю васъ, Мейту?
Вотъ сани. Я беру ихъ. Прощайте, Нахманъ!

— Прощайте, Неси!

Они долго прощались, какъ будто навсегда. И когда
она уѣхала, онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ,
точно она уносила съ собой что-то нужное ему въ жизни,
безъ котораго она никогда не пойдетъ гладко.

— Васъ куда не тянетъ?—повторялъ онъ.

Взволнованный, возвращался онъ домой, полный не-
ясныхъ думъ... Можетъ быть, онъ думалъ о человѣкѣ?
Развѣ онъ способенъ былъ понять свое волненіе, похо-
жее на жалость къ снѣгу, который лежалъ кругомъ и
скрипѣлъ подъ ногами, и на содроганіе передъ тѣмъ,
что самъ онъ—безсильная часть суроваго окружающаго,
которое невозможно побѣдить? Опять стояла Неси пе-
редъ глазами, и онъ сравнивалъ ее съ Голдочкой, Ди-
ной, съ Мейтой. Какія славныя фигуры! Разныя и да-
лекія, онѣ какъ бы сговорились, и въ одну тяжелую
дверь стучались изъ своего подземелья.

— Быть добрымъ, добрымъ, — вспоминалась ему
Чарна, но сердце его оставалось печальнымъ, безсиль-
нымъ...

Во дворѣ онъ нашель толпу, которая стояла подлѣ
чьей-то квартиры, и спросилъ себя съ недобрымъ чув-
ствомъ: что случилось?

Онъ быстро зашелъ въ комнату, и еще больше уди-
вился, увидѣвъ Мейту въ слезахъ и возлѣ нея Фейчу,

утѣшавшую ее. При видѣ Нахмана, Фейча поднялась, чтобы выйти, но онъ жестомъ удержалъ ее. Ему все еще трудно было встрѣчаться съ нею, хотя послѣ несчастія съ Фримой отношенія между ними сгладились.

— Не уходите, Фейча!—попросилъ онъ.—Что здѣсь случилось? Во дворѣ толпа...

И голосъ Фейчи дрожалъ, когда она отвѣтила:

— Часа въ три внезапно умерла мать Блюмочки. Мы всѣ уже безъ силъ отъ горя несчастной дѣвочки.

— Не можетъ быть! — воскликнулъ Нахманъ, пораженный.—Гдѣ же Блюмочка?

Мейта махнула рукой. Нахманъ вышелъ изъ комнаты и побѣжалъ въ квартиру модистки. Толпа все не расходилась, и онъ, какъ ни старался, не могъ добраться до двери. Среди говора, вздоховъ, плача, иногда, какъ призывъ, проносился тоненькій, жалобный голосокъ:

— Мама, мама!..

Нахманъ оцѣпенѣлъ. Передвигавшаяся толпа насильно втолкнула его въ сѣни, и въ открытую дверь онъ увидѣлъ знакомую картину того, какъ оплакиваютъ мертвое тѣло до похоронъ. На полу, ногами къ дверямъ, закрытое чернымъ сукномъ, лежало тѣло. Кругомъ валялась солома. У изголовья горѣли свѣчи, и онѣ казались не свѣчами, а чѣмъ-то исходящимъ отъ покойницы, какъ бы продолженіемъ печальнаго, оскорбительнаго образа человѣческаго ничтожества. Онѣ горѣли нехорошимъ пламенемъ, красные язычки съ копотью рвались къ потолку, и отъ нихъ шель удушливый запахъ. Старухи стояли на корточкахъ, положивъ руки на тѣло, и съ плачевнымъ пѣніемъ рассказывали о добродѣтеляхъ покойницы, и искренно плакали, вознося моленія, ибо вспоминали о своей жизни, беззащитной въ рукахъ Того, Кто можетъ все... И это покрытое чернымъ

сѹкномъ тѣло покойницы, и эти скверно горящія свѣчи, и тоскливая, сладостная мелодія старухъ,—все было такъ внушительно, дышало такой властью, что потрясенныя ужасомъ сердца не боролись...

На рукахъ у Чарны, прижавшись къ ней, сидѣла почернѣвшая отъ страха и горя Блюмочка и, когда она опоминалась, дико и жалобно вскрикивала: мама, мама, и начинала биться и рваться... А Чарна какими-то своими словами уговаривала дѣвочку, и по ея лицу, доброду, милосердному, текли слезы. У тѣла мѣнялись старухи, приходили другія и однообразные поющіе голоса и чудесныя слова беззащитности и печали, такія трогательныя, что стѣны бы заплакали, легко вырывали стоны и слезы у присутствовавшихъ мужчинъ и женщинъ.

Нахманъ не выдержалъ страданія и пошелъ домой.

— Что съ Блюмочкой?—спросила Мейта, увидѣвъ его.

Нахманъ не отвѣтилъ, а Фейча стала рассказывать, какъ это произошло, и какъ убивалась Блюмочка.

— Что съ ней будетъ,—спрашивала Мейта,—что съ ней будетъ?

Она опять заплакала, вспомнивъ, какъ дѣвочка вбѣжала въ комнату и бросилась ей на руки, а Нахманъ, покачавъ головой, тихо произнесъ:

— Мы ее возьмемъ къ себѣ, Мейта.

Теперь онъ чувствовалъ особенную нѣжность къ дѣвушкѣ и хотѣлъ бы, чтобы Фейчи не было, и онъ могъ рассказать ей обо всемъ. И когда Фейча, понявъ по ихъ лицамъ, что оба хотятъ остаться наединѣ, ушла,—Нахманъ пересѣлъ къ Мейтѣ и съ жаромъ сказалъ:

— Въ жизни, Мейта, нужно быть добрымъ, милосерднымъ... Мы сами слабы, беззащитны, но нужно быть милосерднымъ!

— Мы будемъ милосердными,—произнесла она, по-

цѣловавъ его руку, — больше, чѣмъ въ нашихъ силахъ...

Она не отнимала его руки отъ своихъ губъ и такъ сидѣла, а онъ рассказывалъ ей о Неси, и въ сердцѣ обоихъ была печаль...

Очень поздно вернулась Чарна съ Блюмочкой на рукахъ. Дѣвочка, разбитая усталостью, крѣпко спала, и Мейта, раздѣвая ее, цѣловала ея худенькія ручки, худенькое тѣло, и плакала о ея судьбѣ. Чарна положила Блюмочку подлѣ себя и всю ночь вздыхала, не смѣя своимъ голосомъ выдать вехлипывавшей со сна дѣвочкѣ, что она не дома. На разсвѣтѣ Блюмочка проснулась и, увидѣвъ себя въ чужой комнатѣ, какъ взрослая, тихо заплакала...

Съ тяжелымъ чувствомъ Нахманъ пришелъ къ Хайму.

— Ну, вотъ и вы, — произнесъ Хаймъ шопотомъ. — Я думалъ — эта ночь не кончится. Что-то и вы не веселый...

Онъ оглянулся на Голдочку и еще тише сказалъ:

— Я думалъ, что въ эту ночь потеряю ее... Душа моя разрывается. Добрая, какъ голубь. Добрая, Нахманъ, добрая!

Безъ жилетки, босой, похожій на больного мальчика, онъ стоялъ подлѣ стола и смѣшивалъ горки табака, покашливалъ, а Нахманъ, не снимая пальто, недоумѣвающимъ тономъ рассказывалъ о Блюмочкѣ.

— Да, да, — вздохнулъ Хаймъ, — не весело въ нашемъ городкѣ. Нищіе, больные... И отчего это человѣку не везетъ на землѣ?

Нахманъ сбросилъ пальто, отогрѣлъ руки у казанка и подошелъ къ столу.

— Подождите, — остановилъ его Хаймъ, — табакъ еще сухой...

— Я ничего не понимаю, — говорилъ Нахманъ, на-

блюдая, какъ Хаимъ набиралъ изъ кружки воды въ ротъ и брызгалъ на табакъ,—нѣтъ не понимаю! Вотъ—нищета. Человѣкъ работаетъ,—онъ долженъ быть свободнымъ. Но работа не помогаетъ. Свободы нѣтъ, сытости нѣтъ, здоровья нѣтъ. Я говорю, какъ ребенокъ, и знаю это. Нужно быть добрымъ... Но несчастный не можетъ помочь несчастному, и все остается по старому. Я могъ бы, Хаимъ, сказать, что счастливъ, но я замучился.

Онъ говорилъ такъ сердечно, и Голдочка поднялась на локтяхъ, чтобы лучше слышать.

— Хорошо, что я стою уже у конца,—задыхаясь выговорила она.

— Вы совсѣмъ какъ дѣти,—растерянно произнесъ Хаимъ,—чего вы плачетесь? Это жметъ сердце, это рѣжетъ, какъ раскаленные ножи, но посмотрите на меня. Перестало на минутку болѣть,—опять нужно стоять на ногахъ. У меня билетъ, но у каждого есть свое. Я не согласенъ съ ребятами, но у нихъ свой билетъ, и вотъ здѣсь я вѣрю имъ. Я не хочу другой родины, но сионизмъ билетъ,—я вѣрю имъ... Подождите, Нахманъ, сегодня ко мнѣ зайдетъ одинъ изъ ребятъ узнать адресъ заказчика, котораго я нашелъ для него. Вотъ съ нимъ поговорите!

— Давидъ придетъ? — съ радостью спросила Голдочка.

— Конечно, онъ,—смѣясь отвѣтилъ Хаимъ.—Это, Нахманъ, славный парень. Онъ на дняхъ лишь пріѣхалъ изъ... Надо было знать его мальчикомъ.

Они стали работать. Нахманъ крутилъ папиросы, а Хаимъ вставлялъ мундштуки.

— Ого,—весело произнесъ Хаимъ,—честное слово, онъ скоро будетъ работать, какъ я...

— Ну, ну, еще далеко до васъ, Хаимъ.

— Не дальше этого стола, Нахманъ. Послѣ Пасхи начнете работать на фабрикѣ.

Они проработали до обѣда, перекусили и опять за-сѣли. Часа въ три послышалась возня у дверей.

— Это, навѣрное, Давидъ,—произнесла Голдочка.

— Конечно, онъ,—отозвался Хаимъ, разглядѣвъ гостя,—войдите, Давидъ, войдите!

Въ комнату шагнулъ человекъ въ одеждѣ рабочаго. Нахманъ бросилъ на него быстрый взглядъ и сейчасъ же разочаровался. Это былъ коренастый парень съ широкимъ лицомъ, съ крупнымъ носомъ и большимъ ртомъ. Глаза не одинаковой величины, темно-коричневые, казались мутными, и онъ производилъ впечатлѣніе слѣпного, который только-что прозрѣлъ, или тонкаго хитреца. Надъ упрямымъ лбомъ лежала густая куча курчавыхъ волосъ, и съ широкими плечами, неповоротливый, онъ походилъ на недобраго медвѣдя.

— Какой неприятный человекъ,—подумалъ Нахманъ.

— Ну вотъ,—говорилъ Хаимъ, усадивъ Давида подлѣ Голдочки и вертясь по комнатѣ,—вы опять у насъ. Прошло то время, когда вы одного дня не могли прожить безъ насъ. Когда это было? Шесть лѣтъ тому назадъ. Какъ вы находите Голдочку теперь?

— Не отвѣчайте, Давидъ,—вмѣшалась Голдочка,—вы вѣдь обманете меня. Работа меня съѣла, и объ этомъ нечего говорить. Вотъ вы такъ хорошо смотрите. Но и вы перемѣнились. Откуда вы теперь?

— Издалека,—отвѣтилъ Давидъ.

Онъ неохотно отвѣчалъ, пораженный видомъ Голдочки, которую оставилъ почти здоровой женщиной.. А она все разспрашивала, и постепенно онъ оправился и сталъ рассказывать, гдѣ былъ до прошлаго года, въ какихъ городахъ и о томъ, какъ тамъ живутъ рабочіе.

Хаимъ самъ разлакомился и заговорилъ... Но когда онъ упомянулъ, что лучшіе работники не вырабатываютъ болѣе восьмидесяти копѣекъ въ день, то смѣясь и тыкая въ себя пальцемъ, бормоталъ:

— Я только дошелъ до шестидесяти копѣекъ,— больше двухъ тысячъ не могу успѣть. Черезъ годъ я, пожалуй, буду дѣлать двѣ съ половиной тысячи, но я стану ближе къ землѣ на десять лѣтъ.

— Что же дѣлать?—неожиданно раздался голосъ Нахмана,—и онъ уставился на Давида.

Это Нахманъ,—проговорилъ Хаимъ, внезапно обрвавшись,—онъ учится ремеслу.

— Нечего дѣлать,—спокойно и печально отозвалась Голдочка.

— Вы скоро сдались,—съ усмѣшкой перебилъ ее Давидъ.—Есть что дѣлать!..

Внезапный приливъ симпатіи къ Давиду налетѣлъ на Нахмана.

— Можетъ быть, этотъ знаетъ,—подумалъ онъ...

— Вотъ этотъ человѣкъ знаетъ, Нахманъ,—проговорилъ Хаимъ, довольный, какъ будто была буря, и онъ укрылся отъ нея.—Спросите его, и онъ вамъ отвѣтитъ. Онъ вамъ отвѣтитъ, Нахманъ!

— Что же дѣлать?—раздѣльно спросилъ Нахманъ, горя глазами.

.....
Давидъ не отвѣтилъ и долго не сводилъ съ него глазъ.

— Говорите,—попросилъ Нахманъ,—говорите...

Опять наступила тишина, и въ тишинѣ этой, какъ расплавленный металлъ, лились горячія слова...

— Однако, мнѣ пора,—выговорилъ Давидъ послѣ долгаго молчанія.—Дайте мнѣ адресъ, и я иду.

— Сегодня я больше работать не буду,—сказаль вдругъ Нахманъ, поднимаясь.

Онъ казался такимъ возбужденнымъ, что Голдочка съ безпокойствомъ произнесла:

— Куда вы теперь пойдете, Нахманъ? Вы на себя не похожи.

— Можетъ быть, намъ по дорогѣ, тогда пойдемъ вмѣстѣ,—предложилъ Давидъ.

— Слышишь, Голдочка,—разсмѣялся Хаимъ, — онъ еще уводитъ его.

— Я пойду съ вами,—просто сказаль Нахманъ,—мнѣ нужно у васъ еще спросить...

Онъ говорилъ упрямо, будто требоваль, и Давидъ, спрятавъ адресъ, негромко отвѣтилъ:

— Хорошо, я найду для васъ время...

Оба простились съ Хаимомъ и Голдочкой и вышли на улицу...

ХІ.

Весна возвращалась...

Каждый день она приходила съ полей, приходила съ моря, изъ далекихъ странъ, и все дольше засиживалась въ городѣ. По утрамъ уже бѣлѣли теплыя росы на крышахъ, на деревьяхъ, и до восхода солнца мутные туманы бродили на улицахъ, по воздуху, по небу... Пробивалась трава, въ комнатахъ наливались цвѣты, все чаще слышался колокольный звонъ.

... Запахло пасхой.

Изо дня въ день на высохшихъ улицахъ все больше набивалось народа чистаго, сѣраго,—ходили солдаты въ развалку и пѣли свои пѣсни, и куда бы ни посмотрѣлъ глазъ, отовсюду, изъ воротъ, магазиновъ, изъ парадныхъ входовъ, щелей появлялись люди,—и всѣ пахли весной. Нельзя было разгадать, что случилось, но дома невоз-

можно было усидѣть. Раскрывались окна, чтобы выпустить зиму, и теплый сладкій воздухъ, напоенный солнцемъ, опьянялъ человѣка и, какъ женщина, тащилъ его бродить. И всѣ на улицѣ казались свѣжими, новыми, походили на молодую траву, и ихъ нельзя было узнать, такіе они стали славные... Какъ будто всѣ дѣла убѣждали съ весной, и теперь людямъ можно было жить, какъ птицамъ. Удлинилась жизнь, и въ день можно было все успѣть поработать и ходить по помолодѣвшимъ улицамъ и улыбаться себѣ и встрѣчнымъ. И цѣлый день съ утра до вечера, въ работѣ или на свободѣ люди были добрыми, хорошими и не злились...

Весна возвращалась... Она приходила съ полей ласковая, соскучившись по людямъ... На поляхъ по утрамъ раздавался рожокъ, сзывавшій солдатъ на учебе.

Самымъ важнымъ событіемъ въ домѣ Чарны было теперь то, что выписавшійся изъ больницы Натанъ и Фейча влюбились другъ въ друга. Сближеніе между ними началось еще въ больницѣ, когда Фейча, по порученію Чарны, относила натану сладкое или фрукты. Въ февралѣ онъ неожиданно началъ поправляться, а въ серединѣ марта уже окрѣпъ настолько, что могъ выписаться. Натанъ на первое время поселился съ Нахманомъ, и тутъ начался настоящій романъ, втихомолку, со всей прелестью невысказанной любви. Они прятали свои взгляды отъ окружающихъ, переговаривались знаками и, какъ дѣти, бѣгали на свиданіе куда-нибудь за стѣнку, у повозокъ... Фейча рассказала ему правду своей жизни, и то, что она принуждена была себя продавать, дѣлало ее мученицей въ его глазахъ. Они сами не замѣтили, какъ влюбились другъ въ друга, но хотя разговоры ихъ съ каждымъ днемъ становились все нѣжнѣе, настоящее слово не было еще произнесено: онъ—потому что не смѣлъ, она—потому что стыдилась.

По вечерамъ къ Нахману приходили гости, иногда Шлойма, Давиэль, Хаимъ, и въ домѣ Чарны становилось шумно. Блюмочка, оправившаяся отъ потрясенія и при-
выкшая къ Чарнѣ, усаживалась на рукахъ у Шлоймы, и всѣ бесѣдовали о веснѣ, о надеждахъ, объ евреяxъ... Нахманъ разсказывалъ о Давидѣ, который былъ теперь въ отъѣздѣ, и онъ ждалъ его черезъ мѣсяць, — Мейта же держалась подлѣ матери, чтобы не мѣшать Натану и Фейчѣ.

— Я выйду,—говорилъ Натанъ глазами Фейчѣ.—Они теперь не думаютъ о насъ.

— Я выйду за вами,—отвѣчала Фейча рукой,—ступайте...

Они незамѣтно выкрадывались, — и Фейча, поймавъ радостный взглядъ Мейты, стоя съ Натаномъ у повозокъ, тихо говорила, испытывая странное счастье в душѣ.

— Они все понимаютъ... Мнѣ стыдно.

— Я радъ, что понимаютъ,—задыхаясь, отвѣтилъ Натанъ.—Я хотѣлъ бы чувствовать себя здоровымъ, чтобы сказать объ этомъ громко всѣмъ.

— Натанъ...

— Что, Фейча?..

— Вы очень увѣрены въ томъ, что хотѣли бы сказать?

— Я хотѣлъ бы также твердо чувствовать себя на ногахъ...

— Я стала другой... Натанъ.

— Не говорите объ этомъ. Вы святая!

— Святая? Вы не знаете жизни...

— Я ее знаю, Фейча. Вы святая...

Она подвигала ему низенькую тачку, чтобы онъ сѣлъ, становилась подлѣ него, и онъ говорилъ ей задушевымъ голосомъ о жизни, о погибавшихъ дѣвушкахъ, о сла-

дости страданія, и добрыя задушевныя чувства держали обоихъ далеко отъ земли...

А въ это время Мейта, переглядываясь съ Нахманомъ, глазами говорила ему:

— Ихъ нѣтъ, они любятъ другъ друга.

И рѣчи о веснѣ, о надеждахъ, объ евреяхъ продолжались...

Наступала еврейская Пасха. Во всѣхъ домахъ окраины теперь шла трудная работа приготовленій къ празднику. Повсюду чистили, мыли, скребли; звонкіе женскіе голоса неслись по дворамъ; и самыми счастливыми казались дѣти.

Въ квартирѣ Чарны стоялъ содомъ. Деревянныя кровати были вынесены во дворъ, Блюмочка скребла полъ, Чарна мыла столы, а Мейта складывала въ корзину посуду. Работая, всѣ разговаривали, а Натанъ, котораго выгоняли изъ комнаты въ комнату, тихо улыбался и покорно слушался.

— Послѣдній разъ ты работаешь у меня, говорила Чарна, обращаясь къ Мейтѣ.—Черезъ годъ на пасху будешь сама хозяйкой, и я приду помогать тебѣ...

— Мы будемъ жить вмѣстѣ,—краснѣя, отвѣтила Мейта.

— Знаю я теперешнихъ дѣтей!—засмѣялась Чарна...

— Тетка Чарна,—вмѣшался Натанъ, сидѣвшій теперь въ сосѣдней комнатѣ,—не убивайтесь такъ. Я останусь съ вами...

— Съ Фейчей?—невинно спросила Чарна.

Отвѣта не послѣдовало.

— Онъ замолчалъ,—торжествуя произнесла Чарна.

— Я замолчалъ оттого, тетка Чарна,—раздался его голосъ,—что еще не смѣю мечтать объ этомъ. Но если бы былъ здоровъ, то сталъ бы посреди двора и крикнуть бы всѣмъ.

— Я всегда думала, что онъ сумасшедшій,—отозвалась Чарна.—Я и этому бы не удивилась.

— Тетка Чарна!—произнесъ Натанъ, появляясь у порога.

— Я—Чарна,—знаю...

— Вы самая дорогая женщина, которую я видѣлъ въ жизни!

— А вы самый глупый изъ всѣхъ евреевъ!

— Оставь его, мать,—вмѣшалась Мейта.

— Онъ самый глупый,—заупрямилась Чарна.—За благословеніемъ идутъ къ матери, а не къ теткѣ...

— Мать, вода застыла въ ведрѣ,—сказала Блюмочка.— Скоро вечеръ. Не мѣшайте, Натанъ!

Натанъ исчезъ и черезъ минуту опять вернулся.

— Тетка Чарна!—произнесъ онъ...

— Ну, Натанъ!

— У меня скверныя предчувствія...

— А у меня хорошія, Натанъ.

— У меня скверныя, я вамъ говорю...

Онъ опять вышелъ, а Мейта, посмотрѣвъ въ окно, сказала:

— Вотъ Нахманъ идетъ...

Къ вечеру все было приведено въ порядокъ, и на завтра осталось совсѣмъ мало работы.

— Ну, слава Богу, — произнесла Чарна, подавая ужинъ.—Послѣдній разъ я провожу вечеръ передъ пасхой съ дочерью и ея женихомъ.

Вскорѣ пришла Фейча, и не успѣли ее встрѣтить восклицаніемъ, какъ въ дверяхъ показалась длинная фигура Даніэля...

Всѣ вдругъ поднялись съ своихъ мѣстъ и окружили Даніэля...

.....

О Г Л А В Л Е Н І Е:

	СТР.:
А. Купринъ. Мирное житіе.	1
Скиталець. Стихотворенія.	21
А. Чеховъ. Вишневый садъ.	29
Е. Чириковъ. На порукахъ.	107
С. Юшкевичъ. Евреи.	167

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ НАСТОЯЩАГО СБОРНИКА:

Л. Андреевъ. Жизнь Василя Оивейскаго.

Ив. Бунинъ. Стихотворенія.

Ив. Бунинъ. Черноземъ.

В. Вересаевъ. Передъ завѣсой.

Н. Гаринъ. Деревенская драма.

М. Горькій. Человѣкъ.

С. Гусевъ. Въ приходѣ.

А. Серафимовъ. Въ пути.

Н. Телешовъ. Между двухъ береговъ.

Цена 1 рубль.

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Новое трехтомное переработанное изданіе.

Вышелъ **ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** *Содержаніе:*

1. Лирика: 186 стихотвореній
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ «Царицъ Мабъ».
4. Демонъ міра. Поэма.

5. Аласторъ. Поэма.
- Гелиографора Дюжардена, изображающая Шелли.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ **ТОМЪ ВТОРОЙ.** *Содержаніе:*

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евангелистскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная зклога.

5. Юлианъ и Маддала. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

До мая 1904 г. **ТОМЪ ТРЕТІЙ.** *Содержаніе:*
выидеть

1. Маскарадъ анархій. Поэма.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.
3. Волшебница Атласа. Поэма.
4. Эпицихидіонъ. Поэма.
5. Адонисъ. Элегія.
6. Эллада. Лирическая драма.
7. Отрывки неоконченной драмы.

8. Карлъ Первый. Драматическіе отрывки.
9. Торжество жизни. Поэма.
10. Повѣствовательные отрывки.
11. Статьи.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.
- Очеркъ жизни Шелли.

*Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу:
Контора т-ва «ЗНАНІЕ». Спб., Невскій, 92.*

Въ товариществѣ „ЗНАНИЕ“ поступиши въ продажу:

1. Эсхиль. **СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** — р. 30 л.
2. Софокль. **ЭДИПЪ-ЦАРЬ** — > 40 >
3. Софокль. **ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ** — > 40 >
4. Софокль. **АНТИГОНА** — » 40 >
5. Эврипидъ. **МЕДЕЯ** — > 40 >
6. Эврипидъ. **ИППОЛИТЪ** — > 40 >

Примѣчаніе: Всѣ шесть трагедій переведены съ греческаго Д. С. Мережковскимъ. Въ стихахъ. При каждой—портретъ автора.

7. Платонъ. **ПИРЪ** — > 60 >
- Философская поэма. *Иллюстраціи:* снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивиада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ“ Фейербаха.

8. Байронъ. **МАНФРЕДЪ** — > 40
9. Шелли. **ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** — > 50
10. Шелли. **ЧЕНЧИ** — > 50
11. Лонгфелло. **ПѢСНЬ О ГАЙВАТЪ** 2 > —

Переводъ И. А. Бувина. Въ стихахъ. *Роскошно-иллюстрированное* изданіе: около 400 рисунковъ въ текстѣ; портретъ Лонгфелло и 22 большихъ рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ.

12. Лонгфелло. **ПѢСНЬ О ГАЙВАТЪ** — > 80 >
- Дешевое* изданіе: тотъ-же переводъ, тѣ-же 400 рис. въ текстѣ, 22 таблицы и портретъ Лонгфелло; только бумага и форматъ другіе.

13. Красинскій. **ИРИДІОНЪ** — > 60 >
14. Бьёрнсонъ. **ПЕРЧАТКА** — > 40 >
15. Гауптманъ. **РОЗА БЕРНДЪ** — > 50 >
16. Золя. **УГЛЕКОПЫ** 1 > —
17. Гёте. **ФАУСТЪ**. Обѣ части. Переводъ въ прозѣ П. И. Вейнберга, съ примѣчаніями переводчика. . . 2 > —

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНИЕ» за пересылку не платящъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу Контора т-ва «ЗНАНИЕ». Спб., Невскій, 92.

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТЪ.

Роскошно иллюстрированное издание. Переводъ въ стихахъ И. А. Бунина. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около 400 иллюстрацій въ текстѣ; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна 2 рубля.

Дешевое издание. Портретъ Лонгфелло; около 400 рис. въ текстѣ, 22 рис. на отдѣльныхъ табл. Тотъ же переводъ, тѣ же иллюстраціи, какъ въ роскошномъ изданіи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна 80 коп.

Отзывы печати о переводѣ Ив. А. Бунина:

...»Во всемірной литературѣ не много есть эпическихъ произведеній, которыя по художественной красотѣ превосходили бы «Пѣснь о Гайаватѣ»... Переводъ исполненъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ». (*Русск. Вѣдомости*).

«Лонгфелло принадлежитъ къ благороднѣйшимъ поэтамъ нашего вѣка не только по своему исключительному поэтическому дарованію, но и по широкимъ интересамъ и высоко гуманному настроенію... Въ Великобританіи онъ занимаетъ мѣсто въ ряду величайшихъ поэтовъ... Лучшая поэма его—«Пѣснь о Гайаватѣ». Переводчикъ вполне успѣшно справился со своей нелегкой задачей, сумѣвъ сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабивъ его могучей образности, что очень рѣдко случается съ нашими стихотвореніями»... (*Миръ Божій*).

«Пѣснь о Гайаватѣ»—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго поэта... Благородный и величественный образъ Гайаваты, постоянно борющагося со зломъ и глубоко страдающаго за людей, производитъ необыкновенно облагораживающее, возвышающее впечатлѣніе... Незаурядный переводъ г. Бунина сдѣланъ по подлиннику съ величайшей тщательностью, стихъ его легокъ и музыкаленъ, образы поэтичны, тонъ выдержанъ прекрасно и какъ нельзя лучше передаетъ то величественное впечатлѣніе, какое и должна производить «Пѣснь о Гайаватѣ»... (*Сынъ Отечества*).

«Знаменитая поэма Лонгфелло дождалась, наконецъ, дѣйствительно талантливаго, а въ большой своей части и прямо образцоваго перевода, принадлежащаго перу нашего молодого беллетриста Ив. Бунина»... (*Жизнь*, 1900 г.)

«Пѣснь о Гайаватѣ» принадлежитъ къ крупнѣйшимъ жемчужинамъ міровой поэзіи... Переводъ И. А. Бунина положительно превосходенъ: онъ музыкаленъ, поэтиченъ, передаетъ вполне духъ подлинника и вообще очень близокъ къ нему»... (*Дионея, Од. Листокъ*).

«Пѣснь о Гайаватѣ»—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя съ первыхъ же страницъ захватываютъ высокой и свѣтлой поэзіей. Г. Бунинъ далъ больше, чѣмъ хорошій переводъ, онъ далъ произведеніе, отличающееся всею прелестью оригинала»... (*Вѣстникъ Воспитанія*).

Никольскій. ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

Разсказъ о путешествіяхъ: 1) въ Туркестанѣ; 2) на Ледовитомъ океанѣ; 3) въ Сѣверной Персіи; 4) На Сахалинѣ — Въ книгѣ 155 рис. Кромѣ того, 24 картины на отд. табл. Цѣна 2 р.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга *рекомендована для приобретения въ библиотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Пров. книга *одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.*

Тиндаль. ЗВУКЪ.

Съ англійскаго:—Переводъ М. А. Антоновича.—Второе русское изданіе, свѣренное съ послѣднимъ англійскимъ изданіемъ и съ нѣмецкимъ переводомъ А. Гельмгольца и К. Дюбуа-Реймонъ, дополненное по англійскому изданію.

Двѣсти четыре иллюстраціи въ текстѣ.—Цѣна 1 р. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пров. настоящее изд. перевода Антоновича *одобрено для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ въ награду, а также для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библиотекъ городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.*

Штёррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ А. А. Крогіуса. Цѣна 1 р. 50 к.

Съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева.

Съ приложеніемъ указателя сочиненій по психологіи, педагогикѣ, теоріи познанія и психопатологіи, составленнаго проф. Сиб. Университета А. И. Введенскимъ, приватъ-доцентомъ И. И. Лапшинымъ и А. А. Крогіусомъ.

«Психопатологія можетъ дать много цѣннаго для психологіи. Чтобы выяснитъ разные вопросы психологіи, мы должны выбрать изъ области патологіи такіе случаи, которые представляли бы въ извѣстномъ смыслѣ, эксперименты, произведенные природой. Это именно и сдѣлалъ авторъ въ предлагаемомъ сочиненіи...» (*Изъ предисловія автора къ русскому изданію.*)

«Современные психологи все чаще и чаще обращаются къ психопатологіи за разъясненіемъ многихъ спорныхъ вопросовъ. Являясь настоятельная потребность представить въ единомъ цѣльномъ изложеніи всѣ данныя патологической психологіи. Этой насущной потребности и отвѣчать книга проф. Штёрринга...» (*Изъ предисловія академика Бехтерева.*)

PG3227
S27
V.2

18. VIII

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

0000

3 0000 093 589 095